

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ВОСТОЧНЫХ РУКОПИСЕЙ

MONGOLICA

Том XXV • 2022 • № 1

Санкт-Петербург

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт восточных рукописей
(Азиатский Музей)

MONGOLICA

Санкт-Петербургский журнал монголоведческих исследований

Том XXV • 2022 • № 1

Выходит 4 раза в год

Издается с 1986 г.

Учредитель: ФГБУН

Институт восточных рукописей РАН

**Посвящается 100-летию со дня рождения российского
монголоведа Лидии Леонидовны Викторовой (1921–2006)**

191186. Санкт-Петербург,
Дворцовая наб., д. 18
Тел.: +7 (812) 315-87-28
<http://orientalstudies.ru>
mongolica@orientalstudies.ru
kulgan@inbox.ru
dnosov@mail.ru

Свидетельство о регистрации
средства массовой информации
ПИ № ФС77-79202
от 22 сентября 2020 г.

Редакционная коллегия:

И. В. Кульганек, *главный редактор,*
доктор филологических наук (Россия)
Д. А. Носов, *секретарь, кандидат филологических наук*
(Россия)
М. А. Козинцев, *помощник секретаря (Россия)*
Г. Билгуудэй, *доктор филологических наук (Монголия)*
А. Бирталан, *доктор наук (Венгрия)*
Р. М. Валеев, *доктор исторических наук (Россия)*
Л. С. Дампилова, *доктор филологических наук (Россия)*
И. В. Зайцев, *доктор исторических наук, профессор РАН*
(Россия)
Ж. Легран, *доктор наук, профессор (Франция)*
В. Капишовска, *доктор наук (Чехия)*
С. Л. Невелева, *доктор филологических наук (Россия)*
К. В. Орлова, *доктор исторических наук (Россия)*
М. П. Петрова, *кандидат филологических наук (Россия)*
Р. Поп, *доктор наук (Румыния)*
Т. Д. Скрынникова, *доктор исторических наук,*
профессор (Россия)
С. Чулуун, *академик МАН (Монголия)*
Е. Э. Хабунова, *доктор филологических наук (Россия)*
Н. Хишигт, *кандидат исторических наук (Монголия)*
Н. С. Яхонтова, *кандидат филологических наук (Россия)*

Оригинал-макет изготовлен издательством «Петербургское Востоковедение»
Литературный редактор и корректор — Т. Г. Бугакова
Технический редактор — Г. В. Тихомирова
✉ 198152, Россия, Санкт-Петербург, а/я № 2
e-mail: pvcentre@mail.ru; web-site: <http://www.pvost.org>
Подписано в печать 10.03.2022
Формат 60×90 1/8. Объем 12 печ. л. Заказ №
Отпечатано в типографии ООО «Свое издательство»,
Санкт-Петербург. 4-я линия В. О., д. 5. e-mail: editor@isvov.ru

ISSN 2311-5939
DOI 10.25882/gssy-r235

© Институт восточных рукописей РАН
(Азиатский Музей), 2022
© Коллектив авторов, 2022

В НОМЕРЕ:

100 лет со дня рождения Л. Л. Викторовой (1921–2006) (<i>Редколлегия</i>)	5
---	---

ИСТОРИОГРАФИЯ, ИСТОРИЯ

С. В. Романова. Андрей Григорьевич Данилин как исследователь традиционной культуры алтайцев (по материалам Российского этнографического музея)	7
---	---

ФИЛОЛОГИЯ

О. К. Бабаева. Особенности перевода поэтических произведений (на примере стихотворений Д. Н. Кугультинова)	32
В. З. Церенов. О происхождении и значении имени Джангар	38
Б. Л. Митруев. Калмыцкие печати на санскрите	47

СМЕЖНЫЕ ДИСЦИПЛИНЫ

И. А. Алимов. Бюрократия в движении: китайские путевые дневники X–XIII вв. (II)	55
Ю. А. Иоаннисян. Проповеди Сайида Казима Рашти в месяц рамадан 1257 г. х.: к вопросу о «про- роческих/религиозных циклах» в учении шейхитов	62

ИЗ АРХИВОВ ВОСТОКОВЕДОВ

С. С. Сабрукова. Страницы истории отечественного монголоведения из воспоминаний Г. И. Михайлова (1909–1986)	67
--	----

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

К. В. Орлова. Международная научная конференция «100 лет дипломатических отношений между Россией и Монголией: от дружественных отношений к всеобъемлющему стратегическому партнерству»	76
И. В. Кульганек. Новые книги по монголоведению	81

IN MEMORIAM

Памяти Елены Юрьевны Харьковской (1955–2021)	89
--	----

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
Institute of Oriental Manuscripts
(Asiatic Museum)

191186, Russian Federation
Saint Petersburg,
Dvortsovaya Emb., 18
Phone: +7 (812) 315-87-28
<http://orientalstudies.ru>
mongolica@orientalstudies.ru
kulgan@inbox.ru
dnosov@mail.ru

MONGOLICA

Saint Petersburg journal for Mongolian studies

Vol. XXV • 2022 • No. 1

The journal is published four times a year.

Published since 1986

Founder: Federal State Institution of Science
Institute of Oriental Manuscripts of the Russian Academy
of Sciences

**Dedicated to the 100th anniversary of the Russian
Mongolist Lidia Leonidovna Viktorova (1921–2006)**

Editorial board:

I. V. Kulganek — *editor-in-chief, D. Sc. (Philology),
Russian Federation*

D. A. Nosov — *secretary, Cand. Sc. (Philology),
Russian Federation*

M. A. Kozintcev — *assistant secretary, Russian Federation*

G. Bilguudei. *D. Sc. (Philology), Mongolia*

A. Birtalan. *Ph. D., Hungary*

S. Chuluun. *Academician of the Mongolian Academy
of Sciences, Mongolia*

L. S. Dampilova. *D. Sc. (Philology), Russian Federation*

J. Legrand. *D. Sc., Professor, France*

V. Kapishovska. *Ph. D., Czech Republic*

E. E. Khabunova. *D. Sc. (Philology), Russian Federation*

N. Khishigt. *Ph. D. (History), Mongolia*

S. L. Neveleva. *D. Sc. (Philology), Russian Federation*

K. V. Orlova. *D. Sc. (History), Russian Federation*

M. P. Petrova. *Ph. D. (Philology), Russian Federation*

R. Pop. *Ph. D., Romania*

T. D. Skrynnikova. *D. Sc. (History), Russian Federation*

R. M. Valeev. *D. Sc. (History), Russian Federation*

N. S. Yakhontova. *Cand. Sc. (Philology), Russian Federation*

I. V. Zaytsev. *D. Sc. (History), professor of the Russian
Academy of Sciences, Russian Federation*

ISSN 2311-5939
DOI 10.25882/gssy-r235

© Institute of Oriental Manuscripts RAS
(Asiatic Museum), 2022
© Group of authors, 2022

IN THIS ISSUE:

The 100th anniversary of L. L. Viktorova (1921–2006) (<i>from the Editorial Board</i>)	5
--	---

STUDIES IN HISTORY

S. V. Romanova. Andrey Grigoryevich Danilin as a researcher of the traditional culture of the altaians (based on the materials of the Russian museum of Ethnography)	7
---	---

STUDIES IN PHILOLOGY

O. K. Bavaeva. Translation features of the poetry (poems by David N. Kugultinov)	32
V. Z. Tserenov. On the origin and meaning of the name Djangar	38
B. L. Mitruiev. Kalmyk seals in Sanskrit	47

RELATED DISCIPLINES

I. A. Alimov. Bureaucracy in motion: Chinese travel diaries of the 10th–13th Centuries (II)	55
Y. A. Ioannesyan. Sermons of Sayyid Kazim Rashti in the month of Ramadan 1257 AH: On the issue of “prophetic/religious cycles” In the Shaykhi teachings	62

ARCHIVES OF MONGOLIAN STUDIES

S. S. Sabrukova. A history of Mongolian studies in Russia: from the memoirs of G. I. Mikhaylov (1909–1986)	67
---	----

REVIEWS

K. V. Orlova. International academic conference “100 years of diplomatic relations between Russia and Mongolia: from friendly relations to a comprehensive strategic partnership”.	76
I. V. Kulganek. New Publications on Mongolian Studies	81

IN MEMORIAM

In memory of Elena Yurievna Kharkova (1955–2021)	89
--	----

100 ЛЕТ ДО ДНЯ РОЖДЕНИЯ Л. Л. ВИКТОРОВОЙ (1921–2006)

Лидия Леонидовна Викторова с преподавателями и бывшими студентами на Кафедре монгольской филологии Восточного факультета СПбГУ. 2005 г.

Этот номер журнала посвящается известному ученому-монголоведу, специалисту по этнографии и антропологии монголов Лидии Леонидовне Викторовой, которой в 2021 г. исполнилось бы 100 лет.

Она родилась в Симбирске (с 1924 г. — Ульяновск) 17 марта 1921 г. в семье врача; скончалась в Петербурге 27 сентября 2006 г.

В 1940 г. Лидия Леонидовна поступила на филологический факультет ЛГУ, где проучилась два года. В конце февраля 1942 г. была эвакуирована в Саратов, куда с началом блокады Ленинграда перевели Ленинградский университет. В следующем году последовала за мужем на фронт и в составе 5-й гвардейской танковой армии прошла путь от Харькова до Кировограда в качестве военного переводчика следственной части штаба. В 1944 г. была демобилизована по состоянию здоровья, вернулась к учебе и в 1948 г. окончила университет. В этом же году по-

ступила в очную аспирантуру, где проучилась до 1952 г. В 1956 г. была принята на должность старшего лаборанта кафедры монгольской филологии Восточного факультета Ленинградского ордена Ленина государственного университета имени А. А. Жданова, где проработала до 1960 г., являясь в то же время преподавателем этой же кафедры и редактором Ленинградского отделения издательства «Наука». В 1960 г. перешла на работу в Ленинградскую часть Института антропологии и этнографии АН СССР (ЛЧ ИЭ АН СССР. С 1992 г. по настоящее время — Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера)), где работала в должности сначала старшего научно-технического сотрудника, с 1962 г. — младшего научного сотрудника, с 1981 по 1998 г. — старшего научного сотрудника.

20 апреля 1962 г. Лидия Леонидовна защитила в Институте археологии АН СССР кандидатскую дис-

сертацию на тему «Ранний этап этногенеза монголов». Научным руководителем ее был известный советский востоковед, историк, этнограф и археолог Николай Васильевич Кюннер, автор блестящих трудов по истории, этнографии, истории материальной культуры Китая, Японии и Кореи; исследований и переводов классической исторической литературы, работ по источниковедению и библиографии, знаток шестнадцати языков, включая тибетский, корейский, монгольский, китайский, японский, санскрит, специалист по истории Тибета, Китая, Японии, Кореи, Маньчжурии, Синьцзяна, Монголии, Тувы. К сожалению, он не дожил нескольких лет до защиты своей аспирантки.

Л. Л. Викторова была участницей ряда экспедиций и международных конгрессов. Вся жизнь ее связана с изучением хозяйства, быта, уклада жизни монгольских народов: она исследовала этногенез, особенности расселения, становление классового общества древних монгольских кочевников, положение народов Сибири перед присоединением к Русскому государству, систему социализации детей и подростков у монголов, пути и причины её трансформации.

Лидия Леонидовна работала также над одной из самых животрепещущих проблем мирового монго-

ловедения. В XX в. учеными были предложены две гипотезы происхождения монгольской письменности: найманская и керейтская, но ни одна из них до сих пор не получила достаточного подтверждения. Лидия Леонидовна являлась сторонницей принадлежности киданьского языка к алтайской группе и его родства с монгольским языком, полагая, что в основу монгольского литературного языка лег язык семиреченских киданей (кара-кытаев), к которому была приспособлена уйгурская письменность, распространенная ранее среди ряда племен Средней Азии и Восточного Туркестана. Л. Л. Викторова полагала, что известного из «Сокровенного сказания» факта о грамотном наймане Тата-Тунге, обучавшем Чингис-хана и его окружение монгольскому письменному языку на основе уйгурской графики, недостаточно для того, чтобы говорить о принадлежности монгольского языка к найманской группе.

Л. Л. Викторова принимала участие в нескольких этнографических экспедициях в Монголию (1967, 1968, 1969), в российских научных конференциях, а также в работе международных конгрессов, в том числе в работе Международного конгресса антропологических и этнографических наук, проходившего в Москве в 1964 г.

Основные публикации Л. Л. Викторовой

Викторова Л. Л. Монголы: Происхождение народа и истоки культуры. М.: Изд.-во Наука, 1980. 224 с.

Викторова Л. Л. К вопросу о найманской теории происхождения монгольского литературного языка и письменности (XII–XIII вв.) // Учен. зап. ЛГУ. № 306. Серия востоковедч. наук. Вып. 12. Языки народов Востока. Л., 1961. С. 137–156.

Викторова Л. Л. К вопросу о расселении монгольских племен на Дальнем Востоке в IV в. до н. э. — XII в. н. э. // Учен. зап. ЛГУ. № 256. Серия востоковедч. наук. Вып. 7. История и филология стран Востока. Л., 1958. С. 41–67.

Викторова Л. Л. Кочевой уклад в киданьской империи // Материалы по этнографии ВГО. Л., 1961. Вып. 1. С. 31–35.

Викторова Л. Л. Монголы МНР // Народы Восточной Азии. М.; Л., 1965. С. 705–719, 771–774.

Викторова Л. Л., Эрднеев У. Э. Калмыки // Народы Европейской части СССР. Т. 2. М., 1964. С. 742–770.

Викторова Л. Л. Монголы МНР // Народы Восточной Азии. М.; Л., 1965. С. 705–719, 771–774.

Викторова Л. Л. Становление классового общества у древнемонгольских кочевников // Проблемы истории докапиталистических обществ. Кн. 1. М., 1968. С. 546–575.

Викторова Л. Л. Роль стереотипа культуры в этногенезе монголов // Археология и этнография Монголии. Новосибирск, 1978. С. 5–14.

Викторова Л. Л. Система социализации детей и подростков у монголов, пути и причины трансформации её элементов // Этнография детства. Традиционные формы воспитания детей и подростков у народов Восточной и Юго-Восточной Азии. М., 1983. С. 51–71.

Редколлегия

С. В. РОМАНОВА

Российский этнографический музей

АНДРЕЙ ГРИГОРЬЕВИЧ ДАНИЛИН КАК ИССЛЕДОВАТЕЛЬ ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ АЛТАЙЦЕВ (ПО МАТЕРИАЛАМ РОССИЙСКОГО ЭТНОГРАФИЧЕСКОГО МУЗЕЯ)

Статья ставит перед собой цель осветить деятельность Андрея Григорьевича Данилина как исследователя-алтаиста и собирателя этнографических коллекций по традиционной культуре алтайцев, а также ввести в научный оборот неопубликованные данные о собирателе и сфере его научных интересов, хранящиеся в фондах и Архиве Российского этнографического музея. В статье обозначены перспективы атрибуции коллекций А. Г. Данилина с помощью идентификации собранных им вещевых памятников, которые поступили в Государственный музей этнографии во время передачи фондов московского Музея народов СССР, с авторскими описаниями этих предметов или их аналогов, опубликованными в его монографии «Бурханизм (из истории национально-освободительного движения в Горном Алтае)», вышедшей в Горно-Алтайске в 1993 г.

Ключевые слова: А. Г. Данилин, Алтай, алтаистика, традиционная культура, бурханизм, предметы культа.

Об авторе: РОМАНОВА Светлана Владимировна, научный сотрудник ведущей категории отдела этнографии народов Сибири и Дальнего Востока, Российский этнографический музей (Россия, 191186, Санкт-Петербург, ул. Инженерная, 4/1), ORCID 0000-0003-4960-4801 (romanova_rme@mail.ru).

© ИВР РАН, 2022

© Романова С. В., 2022

Научной биографии Андрея Григорьевича Данилина (19.08.1896–12.02.1942) неоднократно уделялось место в отечественной литературе [Бурханизм, 2004. С. 72; Исследователи Горного Алтая, 2003. С. 41–43; Муйтуева, 1991. С. 157–159; Решетов, 2012. С. 203–204; Российский этнографический музей. 1902–2002, 2001. С. 217] и интернет-публикациях¹. Наиболее полной с точки зрения историографии алтаистики является статья Веры Павловны Дьяконовой, написанная в качестве предисловия к основному труду исследователя — посвященной алтайскому бурханизму монографии, опубликованной спустя более полувека со дня смерти этнографа в блокадном Ленинграде в 1942 г. [Дьяконова, 1993. С. 5–16], а также статья Д. В. Арзютова, написанная в соавторстве с дочерью исследователя — Лидией

Андреевной Данилиной [Арзютов, Данилина, 2020. С. 274–325]. Важной для характеристики А. Г. Данилина как алтаиста и фондообразователя Алтайского государственного краеведческого музея (во время сотрудничества с собирателем — Барнаульский окружной естественно-исторический музей) являются работы О. С. Мамонтовой [Мамонтова, 2014. С. 204–208; 2018. С. 168–171]. Тем не менее новые изыскания добавляют целый ряд штрихов к портрету исследователя и более полно иллюстрируют его вклад в алтаеведение и формирование музейных коллекций по традиционной культуре алтайцев. Важнейшее место в этой деятельности занимало изучение такого явления, как бурханизм, который в последние годы находится в центре внимания многих исследователей и носителей культуры [Романова, 2021. С. 129–143].

Важным, далеко не полностью или вовсе не введенным в научный оборот источником в этом отношении являются фонды и научный Архив Российского этнографического музея, первым заведующим

¹ Данилин Андрей Григорьевич (биографическая справка) // URL: <http://web1.kunstkamera.ru/siberia/Danilin.html>; URL: <https://ethnomuseum.ru/kollekcii/onlajn-vystavka-k-75-letiyu-pobedy/sohranivshie-muzej/> (дата обращения: 05.06.2021).

которого являлся интересующий нас исследователь. Написание его биографии — непростая задача в силу уже хотя бы тех обстоятельств, что он не принадлежал какой-то одной определенной этнографической школе. Его профессиональная деятельность была связана со многими выдающимися учеными того времени и целым рядом научных учреждений, а в сферу его исследовательских и музейных интересов входила культура самых разных этносов (русских, тюркоязычных народов Сибири и Средней Азии, финно-угорских народов Северо-Западного региона, народов Дагестана, крымских болгар, молдаван) и отличающаяся существенным многообразием тематическая проблематика, о чем свидетельствует составленный им самим 14 июля 1939 г.² перечень опубликованных работ, который был приведен в предисловии к его основному труду — монографии «Бурханизм (из истории национально-освободительного движения в Горном Алтае)» [Дьяконова, 1993. С. 15–18]. Кроме исследовательской работы в области этнографии научные интересы А. Г. Данилина распространялись на лингвистику, фольклористику, религиоведение, занимался он также научно-просветительской (экскурсионной), экспозиционно-выставочной, научно-организационной работой и архивным делом.

Наша публикация ставит перед собой задачу представить А. Г. Данилина прежде всего как алтаеведа и собирателя этнографических коллекций по традиционной культуре алтайцев. Опираясь на научные публикации и данные, хранящиеся в Архиве РЭМ [Архив РЭМ. Ф. 2. Оп. 3. Д. 43. Л. 1–42 (Личные дела сотрудников)], остановимся коротко на его биографии с акцентом на интересующей нас теме.

Андрей Григорьевич Данилин родился 19 августа 1896 г. в с. Красное Михайловского уезда Рязанской губернии (позднее, после районирования — Московской обл.) в семье крестьянина-середняка. Его отец Григорий Васильевич Данилин, служивший в прошлом в царской армии и бывший железнодорожный жандарм, в послереволюционный период был лишенцем (т. е. лишенным избирательных прав. — Р. С.), в 1928 г. постановлением Комиссии ВЦИК был восстановлен в правах как доказавший честным трудом свою лояльность по отношению к новой власти, с 1930 г. колхозник. Мать — Анна Ионовна, в девичестве Лопнева, — домохозяйка. Женой Андрея Григорьевича в период работы в Государственном музее этнографии (ныне РЭМ) являлась Вильгельмина Трисман, политэмигрантка, голландка по происхождению из семьи типографского рабочего из Роттердама, приехавшая в СССР в 1926 г. и учившаяся в Ленинградском Восточном институте.

С 1911 по 1915 г. А. Г. Данилин обучался в Рязанской учительской семинарии. Затем, окончив в

Ростове-на-Дону Мореходное училище, в 1916–1917 гг. был матросом Черноморской транспортной флотилии; в 1919–1920 гг. — инспектором по внешкольному образованию Михайловского уездного отдела народного образования. В 1919 г. учился в Москве в Институте народного образования при Университете Шанявского, где прослушал трехмесячные курсы по музейно-экскурсионно-выставочному делу. Его интерес к этнографии определился под влиянием лекций В. Н. Харузиной и В. А. Городцова, а также знакомства с московскими учеными Д. Н. Анучиным, В. В. Богдановым, Н. А. Янчуком и др. Позднее он участвовал в археологических раскопках крупного исследователя Б. А. Куфтина [Архив РЭМ. Ф. 2. Оп. 3. Д. 43. Л. 32]. Одновременно начинается его музейная работа в качестве экскурсовода в Румянцевском музее, этнографические коллекции которого впоследствии явились основой собрания Центрального музея народоведения (далее: ЦМН).

В 1920–1921 гг. перед научно-педагогической экспедицией в Туркестан, организованной Наркомпросом, Данилин знакомится с крупнейшими исследователями того времени: С. Ф. Ольденбургом, В. В. Бартольд, В. П. Семеновым-Тянь-Шанским, а через них — с ташкентскими научными кругами. Эта экспедиция показала молодому этнографу необходимость продолжить специальное образование, и в 1922 г. он поступает на Этнографическое отделение Географического института в Петрограде (позднее Географический факультет ЛГУ), где обучается до 1927 г. и слушает лекции таких классиков отечественной этнографии, как Д. К. Зеленин, Л. Я. Штернберг, В. Г. Богораз.

В автобиографии он вспоминает: «Экспедиция полностью не осуществила своих задач главным образом из-за неподготовленности участников. Мне, в частности, стала совершенно очевидной необходимость систематического этнографического образования. Поэтому в 1922 г. по командировке в Рязанский губернский отдел Народного образования (где меня знали как активного краеведа, основавшего в 1920 г. в г. Михайлове Отделение Общества исследователей Рязанского края), я поступил в Ленинградский географический институт на географический факультет» [Архив РЭМ. Ф. 2. Оп. 3. Д. 43. Л. 13].

В студенческие годы связь А. Г. Данилина с московской этнографией не прерывается. Из-за болезни легких он вынужден подолгу жить в Москве, где в 1923–1924 гг. является научным сотрудником Центрального бюро краеведения, а с 1925 г. заведует этнографическим отделом Музея Центрально-Промышленной области и участвует в поездках по ее районным центрам. В этот период жизни А. Г. Данилин ездит летом в Крым, Дагестан, Казахстан на практику, в ходе которой собирает коллекции для музеев и ведет этнографические и фольклорные записи. Экспедиция в Дагестан от Центрального музея

² См. приложение в конце публикации.

народов СССР³ и Дагестанского музея была осуществлена им в 1925 г. совместно с Лидией Эдуардовной Каруновской⁴ и его сестрой Клавдией Григорьевной Данилиной [Архив РЭМ. Ф. 2. Оп. 3. Д. 43. Л. 32]. В то же время он руководит экскурсионной работой в Этнографическом отделе Русского музея и Музее антропологии и этнографии [Архив РЭМ. Ф. 2. Оп. 3. Д. 43. Л. 13].

В 1927–1929 гг., уже будучи дипломированным этнографом, опытным полевиком и собирателем, А. Г. Данилин совместно с Л. Э. Каруновской участвует в Ойротской комплексной экспедиции КИПС АН СССР. С июня по сентябрь 1927 г. ими были обследованы алтайцы Шебалинского и Онгудайского аймаков, а затем телеуты Бачатского района Кузнецкого округа и собраны коллекции по материальному производству и верованиям этих народов (шаманизм и бурханизм) [Архив РЭМ. Ф. 2. Оп. 3. Д. 43. Л. 33–34].

Этноконфессиональная ситуация на Алтае находится в фокусе пристального внимания исследователей (ситуация, характерная как для первых десятилетий XX в., так и для настоящего времени) [Романова, 2021. С. 129–143]. Начало этому в Этнографическом отделе Русского музея императора Александра III было положено еще в 1904 г. его первым заведующим Дмитрием Александровичем Клеменцем [Дьяконова, 1998. С. 147–154; Клеменц, 1905. С. 155–159; Романова, 2019. С. 240–246], причем, как явствует из статьи 1932 г., А. Г. Данилин знаком среди прочих с его мнением по поводу бурханизма и полемизирует с ним [Данилин, 1932. С. 63–64]. В той же работе Данилин дает собственную характеристику этого явления: «Бурханизм есть одна из типичных форм религиозного синкретизма. В новой вере сочетались элементы шаманистской основы («черная вера») с привнесенными из Монголии ламаистскими представлениями и верованиями. Под этой идеологической оболочкой выявилось националистическое движение 1904–1905 гг., руководимое молодой алтайской буржуазией и направленное против русских; эта форма сохранилась потом, давая хорошее прикрытие для эксплуататорских тенденций байства» [Данилин, 1932. С. 66]. Далее он подчеркивает, что «вся ритуальная сторона бурханизма целиком окрашена ламаистскими влияниями» [Данилин, 1932. С. 66].

³ В означенный период времени московский музей официально назывался Центральным музеем народоведения, впоследствии он был переименован в Музей народов СССР.

⁴ Л. Э. Каруновская — научный сотрудник МАЭ, автор ряда работ по традиционной культуре алтайцев. Например: Из алтайских верований и обрядов, связанных с ребенком // Сб. МАЭ. Т. 6. Л., 1927. С. 19–36; «Календарь» двенадцатилетнего цикла у алтайцев и телеутов // Доклады АН СССР. Сер. В. 1929, № 1; Представления алтайцев о Вселенной (материалы к алтайскому шаманству) // СЭ. 1935, № 4–5. С. 160–163.

В начале советского периода, в 1925 г., этноконфессиональную ситуацию на Алтае (бурханизм, в частности) фиксирует в своем полевом отчете и фотокolleкции крупнейший отечественный археолог и этнограф С. И. Руденко⁵ [Руденко, 1926. С. 70, 71]. Не исключено, что именно информация, собранная Руденко во время этой поездки, дала импульс для целенаправленного изучения бурханизма А. Г. Данилиным [Романова, 2020. С. 130–135]. В 1928 г. этнограф продолжает работу в составе Алтайской экспедиции КИПС (20 июня — 3 сентября) в Шебалинском аймаке и сочетает ее с деятельностью по дополнительному заданию от Секции по изучению художественной культуры национальностей СССР Института истории искусств — собиранием музыкального фольклора с фонографом [Архив РЭМ. Ф. 2. Оп. 3. Д. 43. Л. 34]. С 20 мая по 8 сентября 1929 г. Алтайской экспедицией КИПС были обследованы поселения телеутов Верхне-Чулышманского р-на Барнаульского округа и Усть-Канского аймака с алтайским населением. Собраны коллекции по одежде, производству (для МАЭ) и бурханизму [Архив РЭМ. Ф. 2. Оп. 3. Д. 43. Л. 37]. Сбор полевого материала А. Г. Данилину облегчало изучение алтайского языка [Архив РЭМ. Ф. 2. Оп. 3. Д. 43. Л. 1. Единый личный листок по учету кадров научно-профессионального и обслуживающего персонала Государственного музея этнографии на 1936 год]. В документах, хранящихся в Архиве РЭМ, он указывает, что знает разговорный алтайский [Архив РЭМ. Ф. 2. Оп. 3. Д. 43. Л. 4], читает и может объясняться на алтайском языке [Архив РЭМ. Ф. 2. Оп. 3. Д. 43. Л. 6].

В конце 1920-х — начале 1930-х гг. на Алтае ведется активная научно-исследовательская и полевая работа. Там начинают научную деятельность ставшие впоследствии классиками советской этнографии, а тогда молодые сотрудники Центрального музея народоведения М. Г. Левин и С. А. Токарев. Музею народоведения и открывшемуся там в мае 1932 г. отделу Народов Северной Азии, которым руководил Токарев, посвящен ряд публикаций первой половины 1930-х гг. [Иванов, 1933. С. 68–72; Токарев, 1933. С. 114–118; 1934. С. 108–112]. Основной темой деятельности музея было учение о строительстве культур, национальных по форме и социалистических по содержанию, а экспозиция отдела Северной Азии состояла из двух больших частей: «Сибирь — царская колония» и «Социалистическое строительство у народов Северной Азии», причем алтайский бурханизм демонстрировался там в ряду явлений, характеризующих буржуазно-демократическое движение начала XX в. [Токарев, 1933. С. 114, 116]. В этом контексте, вероятно, и разворачивается в конце 1920-х — начале 1930-х гг. собирательская деятельность московского ЦМН, в которой принимает активное участие и ленинградский исследователь А. Г. Данилин. Некоторые предметы, собранные

⁵ РЭМ, coll. № 4690.

на Алтае М. Г. Левиным и С. А. Токаревым, сейчас также находятся среди коллекций МН СССР в РЭМ. Одним из результатов этих экспедиций помимо приобретенных экспонатов явилась монография С. А. Токарева «Докапиталистические пережитки в Ойротии»⁶, где синкретическую религию алтайцев он характеризует как антирусский шаманско-ламайский бурханизм [Токарев, 1936. С. 137].

Кроме вышеупомянутых ученых А. Г. Данилин и Л. Э. Каруновская были связаны с известнейшим ученым Алтая А. В. Анохиным, имя которого сейчас присвоено Национальному музею республики Алтай. В 1929 г. на очередном заседании совета алтайского музея, с коллективом которого имелись длительные и тесные контакты, они делают доклады: «Степень изученности Ойротии в этнографическом отношении и очередные задачи изучения культуры алтайцев», «Религиозный синкретизм на Алтае» и «Народная медицина у алтайцев и телеутов» [Белекова].

В годы работы на Алтае Данилин и Каруновская общались и сотрудничали также с такими известными учеными, как М. П. Грязнов, С. В. Киселев и академик А. Н. Самойлович [Дьяконова, 1993. С. 7].

В этот период А. Г. Данилин работает также заместителем секретаря Отделения этнографии и секретаря Комиссии по изучению народной музыки Географического общества. В 1928 г. является участником Шокшозерской экспедиции Географического общества (Лодейнопольский округ) [Архив РЭМ. Ф. 2. Оп. 3. Д. 43. Л. 13 об.]. Активно занимается популяризацией алтайской культуры и делает целый ряд сообщений, касающихся бурханизма, что свидетельствует о большом интересе к этой теме как в научных кругах, так и среди широкой аудитории. В числе его докладов можно назвать: сообщение в Радловском кружке МАЭ «Материалы по бурханизму алтайцев и телеутов, собранные летом 1927 г.»; сообщение на заседании Секции художественной культуры народов СССР «Песни алтайцев и телеутов» с демонстрацией фонограмм⁷; сообщение в

ЭО ГРМ для экскурсоводов «Быт населения Алтая»; доклад в Институте истории искусств «Бурханизм»; доклад в Отделении этнографии РГО «Культура и быт алтайцев и телеутов» и тот же доклад в Московской секции ГАИМК. Кроме того, А. Г. Данилин был включен в работу секции тюркологии организованного при РГО НИИ этнографии, где совместно с Л. Э. Каруновской сделал сообщение: «Степень изученности Алтая в этнографическом отношении». Помимо этого он делает сообщение в Этнографическом отделении ОЛЕАЭ в Москве на конференции «Бурханизм», проводившейся под председательством В. В. Богданова; читает доклад на заседании Секции этнографии и лингвистики юбилейного съезда Казанского ОАИЭ «Религиозный синкретизм в мировоззрении алтайцев» и сообщение в Барнаульском отделе РГО — «Степень изученности Алтая в этнографическом отношении и задачи этнографических экспедиций КИПС» [Архив РЭМ. Ф. 2. Оп. 3. Д. 43. Л. 34] и т. д.

В конце 1920-х гг. А. Г. Данилин занимался также научно-организационной работой и являлся членом инициативной группы по созыву совещания этнографов Москвы и Ленинграда, а также участником этого судьбоносного совещания (5–11 апреля 1929 г.) [От классиков к марксизму, 2014] и участником 50-летнего юбилея Казанского ОАИЭ от РГО [Архив РЭМ. Ф. 2. Оп. 3. Д. 43. Л. 34].

В начале 1930-х гг. (1930–1932) исследователь становится научным сотрудником ГАИМК (Государственной академии истории материальной культуры) и одновременно — научным сотрудником ИПИИ (Институт по изучению народов СССР; 1931–1933 гг.), в 1932–1933 гг. работает также в Музее антропологии и этнографии, где в 1933 г. становится заведующим политпросветотделом. Среди прочей нагрузки в 1932 г. — членство в организационном Бюро Всероссийского археолого-этнографического совещания, где он участвует с докладом в яфетическом семинарии И. И. Мещанинова: «Теория миграций в свете нового учения о языке». Уделяя внимание методике этнографических, в частности полевых исследований⁸, он делает сообщения в ИПИИ «Техника полевой работы и подготовка материалов к печати» и «Библиография материальной культуры алтайцев и телеутов» в ГАИМК [Архив РЭМ. Ф. 2. Оп. 3. Д. 43. Л. 37].

С 1 ноября 1933 г. А. Г. Данилина принимают на научным сотрудником по договору в ЭО ГРМ, с 1934 г. он работает в Государственном музее этнографии, где его уже знали по прежней работе в КИПС и ГАИМК и куда он был рекомендован

⁶ Ойротия, или Ойротская автономная область — административно-территориальная единица РСФСР, существовавшая с 1922 по 1948 г. Коренное тюркоязычное население этой области тогда было принято называть ойротами. В 1948 г. это административное название и этноним для данной территории и населения были признаны ошибочными. Ойротская АО была переименована в Горно-Алтайскую автономную область, а этнической общности, проживавшей на этой территории и состоящей из ряда близкородственных тюркоязычных групп, присвоено название алтайцы. В настоящее время большинство из них выделены в самостоятельные этносы. Этноним алтайцы теперь употребляется как синоним самоназвания самой крупной и наиболее консолидированной общности — алтай-кижи.

⁷ Фонографические коллекции А. Г. Данилина и Л. Э. Каруновской хранятся в Фонограммархиве ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН. Записи выполнены на восковых валиках

(фонографических цилиндрах) в 1928 г. на территории Ойратской автономной области РСФСР. См.: [Коллекции, 2005. С. 19, 29, 68, 70].

⁸ Методика полевых исследований была одним из важных направлений в этнографии первых лет советской власти. См.: [Арзютов, Кан, 2013. С. 45–68].

А. К. Супинским и Л. П. Потаповым [Архив РЭМ. Ф. 2. Оп. 3. Д. 43. Л. 2 об. Единый личный листок по учету кадров научно-профессионального и обслуживающего персонала Государственного музея этнографии на 1936 год]. В 1935 г. он получает статус штатного младшего научного сотрудника: занимается инвентаризацией, заведует научным Архивом и является секретарем редакционно-издательского бюро ГМЭ, а в 1939 г. ввиду написания монографии о бурханизме производится в старшие научные сотрудники.

В 1934 и 1935 гг. этнограф снова совершает экспедиции в Горный Алтай, где продолжает собирать материалы по бурханизму. В статье 1932 г. он пишет: «В годы социалистической реконструкции хозяйства бурханизм не исчез окончательно, а нашел своих последователей в лице кулацких элементов противников коллективизации», но в то же время отмечает, что отказ от этой веры начинает носить массовый характер и сопровождается публичными заявлениями в прессе служителей культа *ярлыкчы* об отказе от ярлычества [Данилин, 1932. С. 87, 89–91]. 2 июля — 21 сентября 1934 г. и 15 мая — 15 сентября 1935 г. Данилин — член комплексной экспедиции Ойротского государственного музея. Параллельно со сбором материала по бурханизму в Онгудайском аймаке он выполняет задание ВЦКНА по собиранию материалов о внедрении нового (латинизированного) алфавита. Выступает с рядом докладов, в частности в Крайкоме СВБ о бурханизме и на пленуме Областного Ойротского комитета нового алфавита [Архив РЭМ. Ф. 2. Оп. 3. Д. 43. Л. 38]. В 1936 г. на научном собрании Музея истории религии Академии наук СССР делает доклад «К вопросу о сущности бурханизма» [Архив РЭМ. Ф. 2. Оп. 3. Д. 43. Л. 39].

По результатам полевых исследований, обобщенных в диссертационном сочинении, в 1940 г. в Ленинградском государственном педагогическом институте им. А. И. Герцена А. Г. Данилин защитил кандидатскую диссертацию на тему «Бурханизм. Из истории национально-освободительного движения в Ойротии». Одним из его научных оппонентов выступал ведущий отечественный алтаист Леонид Павлович Потапов.

Приведем документы, касающиеся его диссертации.

*Народный комиссариат Просвещения РСФСР
Ленинградский государственный педагогический
институт им. А. М. Герцена*

**Выписка из протокола № 6
заседания ученого совета института от 26 июня
1940 года**

Слушали: Представление Ученого Совета Исторического факультета об утверждении в ученой степени кандидата исторических наук Данилина А. Г.

Тов. Данилин А. Г. в заседании Ученого Совета 11 июня 1940 г. защитил диссертацию на тему: «Бурханизм. Из истории национально-освободительного движения в Ойротии».

Постановили: Присвоить тов. Данилину А. Г. ученую степень кандидата исторических наук, как защитившему диссертацию.

*Председатель Ученого Совета
Директор Института
Ученый Секретарь*

*/Головачев/
/Петрушевский/*

[Архив РЭМ. Ф. 2. Оп. 3. Д. 43. Л. 15]

*В Государственный Педагогический институт
им. Герцена*

Дирекция Государственного Музея Этнографии направляет к Вам диссертацию ст. научного сотрудника Музея А. Г. Данилина: «Бурханизм. Из истории Национально-освободительного движения в Ойротии», на соискание ученой степени кандидата исторических наук.

Настоящая работа является результатом многолетних экспедиционных сборов автора в Ойротии и архивных работ в хранилищах Москвы, Ленинграда, Новосибирска, Барнаула, Бийска и Ойрот-Туры, — работа монографического характера.

Постановлением Комитета по делам Высшей Школы от 5.09 1939 г. А. Г. Данилин освобожден от сдачи кандидатских испытаний.

Работа имеет положительный отзыв члена-корреспондента Акад. Наук СССР, доктора исторических наук проф. А. М. Панкратовой, которую Музей представляет в качестве официального оппонента.

Другим официальным оппонентом Музей считает возможным выдвинуть Зав. отделом Народов Сибири Музея, кандидата исторических наук Л. П. Потапова, автора монографии «Очерки истории Ойротии».

Гос. Музей Этнографии просит поставить защиту указанной диссертации в возможно непродолжительном времени /конец марта или начало апреля/.

Все организационные расходы, оплату оппонентов, оповещения и пр. Гос. Музей Этнографии берет на себя.

*Директор ГМЭ
Ученый секретарь*

*Мильштейн Е. А.
Балакин В. К.*

[Архив РЭМ. Ф. 2. Оп. 3. Д. 43. Л. 41–41 об.]

Кроме научных изысканий А. Г. Данилин занимался также научно-организационной деятельностью: как уже было сказано, являлся членом инициативной группы по созыву и участником Этнографического совещания Москвы и Ленинграда; секретарем Комиссии по истории материальной культуры Ленин-

градского бюро краеведения; участником 1-го Всероссийского музейного съезда [Дмитриенко, Лозовая, 2013. С. 193–198] и IV Всероссийской краеведческой конференции; научным сотрудником КИПИН, секретарем редакции журнала «Советская этнография»; членом Оргбюро Всероссийского археолого-этнографического совещания и участником этого совещания [Архив РЭМ. Ф. 2. Оп. 3. Д. 43. Л. 26–26 об.] и т. д. В предвоенные годы был избран в действительные члены Общества изучения Урала, Сибири и Дальнего Востока, где работал в секции культуры и быта [Архив РЭМ. Ф. 2. Оп. 3. Д. 43. Л. 32], и в действительные члены Русского географического общества [Архив РЭМ. Ф. 2. Оп. 3. Д. 43. Л. 34].

Умер Андрей Григорьевич Данилин в блокадном Ленинграде на руках у своей коллеги и друга Л. Э. Каруновской. Архивные материалы А. Г. Данилина хранятся в архивах Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера)⁹ и Российского этнографического музея. Большая часть фотоколлекций по традиционной культуре алтайцев (МАЭ колл. № 4121; 4122; 4124; 4126; 4127) и телеутов (МАЭ колл. № 4120; 4123; 4125; 4126), сформированных в конце 1920-х гг. в ходе совместных с Л. Э. Каруновской экспедиций, хранится в МАЭ и сейчас находится в открытом доступе на официальном сайте Кунсткамеры в сети Интернет¹⁰. Сотни кадров отснятого материала отражают самые разные стороны традиционной культуры названных групп. Уникальными среди них являются фотографии, отображающие такое явление алтайской и телеутской культуры, как бурханизм: это бывшие и действующие ярлыкчи, бурханистские мольбища и ритуалы, а также реалии полевой практики того времени (приобретение экспонатов для музеев, сцены общения этнографа с местным населением, запись традиционного фольклора на фонограф). Фотографии проявлялись и печатались исследователем прямо на месте, фотоотпечатки тут же отдавались в школы, колхозы, отдельным лицам, в музей г. Горно-Алтайска [Дьяконова, 1993. С. 7].

Вещевые памятники, собранные А. Г. Данилиным с помощью его информантов в Горном Алтае, оказались в фондах разных музейных учреждений, это прежде всего МАЭ (1118 экспонатов по культуре алтайцев и телеутов [Арзютов, Данилина, 2020. С. 294]), Ойротский государственный музей, ЭО ГРМ/ГМЭ/РЭМ, а также московский Центральный музей народоведения (с 1934 г. Музей народов СССР), с которыми исследователь был издавна связан.

Судьба ЦМН и его коллекционного собрания оказалась сложной [Ипполитова, 2001. С. 144–160]. Му-

зей несмотря на все попытки специалистов его сохранить был расформирован. Большая часть его собрания в 1948 г. поступила в Государственный музей этнографии народов СССР, при этом значительная часть научной документации была утрачена. Коллекции Данилина, как и многие другие, были зарегистрированы формально, т. е. чисто описательно¹¹. Непростой оказалась и судьба его книги «Бурханизм (из истории национально-освободительного движения в Горном Алтае)», которая предполагалась к печати в ОГИЗ еще в 1930-е гг., но была издана только в 1993 г. в Горно-Алтайске (по варианту рукописи 1937 г.). Анализ произведения и обстоятельства его публикации изложены в рецензии, опубликованной Д. А. Функом в журнале «Этнографическое обозрение» в 1995 г. [Функ, 1995. С. 171–173]. Он акцентирует внимание на том, что Л. П. Потапов не раз поднимал вопрос о необходимости издания этой работы.

При сопоставлении материалов фондов и учетно-хранительской документации РЭМ, касающейся алтайского собрания МН СССР, с информацией, содержащейся в основном произведении ученого, можно идентифицировать целый ряд экспонатов с авторским текстом. Это позволяет значительно расширить сведения о некоторых уникальных предметах: выявить их владельцев, обстоятельства их изготовления и бытования, суть конкретных ритуалов, для которых они были созданы, а также сложную синкретическую шаманско-буддийскую символику предметов бурханистского культа. Наиболее интересные из этих памятников, употреблялись в таких ритуалах, как: *чок* (*жайыкчоктор*) — моление сакральным предметам *яикам*, располагавшимся внутри традиционного жилища (*ак-яик* и *сары-яик*), которые, по представлениям бурханистов, являлись представителями всеобщего духа-хозяина (Ак Алтайдын ээзи или Уч-Курбустан) в жилище; *такы* (*от такыр*) — моление духу огня (*от эне* или *оттын ээзи*); моления *урус* — брызгание молоком с чтением молитв, *кыйра* — моление при навешивании ленточек в знак благодарности духам и моление *арчын*, связанное с возжиганием вереска (в книге А. Г. Данилин постоянно употребляет слово вереск, но на самом деле речь идет о можжевельнике, по-алтайски — *арчын*, которому в традиционной культуре народов Южной Сибири приписываются сильные очистительные свойства. — Р. С.) [Данилин, 1993. С. 182]. Кроме них в ходе своих совместных с Л. Э. Каруновской поездок А. Г. Данилин приобрел элементы традиционного костюма алтайцев (алтайский традиционный костюм — также одна из научных тем исследователя), ряд предметов, характеризующих традиционный быт и ремесленное производство. Более тщательное изучение экспонатов МН СССР, собранных А. Г. Данилиным, с уче-

⁹ Бурханистские обрядовые тексты (благопожелания и гимны), зафиксированные исследователем и хранящиеся в МАЭ [Архив МАЭ. Ф. 15. Оп. 1. Д. 41], опубликованы также в издании: [Бурханизм, 2004. С. 100–128].

¹⁰ URL: <http://collection.kunstkamera.ru/entity/OBJECT?fund=44> (дата обращения: 13.02.2022).

¹¹ Долгое время их местонахождение не было определено вовсе [Дьяконова, 1993. С. 9].

том информации, зафиксированной в его работах, может открыть в будущем еще многое в плане их ат-

рибуции. На наш взгляд, эта тема достойна самостоятельной публикации.

Список работ А. Г. Данилина

Бурханизм (из истории национально-освободительного движения в Горном Алтае). Горно-Алтайск, 1993.

Бурханизм на Алтае и его контрреволюционная роль // Советская этнография. 1932. № 1.

Географический факультет Ленинградского государственного университета // Человек. Изд. АН. 1928. № 1.

Государственный институт музыкальных наук. Комиссия по изучению музыки при РГО // Этнография. 1926. № 1–2.

Государственный музей Центрально-Промышленной области и его этнографическая работа // Этнография. 1926. № 1–2.

Группа по изучению опыта колхоза ИПИН // Советская этнография. 1931. № 1–2.

Два письма Н. Я. Марра // Советская этнография. 1936. № 4–5.

Из истории национально-освободительного движения на Алтае // Борьба классов. 1936. № 9.

Из опыта ленинградских этнографов. Разряд этнографии ГАИМК после реорганизации // Этнография. 1930. № 4.

Комиссия по изучению народной музыки за 1927 г. // Этнография. 1928. № 1.

Краевой музей горных народов Северо-Кавказского края // Советская этнография. 1931. № 3–4.

Крестьянская одежда района Благословщины Рязанской губернии // Труды Общества исследователей Рязанского края. Вып. IX. Рязань, 1927.

Наука и пролетариат (тезисы доклада) // Тезисы 1-й Губернской конференции Пролетарских Культурно-Просветительских Организаций. Екатеринбург, 1920.

Некролог памяти М. Н. Покровского // Советская этнография. 1932. № 1.

Общество исследователей Рязанского края // Этнография. 1926. № 1–2.

Овины ЦПО. Тезисы и стенограмма доклада и заключительного слова на 2-м Областном совещании этнографов 10–12 декабря 1927 г. // Сб. Культура и быт населения ЦПО. М., 1928.

Опыт работы с национальной ойротской песней // Советская музыка. 1936. № 12.

Первые шаги колхозов бывшего Боровичевского округа // Сб. Труд и быт в колхозах. Л., 1931.

Первый Казахский съезд по краеведению // Советское краеведение. 1930. № 3–4.

Приспособление для основной сушки хлеба у восточных славян и их соседей // Этнография. 1928. № 2.

Секция этнографии Всесоюзного географического съезда // Советская этнография. 1933. № 2.

Тульский краеведческий музей и его этнографическая работа // Советская этнография. 1931. № 3–4.

Экспозиция Ленинградской области и Карелии в Русском музее // Советское краеведение. 1934. № 2.

Этнографическая работа Брянского музея // Советская этнография. 1932. № 5–6.

Этнографическая работа в Якутской АССР // Советская этнография. 1927. № 1.

Этнологическая рекогносцировка как один из видов полевой работы (тезисы доклада на I Областном совещании этнографов Центрально-промышленной области 29–30 марта 1926 г.) // Сб.: Вопросы этнологии Центрально-промышленной области. М., 1927.

Список сокращений

ВЦИК — Всероссийский центральный исполнительный комитет
ВЦКНА — Всесоюзный центральный комитет нового алфавита
ГАИМК — Государственная академия истории материальной культуры
ГМЭ — Государственный музей этнографии
ИПИН — Институт по изучению народов СССР
КИПС АН СССР — Комиссия по изучению племенного состава при Академии наук Союза Советских Социалистических Республик
МН СССР — Музей народов Союза Советских Социалистических Республик
МАЭ — Музей антропологии и этнографии

ОАИЭ — Общество археологии, истории и этнографии при Казанском университете
ОГИЗ — Объединение государственных книжно-журнальных издательств
ОЛЕАЭ — Общество любителей естествознания, археологии и этнографии
СВБ — Союз воинствующих безбожников
РГО — Русское географическое общество
РЭМ — Российский этнографический музей
ЦМН — Центральный музей народоведения
ЭО ГРМ — Этнографический отдел Государственного Русского музея
ЭО РМ — Этнографический отдел Русского музея

Использованная литература и архивные материалы

- Арзютов, Данилина, 2020: *Арзютов Д. В., Данилина Л. А.* Этнография этнографа: Андрей Григорьевич Данилин и его архивы // Сибирские исторические исследования. 2020. № 4. С. 274–325.
- Arziutov D. V., Danilina L. A.* Etnografiia etnografa: Andrei Grigor'evich Danilin i ego arkhivy [Ethnography of an ethnographer: Andrei Grigorievich Danilin and his archives] // Sibirskie istoricheskie issledovaniia. 2020. № 4. P. 274–325.
- Арзютов, Кан, 2013: *Арзютов Д. В., Кан С. А.* Концепция поля и полевой работы в ранней советской этнографии // ЭО. 2013. № 6. С. 45–68.
- Arziutov D. V., Kan S. A.* Kontsepsiia polia i polevoi raboty v rannei sovetskoi etnografii [The concept of field and field-work in early Soviet ethnography] // EO. 2013. № 6. P. 45–68.
- Белекова: *Белекова Э. А.* А. В. Анохин и краеведческое движение в Горном Алтае URL: <http://www.musey-anohina.ru/index.php/posetiteliyam/150-let-anokhinu-a-v-v-2019-g/item/952-a-v-anokhin-i-kraevedcheskoe-dvizhenie-v-gornom-altai> (дата обращения: 10.01.2022).
- Belekova E. A.* A. V. Anokhin i kraevedcheskoe dvizhenie v Gornom Altae [A. V. Anokhin and the local history movement in Gorny Altai] <http://www.musey-anohina.ru/index.php/posetiteliyam/150-let-anokhinu-a-v-v-2019-g/item/952-a-v-anokhin-i-kraevedcheskoe-dvizhenie-v-gornom-altai> ([date of the application]: 10.01.2022).
- Бурханизм, 2004: Бурханизм — Ак жанг: документы и материалы. К 100-летию событий в долине Теренг. Горно-Алтайск, 2004. С. 100–128.
- Burkhanizm — Ak jang: dokumenty i materialy. K 100-letiiu sobytii v doline Tereng [Burkhanism — Ak jang: documents and materials. To the 100th anniversary of the events in the Tereng Valley]. Gorno-Altai, 2004. P. 100–128.
- Данилин, 1932: *Данилин А. Г.* Бурханизм на Алтае и его контрреволюционная роль // Советская этнография. 1932. № 1. С. 63–91.
- Danilin A. G.* Burkhanizm na Altae i ego kontrrevoliutsionnaia rol' [Burkhanism in Altai and its counter-revolutionary role] // Sovetskaia etnografiia. 1932. № 1. P. 63–91.
- Данилин, 1993: *Данилин А. Г.* Бурханизм (из истории национально-освободительного движения в Горном Алтае). Горно-Алтайск, 1993. 204 с.
- Danilin A. G.* Burkhanizm (iz istorii natsional'no-osvoboditel'nogo dvizheniia v Gornom Altae) [Burkhanism (from the history of the national liberation movement in Gorny Altai)]. Gorno-Altai, 1993. 204 p.
- Дмитриенко, Лозовая, 2013: *Дмитриенко Н. М., Лозовая Л. А.* Первый музейный съезд как фактор эволюции музейного дела России // Вестник Томского государственного университета. История. 2013. № 6 (26). С. 193–198.
- Dmitrienko N. M., Lozovaia L. A.* Pervyi muzeinyi s"ezd kak faktor evoliutsii muzeinogo dela Rossii [The first museum congress as a factor in the evolution of the museum industry in Russia] // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriia. 2013. No. 6 (26). P. 193–198.
- Дьяконова, 1993: *Дьяконова В. П.* Предисловие // А. Г. Данилин. «Бурханизм (из истории национально-освободительного движения в Горном Алтае)». Горно-Алтайск, 1993. С. 5–16.
- D'iakonova V. P.* Predislovie [Foreword] // A. G. Danilin. "Burkhanizm (iz istorii natsional'no-osvoboditel'nogo dvizheniia v Gornom Altae)" [Burkhanism (from the history of the national liberation movement in Gorny Altai)]. Gorno-Altai, 1993. P. 5–16.
- Дьяконова, 1998: *Дьяконова В. П.* Д. А. Клеменц — защитник бурханистов Алтая // Пигмалион музейного дела в России. К 150-летию рождения Д. А. Клеменца. СПб., 1998. С. 147–154.
- D'iakonova V. P.* D. A. Klements — zashchitnik burkhanistov Altaia [D. A. Klements — protector of the Burkhanists of Altai] // Pigmalion muzeinogo dela v Rossii. K 150-letiiu rozhdeniia D. A. Klements. Spb., 1998. P. 147–154.
- Иванов, 1933: *Иванов А. И.* Центральный музей народоведения за 15 лет революции // Советский музей. 1933. № 2. С. 68–72.
- Ivanov A. I.* Tsentral'nyi muzei narodovedeniia za 15 let revoliutsii [Central Museum of Ethnology for 15 Years of the Revolution] // Sovetskii muzei. 1933. № 2. P. 68–72.
- Исследователи Горного Алтая, 2003: Исследователи Горного Алтая (XVII — середина XX в.). Институт алтаистики им. С. С. Суразакова. Горно-Алтайск, 2003. 180 с.
- Issledovateli Gornogo Altaia* (XVII — seredina XX v.) [Explorers of Gorny Altai. (17th — mid 20th century)]. Institut altaistiki im. S. S. Surazakova. Gorno-Altai, 2003. 180 p.
- Ипполитова, 2001: *Ипполитова А. Б.* История музея народов СССР в Москве // ЭО. 2001. № 2. С. 144–160.
- Ippolitova A. B.* Istoriia muzeia narodov SSSR v Moskve [History of the Museum of the Peoples of the USSR in Moscow] // EO. 2001. № 2. P. 144–160.
- Клеменц, 1905: *Клеменц Д. А.* Из впечатлений во время летней поездки на Алтай в 1904 г. // ИРГОГ. Т. XLI. 1905 г. СПб., 1906. С. 155–159.
- Klements D. A.* Iz vpechatlenii vo vremia letnei poezdki na Altai v 1904 g. [From impressions during a summer trip to Altai in 1904] // IRGOG. T. XLI. 1905 g. SPb., 1906. P. 155–159.
- Коллекции, 2005: Коллекции народов Севера в Фонограммархиве Пушкинского Дома. СПб.: Изд-во филол. фак. Санкт-Петербургского гос. ун-та, 2005. 132 с.
- Kollektzii narodov Severa v Fonogrammarkhive Pushkinskogo Doma* [Collections from peoples of the North in the Phonogram Archive of the "Pushkin House" — Pushkinskii dom (Institute of Russian Literature RAS)]. SPb.: Izd-vo Filologicheskogo fakul'teta Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta, 2005. 132 p.
- Мамонтова, 2014: *Мамонтова О. С.* Предметы культуры и быта телеутов в собрании Алтайского государственного краеведческого музея // Сохранение и изучение куль-

турного наследия Алтайского края. Вып. XX. Барнаул, 2014. С. 204–208. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/predmety-kultury-i-byta-teleutov-v-sobranii-altayskogo-gosudarstvennogo-kraevedcheskogo-muzeia/viewer> (дата обращения: 05.06.2021).

Mamontova O. S. Predmety kul'tury i byta teleutov v sobranii Altaiskogo gosudarstvennogo kraevedcheskogo muzeia [Cultural and household items of Teleuts in the collection of the Altai State Museum of Local Lore] // Sokhranenie i izuchenie kul'turnogo nasledii Altaiskogo kraia. Vyp. XX Barnaul, 2014. P. 204–208. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/predmety-kultury-i-byta-teleutov-v-sobranii-altayskogo-gosudarstvennogo-kraevedcheskogo-muzeia/viewer> ([date of the application]: 05.06.2021).

Мамонтова, 2018: Мамонтова О. С. Экспедиционные материалы этнографа А. Г. Данилина в собрании Алтайского государственного краеведческого музея // Значение природного и культурного наследия в современном обществе. Материалы Всерос. науч.-практ. конф. с международным участием, посвященной 100-летию со дня основания Бюджетного учреждения Республики Алтай «Национальный музей Республики Алтай им. А. В. Анохина». Горно-Алтайск, 2018. С. 168–171.

Mamontova O. S. Ekspeditsionnye materialy etnografa A. G. Danilina v sobranii Altaiskogo gosudarstvennogo kraevedcheskogo muzeia [Expeditionary materials of the ethnographer A. G. Danilin in the collection of the Altai State Museum of Local Lore] // Znachenie prirodnogo i kul'turnogo nasledii v sovremennom obshchestve. Materialy Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem, posviashchennoi 100-letiiu so dnia osnovaniia Biudzhethnogo uchrezhdeniia Respubliki Altai "Natsional'nyi muzei Respubliki Altai im. A. V. Anokhina". Gorno-Altaysk, 2018. P. 168–171.

Муйтуева, 1991: Муйтуева В. А. К 95-летию А. Г. Данилина // Эл-Алтай. 1991. № 2. С. 157–159.

Muitueva V. A. K 95-letiiu A. G. Danilina [To the 95th anniversary of A. G. Danilina] // El-Altai. 1991. № 2. P. 157–159.

От классиков к марксизму, 2014: От классиков к марксизму: совещание этнографов Москвы и Ленинграда (5–11 апреля 1929 г.) / под ред. Д. В. Арзютова, С. С. Алымова, Д. Дж. Андерсона. СПб.: МАЭ РАН, 2014.

Ot klassikov k marksizmu: soveshchanie etnografov Moskvy i Leningrada (5–11 apreliia 1929 g.) [From Classics to Marxism: Meeting of Ethnographers of Moscow and Leningrad (April 5–11, 1929)] / pod red. D. V. Arziutova, S. S. Alymova, D. Dzh. Andersona. SPb.: MAE RAN, 2014.

Решетов, 2012: Решетов А. М. Данилин А. Г. // Материалы к биобиблиографическому словарю российских этнографов и антропологов. XX век. СПб., 2012. С. 203–204.

Reshetov A. M. Danilin A. G. // Materialy k biobibliograficheskomu slovari rossiiskikh etnografov i antropologov. XX vek. SPb., 2012. S. 203–204.

Романова, 2019: Романова С. В. Бурханизм в коллекциях Российского этнографического музея // Этнос и конфессия. Материалы Восемнадцатых Международных Санкт-Петербургских этнографических чтений. СПб., 2019. С. 240–246.

Romanova S. V. Burkhanizm v kolleksiakh Rossiiskogo etnograficheskogo muzeia [Burkhanism in the collections of the Russian Ethnographic Museum] // Etnos i konfessii. Materialy Vosemnadtsatykh Mezhdunarodnykh Sankt-Peterburgskikh etnograficheskikh chtenii. SPb., 2019. P. 240–246.

Романова, 2020: Романова С. В. Бурханизм в фотоматериалах экспедиции 1925 года С. И. Руденко // Этнокультурная идентичность: феноменология и вариативность в контекстах истории XIX–XXI веков. Десятнадцатые Международные Санкт-Петербургские этнографические чтения. СПб., 2020. С. 130–135. URL: <https://ethnomuseum.ru/specialist/konferencii-seminary/>; <https://ethnomuseum.ru/specialist/konferencii-seminary/materialy-konferencij/1-3-dekabrya-2020-goda-xix-sankt-peterburgskie-etnograficheskie-cheniya3/>; https://ethnomuseum.ru/files/PDF/19_Etno_chtenia/Section_2/s_v_romanova.pdf (дата обращения: 22.12.20).

Romanova S. V. Burkhanizm v fotomaterialakh ekspeditsii 1925 goda S. I. Rudenko [Burkhanism in the photographic images of the 1925 expedition by S. I. Rudenko] // Etnokul'turnaia identichnost': fenomenologiya i variativnost' v kontekstakh istorii XIX–XXI vekov. Deviatnadsatye Mezhdunarodnye Sankt-Peterburgskie etnograficheskie chteniia [Ethnocultural identity: phenomenology and variability in the contexts of the history of the XIX–XXI centuries. Nineteenth International St. Petersburg Ethnographic Readings]. SPb., 2020. P. 130–135. URL: <https://ethnomuseum.ru/specialist/konferencii-seminary/>; <https://ethnomuseum.ru/specialist/konferencii-seminary/materialy-konferencij/1-3-dekabrya-2020-goda-xix-sankt-peterburgskie-etnograficheskie-cheniya3/>; https://ethnomuseum.ru/files/PDF/19_Etno_chtenia/Section_2/s_v_romanova.pdf ([date of the application]: 22.12.20).

Романова, 2021: Романова С. В. Республика Алтай: на перекрестке мировоззрений (истоки, исследовательские оценки, тенденции развития этноконфессиональной ситуации) // «Homo Eurasicus: в системах картин мира». СПб., 2021. С. 129–143.

Romanova S. V. Respublika Altai: na perekrestke mirovozzrenii (istoki, issledovatel'skie otsenki, tendentsii razvitiia etnokontsional'noi situatsii) [Republic of Altai: at the crossroad of worldviews (origins, research assessments, trends in the development of the ethno-confessional situation)] // "Homo Eurasicus: v sistemakh kartin mira". SPb., 2021. P. 129–143.

Российский этнографический музей, 2001: Российский этнографический музей. 1902–2002. СПб., 2001. С. 217.

Rossiiskii etnograficheskii muzei [Russian Ethnographic Museum]. 1902–2002. SPb., 2001. P. 217.

Руденко, 1926: Руденко С. И. Алтайская экспедиция // Этнографические экспедиции 1924 и 1925 гг. Л., 1926. С. 70–71.

Rudenko S. I. Altaiskaia ekspeditsiia [Altai expedition] // Etnograficheskie ekspeditsii 1924 i 1925 gg. [Ethnographic expeditions of 1924 and 1925]. L., 1926. P. 70–71.

Токарев, 1933: Токарев С. А. Отдел Северной Азии в Центральном музее Народоведения (Москва) // Советский Север. М., 1933. № 1. С. 114–118.

Tokarev S. A. Otdel Severnoi Azii v Tsentral'nom muzee Narodovedeniia (Moskva) [Department of North Asia at the Central Museum of Ethnology (Moscow)] // Sovetskii Sever. M., 1933. № 1. P. 114–118.

Токарев, 1934: *Токарев С. А. Выставка «10 лет социалистического строительства на Севере» // Советский Север. М., 1934. № 3. С. 108–112.*

Tokarev S. A. Vystavka “10 let sotsialisticheskogo stroitel'stva na Severe” [Exhibition “10 years of constructing socialism in the North”] // Sovetskii Sever. M., 1934. № 3. P. 108–112.

Токарев, 1936: *Токарев С. А. Докапиталистические пережитки в Ойротии. М.; Л., 1936. С. 137.*

Tokarev S. A. Dokapitalisticheskie perezhitki v Oirotii [Pre-capitalist vestiges in Oirotia]. M.; L., 1936. P. 137.

Функ, 1995: *Функ Д. А. А. Г. Данилин. Бурханнизм. Из истории национально-освободительного движения // ЭО. 1995. № 4. С. 171–173.*

Funk D. A. A. G. Danilin. Burkhanizm. Iz istorii natsional'no-osvoboditel'nogo dvizheniia [A. G. Danilin. Burkhanism. From the history of the national liberation movement] // ЭО. 1995. № 4. P. 171–173.

Архив Российского этнографического музея (Архив РЭМ). Ф. 2. Оп. 2. Д. 152. Л. 1–32 (Статья по одежде алтайцев и телеутов для сб. Материалы Государственного музея этнографии).

Arkhir Rossiiskogo etnograficheskogo muzeia [Archive of the Russian Ethnographic Museum] (Arkhir REM). F. 2. Op. 2. D. 152. L. 1–32 (Stat'ia po odezhde altaitsev i teleutov dlia sb. Materialy Gosudarstvennogo muzeia etnografii [An

article on the clothing of the Altai and Teleuts for collection of essays “Materials of the State Museum of Ethnography”]).

Архив Российского этнографического музея (Архив РЭМ). Ф. 2. Оп. 3. Д. 43. Л. 1–42 (Личные дела сотрудников).

Arkhir Rossiiskogo etnograficheskogo muzeia [Archive of the Russian Ethnographic Museum] (Arkhir REM). F. 2. Op. 3. D. 43. L. 1–42 (Lichnye dela sotrudnikov [Personal files of employees]).

Архив Российского этнографического музея (Архив РЭМ). Ф. 2. Оп. 1. Д. 585. Л. 1–68 (А. Данилин. Материалы для бесед о положении народов СССР в прошлом и настоящем).

Arkhir Rossiiskogo etnograficheskogo muzeia [Archive of the Russian Ethnographic Museum] (Arkhir REM). F. 2. Op. 1. D. 585. L. 1–68 (A. Danilin. Materialy dlia besed o polozhenii narodov SSSR v proshlom i nastoiashchem [A. Danilin. Materials for conversations about the situation of the peoples of the USSR in the past and present]).

Архив Российского этнографического музея (Архив РЭМ). Ф. 2. Оп. 1. Д. 804 (Переписка с этнографическими музеями, коллекционерами и научным сотрудником Данилиным о собирании этнографического материала к выставке «Белоруссия и Северная Буковина»).

Arkhir Rossiiskogo etnograficheskogo muzeia [Archive of the Russian Ethnographic Museum] (Arkhir REM). F. 2. Op. 1. D. 804 (Perepiska s etnograficheskimi muzeiami, kolektsionerami i nauchnym sotrudnikom Danilinyim o sobiranii etnograficheskogo materiala k vystavke “Belorussii i Severnaia Bukovina” [Correspondence with ethnographic museums, collectors and researcher Danilin about collecting ethnographic material for the exhibition “Belarus and Northern Bukovina”]).

ANDREY GRIGORYEVICH DANILIN AS A RESEARCHER OF THE TRADITIONAL CULTURE OF THE ALTAIANS (BASED ON THE MATERIALS OF THE RUSSIAN MUSEUM OF ETHNOGRAPHY)

Svetlana V. ROMANOVA
Russian museum of Ethnography

The article aims to sanctify the activities of Andrei Grigorievich Danilin as an Altai-researcher and collector of ethnographic collections on the traditional culture of the Altaians, as well as to introduce to scientific circulation new data about the collector and the area of his scientific interests stored in the funds and the Archives of the Russian museum of Ethnography. The article outlines the prospects for attribution of A. G. Danilin using the identification of items collected by A. G. Danilin, who entered the State Museum of Ethnography during the transfer of the funds of the Moscow Museum of the Peoples of the USSR, with the author's descriptions of these items or their analogues published in his monography “Burkhanism (from the history of the national liberation movement in Gorny Altai)”, published in Gorno-Altaiisk in 1993.

Key words: A. G. Danilin, Altai, Altai studies, traditional culture, Burkhanism, objects of worship.

About the author:

Svetlana V. ROMANOVA, Staff Researcher of the Department of Siberia and Far East, Russian museum of Ethnography, (4/1, Inzhenernaya str., St. Petersburg, 191186, Russia), ORCID 0000-0003-4960-4801 (romanova_rme@mail.ru)

Фотографии к статье С. В. Романовой (РЭМ)
«Андрей Григорьевич Данилин как исследователь традиционной культуры алтайцев
(по материалам Российского этнографического музея)»

ЕДИНИМЫ Личный листок по учету кадров
 / листок на руки не выдается /.-
 НАУЧНО-ПРОФЕССОРСКОГО И ОБСЛУЖИВАЮЩЕГО ПЕРСОНАЛА
 ГОСУДАРСТВЕННОГО МУЗЕЯ ЭТНОГРАФИИ на 1936 год

За дачу неверных сведений заполняющий настоящий листок
 подвергается установленной законом ответственности

Если ответы на вопросы не втесняются в графу, то заполняй-
 те на отдельном листке к №

ОТВЕЧАЙТЕ НА ВОПРОСЫ ПОЛНОСТЬЮ.	Ответы на все вопросы должны заполняться чер- нилами ясно, полно и по- дробно. Прочеркивания не допускаются /.
Фамилия, имя и отчество, /полностью/	Данилин Андрей Григорьевич
Год рождения и пол.	1896 г., муж.
Национальность и подданство Ваше и Ваших родственников	русский, сов. гражд. Жена - голландка, совет. гражд.
Партийность в настоящее время, год вступления и номер билета.	б/п.
Какой язык считаете родным, каким владеете и какой изучаете	русский, изучаю алтайский
Соц. происхождение и имущественное положение Ваше.	из крестьян, служащий, живу на зарплату.
Подробный адрес своего места и вре- мя рождения старейший/губ. уезд, волость деревня/и новый адрес. Область, край и район. Укажите состав и возраст каждо- го члена семьи.	1896 г., г. Вавуца, с. Красное Михаи- ловского уезда, Рязанский губ. Теперь: Михайловский район Моск. Область. Телнов самба- 1 (жена, 35 лет).
Точно указать сословие, происхожде- ние родителей /из к.-н. мещан/дворян, купцов, духовенства, военного сосло- вия/, а также указать все места их работы и все районы местожительст- ва до 1917 г. и после революции, с указанием чем занимались родители и занимаемое ими раннее имущество. по положению	из крестьян, жили на роднике. И муш. политическое: бол., лошадей, корова "2" в овчине среднелаз. хитовых.

Рис. 1.1. Архив РЭМ. Ф. 2. Оп. 3. Д. 43. Л. 1-2 об. Личный листок по учету кадров

- 2 -

9. Ваше соц. положение до поступления в Гос. Музей Этнографии и сколько лет работали.	Служащий с 1918 года.
10. Ваше образование общее и специальное до вступления в Гос. Музей Этнографии/где, что и когда окончил/.	Окончил Этнографич. Отделение Геогр. Факультета Им. Гос. Университета с 1926
11. Были ли Вы или Ваши родственники раскулачены.	Нет
12. Состоите ли членом ВЛКСМ и членом Профсоюза, год вступления и № билета.	Член Союза Раб. Колхозн. и Член (ранее - Рабпроф) с 1926
13. С какого времени и сколько лет в качестве кого, где, в каком производстве работали и работаете по н.д.м. - а) До войны. б) Во время войны. в) период - февраль - окт. 1917 г. г) После окт. фев. до настоящ. вр.	а) - учился в Учительской семинарии б) в к. матросом фольклора в) безработным г) с сент. 1918 г. - работа в организациях народн. образования
И какую профессию считаете основной	Музейная работа
14. Работа вне Гос. Музея Этнографии, указать где работаете в настоящее время по совместит. и заработок/номер телеф. служ. и домашний/.	Не работает.
15. Какую общественную нагрузку имели и имеете в Гос. Музее Этнографии в настоящее время/.	Член ревиз. Комиссии по старости кружка РК. колл. этногр. спец.
16. Состоял ли под судом или следствием Вы или Ваши родственники, если да то где, за что и когда. Имеете ли награды, грамоты, значки и за что.	Нет.

Рис. 1.2. Архив РЭМ. Ф. 2. Оп. 3. Д. 43. Л. 1-2 об. Личный листок по учету кадров

- 3 -

17. Семейное положение/холост, женат, вдов, колич. членов семьи, кто из них и какой имеет заработок и кто на Вашем иждивении. Имеет ли родителя недвижимое имущество и какое, лавки магазин, лустерн, мастерск, сельское хоз. куда/кое, середняк, бедняк, /какой платит налог.	Жена - студентка Воскр. Ин-та, стипендия 250 руб. Не имеем. Зданий с х. не им. по нормам среднего хоз.
18. Были ли Вы и Ваши родственники за границей, где, когда и чем занимались, имеете ли Вы или Ваши родители связь с заграницей и в чем она выражается.	Жена в 1926 г. приехала (по инт. эмиграции) в СССР; поддерживает связь с родителями в Роттердаме.
19. Кто из Ваших родственников, Вашей женой, мукой лишен избирательных прав.	Брат Петр, 32 г., умаломленный (заболел в 1924 г.)
20. Где живете в общежитии или на частной квартире, указ. точн. адрес и тел.	Серпуховская ул., д. 12 кв. 34 тел. 4-78-32 (частн. квартира)
21. Служили ли Вы или Ваши родствен. в Правит. учреждениях Царского времени, если да, то на каких должностях с какого времени и какая связь с ними.	Нет
22. Какое участие Вы или Ваши родители принимали в гражданской войне. Если да, то указать где, сколько времени и в качестве кого и отношение к военной службе в настоящее время: Комсостав: а/высший/ б/старший, в/младший Рядово-, допризывн. не служил.	Не принимали
23. Служили ли Вы или Ваши родственники в стирой, белой армиях, чин и должность, с какого и по какое время, а также в учреждениях, находящихся на территории белых.	Я не служил. Старший брат - служил в 1915-18 гг. рядовым. Вы в плену, вернулись уже после гражданской войны.

Рис. 1.3. Архив РЭМ. Ф. 2. Оп. 3. Д. 43. Л. 1-2 об. Личный листок по учету кадров

Рис. 1.4. Архив РЭМ. Ф. 2. Оп. 3. Д. 43. Л. 1–2 об. Личный листок по учету кадров

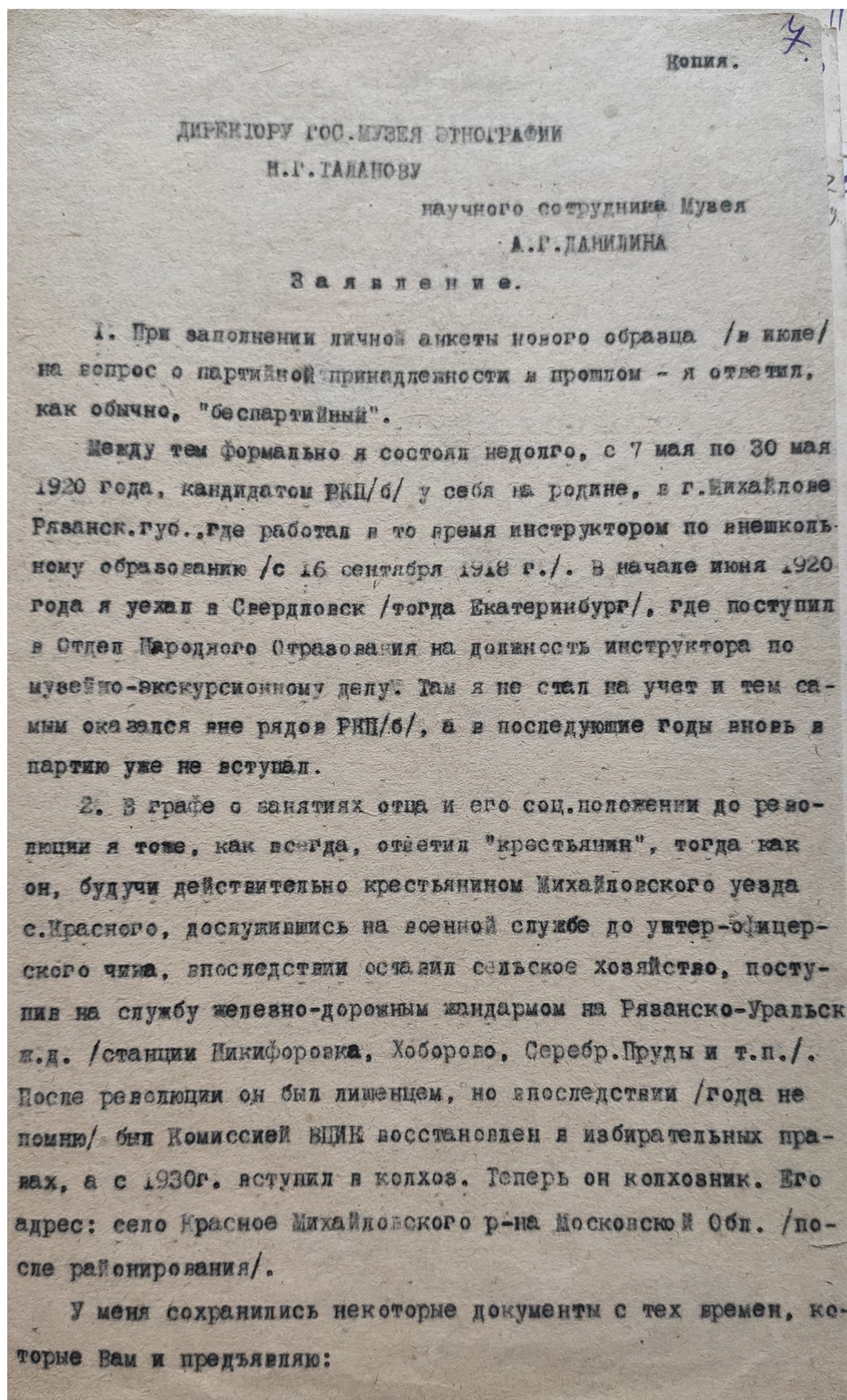

Рис. 2.1. Архив РЭМ. Ф. 2. Оп. 3. Д. 43. Л. 7-7 об.
Заявление научного сотрудника А. Г. Данилина директору ГМЭ Н. Г. Таланову

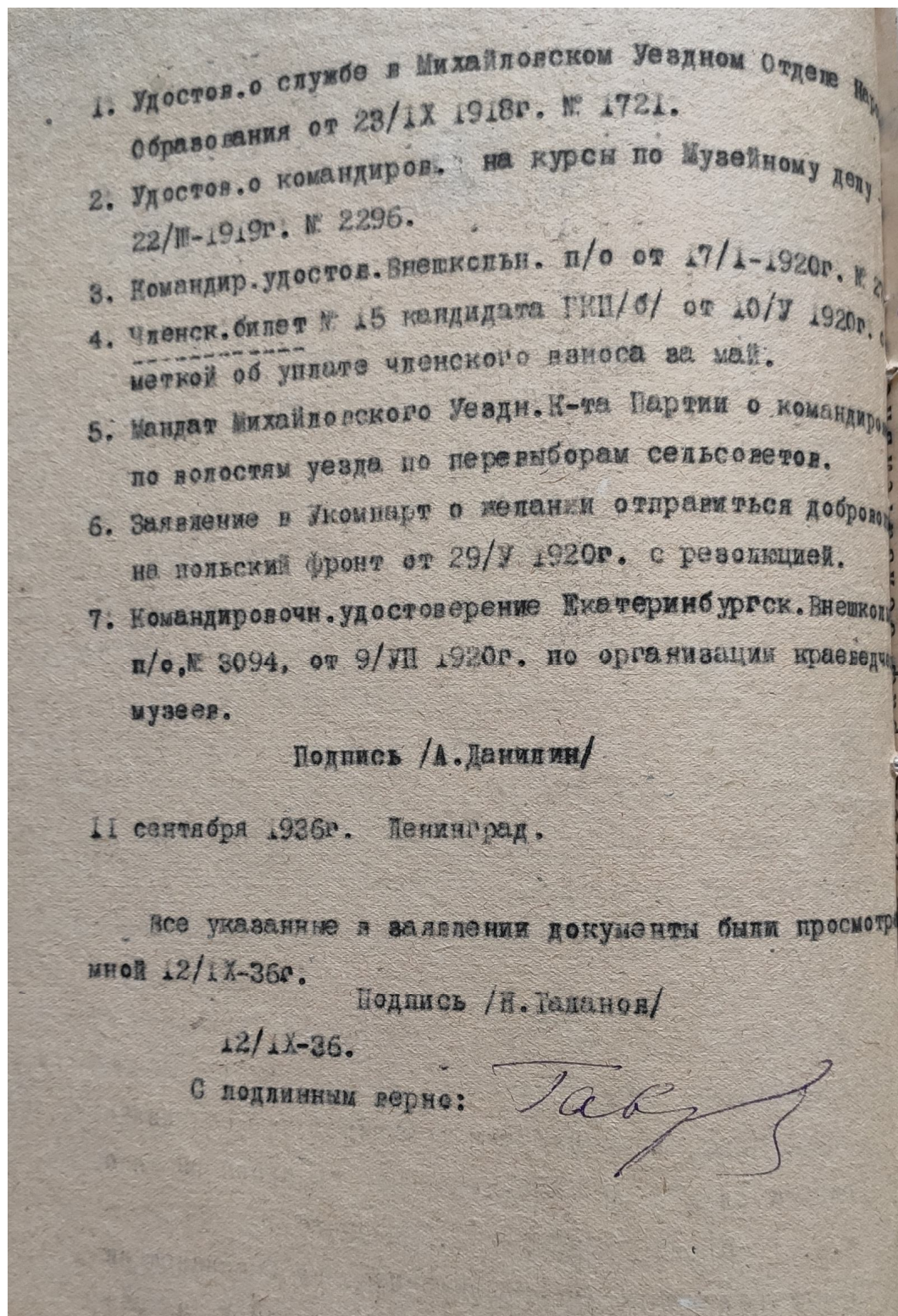

Рис. 2.2. Архив РЭМ. Ф. 2. Оп. 3. Д. 43. Л. 7-7 об.
Заявление научного сотрудника А. Г. Данилина директору ГМЭ Н. Г. Таланову

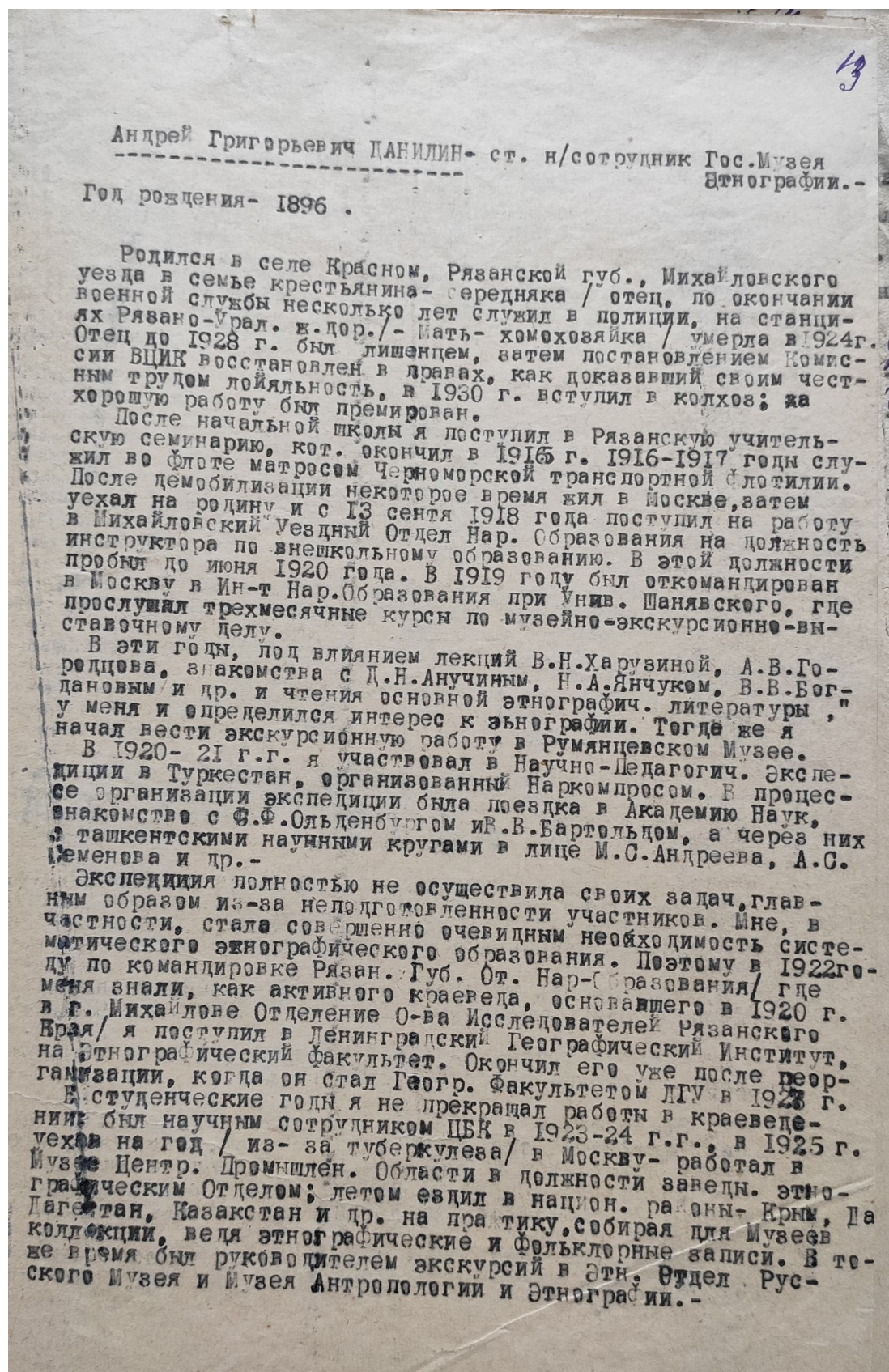

Рис. 3.1. Архив РЭМ. Ф. 2. Оп. 3. Д. 43. Л. 13-14. Автобиография А. Г. Данилина

1927-1929 г. / в летние месяцы / - участие в комплексной Ойротской экспедиции Академии Наук СССР, собрание материалов по жилищу, одежде, верованиям алтайцев и телеутов. Зимой в эти годы работал в Географ. Обществе, зам. секретаря Отделения этнографии и секретарем Комиссии по изучению народной музыки. В 1928 г. участвовал в Лакшозерской экспедиции Геогр. Общества / Ладожско-Польский округ / - 1930-32 г. работал научным сотрудником в ГАИИК-и, по совместительству / с 1931- по 1933г. / - в Ин-те по изучению народов СССР Академии Наук, а после его слияния с Музеем Антропологии и этнографии перешел в этот музей на должность научного сотрудника и Завед. Политпросвет-Отделом.

Однако вскоре же я увидел, что в этом Музее работа для меня совершенно неприемлема: возглавлявший в те годы ряд этнографических учреждений зиньевец МАТОРИН вел настолько откровенную линию на срывку с антисоветскими элементами в Акад. Наук, Русск. Музее и др., что я оказался в этом окружении лишним, во время чистки партии я выступал на собраниях против Маторина и вскоре перешел на работу в этнографический Отдел Русского Музея / с 1 ноября 33 г. / - сначала сверхштатным, а затем, с 1935 г. - штатным научным сотрудником.

В настоящее время заведу научной инвентаризацией и научным архивом Музея, одновременно состою секретарем Редакции научно-Издательского Бюро ГИЗ.

Научная продукция моя в печатном виде реализована далеко не полностью.

1. Первая моя печатная работа: "Крестьянская одежда района "Богословинки" Рязанской губ." Труды 0-ва Исследоват. Рязанк. Края, вып. IX, 1927 г. стр. 19-22 рис.
2. Затем напечатана дипломная работа в связи с окончанием Университета: "Приспособления для сноповой сушки хлеба у вост. славян и их соседей". - Журнал "Этнография", 1928 г. № 2 стр. 68-90, 26 рис.
- 3-4. Остали в рукописях работы периода 1926-29 г.г. "Материальная культура додоев" / 1 п/л. с илл. / - дер. Шокшозера". / 2 п/л. с текстами и нотами / - Работы связанные с экспедициями в Ойротию:
5. "Бурханизм на Алтае и его контр-революционная роль" журн. "Сов. этнография" 1932 г. № 1 стр. 63-91-, 15 рис.
6. "Из истории наз.-освободительн. движения на Алтае" журн. "Борьба классов" - 1936 г. № 9.
7. Результатом экспедиций 1927-29 и 1934-35 г.г. в Ойротию является монография о бурханизме, которая в настоящее время печатается в ОГИЗ "а" об'ем 13 п/л. с илл. - Работа, по выходе из печати, будет мною защищена в качестве кандидатской диссертации в Академии Наук СССР.

Кроме того остались в рукописях почти законченные работы по различным разделам материального производства у алтайцев и телеутов.

Рис. 3.2. Архив РЭМ. Ф. 2. Оп. 3. Д. 43. Л. 13-14. Автобиография А. Г. Данилина

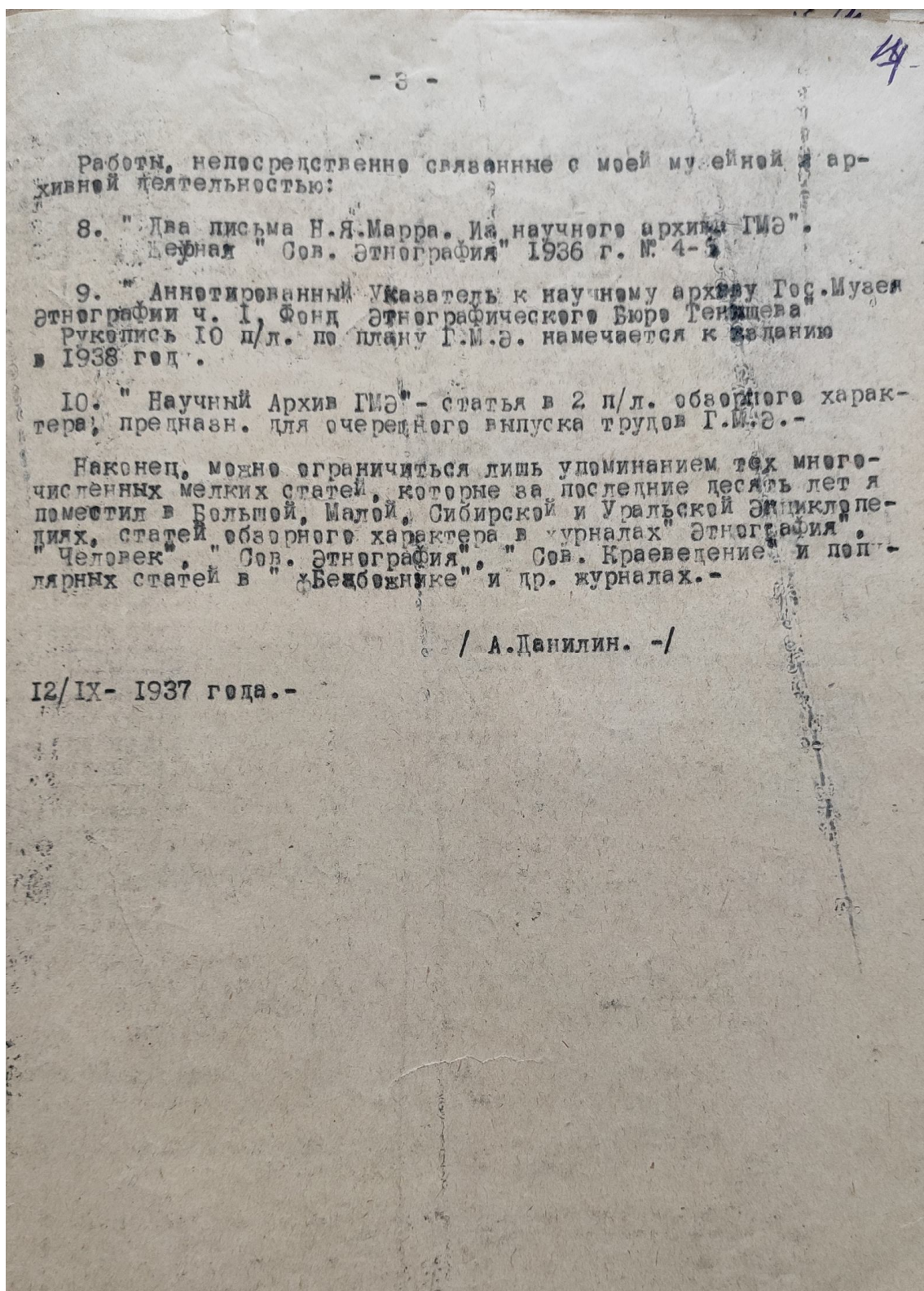

Рис. 3.3. Архив РЭМ. Ф. 2. Оп. 3. Д. 43. Л. 13-14. Автобиография А. Г. Данилина

21

Отчет
ст. н. с. А. Данилина
За май 1941 г.

Основная работа в прошедшем месяце была связана с срочным заданием Дирекции по переезду выставки «Народы Молдавской ССР» в Нарк. чл. Т. Г. Г. Работа эта началась 3-го мая (предварительные посылки в Нарк. чл. для составления плана размещения), с 6-го мая начался свертывание экспозиции и упаковка вещей в сундуки, с 14-го — осуществлена переездка и новая раскладка, законченная 18 мая.

20-го мая выставка в Нарк. чл. была принята Уполномоченным Нарк. чл. посетителями.

С 21 по 24-е были выполнены работы, связанные с экспозицией и подготовкой экскурсоводов по выставке.

25 мая по 31-е мая — работа по составлению описи предметов в сундуках НЗ.

Результаты отчетного периода (основная) закончен составлением тематического плана экспозиции «Украинцы УССР», а также и смета экспедиции 1941 г. в УССР (предложена 25-го).

Организационная работа.

Также в заседании при Директоре ИМЭ по вопросам советской работы, по составлению списков НЗ и по вопросам, связанным с переездом выставки на лето в Нарк. чл.

ст. н. с. А. Данилин.

Рис. 4. Архив РЭМ. Ф. 2. Оп. 3. Д. 43. Л. 21. Отчет А. Г. Данилина за май 1941 г.

А. Г. ДАНИЛИН.

ОДЕЖДА АЛТАЙЦЕВ И ТЕЛЕУТОВ.

Хотя этнографическое изучение народов Ойротии началось давно, но не все стороны их быта обследованы одинаково подробно. Статьи В.И.Вербицкого, помещавшиеся им в 1860-х годах в периодической прессе Сибири^{1/}, работы Н.М.Ядринцева^{2/} и некоторые другие, более поздние статьи путешественников по Алтаю в сумме дают известное представление о быте, в частности — сообщают ряд сведений и об одежде. Однако, эти сведения недостаточны. Поскольку авторы упомянутых публикаций пытались затронуть по возможности все стороны культуры и быта, их материалы, естественно, неполны и описания нередко поверхностны. Это относится и к одежде: зафиксированы с большей или меньшей полнотой различные типы одежды алтайцев и телеутов, иногда сделаны сравнительно-исторические и этнографические экскурсы, но нет точных описаний, обмеров, чертежей и рисунков. В многочисленных статьях позднейших авторов, писавших об Алтае, специального внимания одежде также не уделялось.

Поступавшие в центральные этнографические музеи предметы одежды алтайцев и телеутов тоже первоначально были разрознены и далеко не покрывали того перечня, который можно было бы составить по различным описаниям. Даже наиболее полные коллекции, собранные в 1904 г. Д.А.Клеменцом для Этнографического отдела Русского музея, вместе с другими материалами, присланными с мес-

1/Статьи эти по смерти Вербицкого собраны в сборник "Алтайские инородцы", изд. Московским Обществом Любителей естествозн., антроп. и этногр. в 1893 г.

2/В его общих работах по экономике и культуре встречаются и этнографические материалы, в частности — по одежде; имеется также специальная работа "О женской одежде алтайцев", рукопись, 1884 г. Архив РГО. В, IX, 4.

Рис. 5. Архив РЭМ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 152. Л. 1
Из статьи А. Г. Данилина «Одежда алтайцев и телеутов»

Рис. 6. Украшение накосное женское. Алтайцы. РЭМ. Колл. № 4768-18

Рис. 7. Календарь 12-летнего животного цикла Алтайцы. РЭМ. Колл. № 8761-8162 (из собрания бывшего МН СССР)

Рис. 8. Чашечки жертвенные — предмет бурханистского культа. Алтайцы. РЭМ. Колл. № 8761-8169 / 1–4 (из собрания бывшего МН СССР)

Рис. 9. Пирамидки жертвенные — предмет бурханистского культа. Алтайцы. РЭМ. Колл. № 8761-8170 / 1–6 (из собрания бывшего МН СССР)

Рис. 10. Головной убор последователя бурханистского движения. Алтайцы. РЭМ. Колл. № 8762-18647
(из собрания бывшего МН СССР)

Рис. 11. Первый заведующий ЭО РМ — Д. А. Клеменц среди бурханистов и правозащитников
после судебного процесса. Бийск, 1906 г. РЭМ. Колл. № 8764-19570

Рис. 12. Жертвенник в традиционном жилище бурханистов. Алтайцы. Экспедиция С. И. Руденко, 1925 г.
РЭМ. Колл. № 4690-59

Рис. 13. Комплекс предметов культа в традиционном жилище бурханистов. Алтайцы
Экспедиция С. И. Руденко, 1925 г. РЭМ. Колл. № 4690-58

О. К. БАБАЕВА

Институт международного права и экономики им. А. С. Грибоедова

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА ПОЭТИЧЕСКИХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ (НА ПРИМЕРЕ СТИХОТВОРЕНИЙ Д. Н. КУГУЛЬТИНОВА)

В статье анализируются особенности перевода поэтических произведений на примере нескольких стихотворений Д. Н. Кугультинова, переведенных на русский язык С. Липкиным и Ю. Нейман. Асимметрия языковых картин мира, различие языковых систем диктуют необходимость прагматической адаптации некоторых лексических единиц, или выразительных средств, для достижения коммуникативной цели. Переводчики широко используют различные приемы переводческой трансформации, такие как конкретизация, экспликация, компенсация, лексико-грамматические и синтаксические замены.

Ключевые слова: прагматическая адаптация, прагматический потенциал, компенсация, экспликация, эквивалентность, синтаксический параллелизм, амфибрахий, смещенный эпитет.

Об авторе: БАБАЕВА Ольга Кукаевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры перевода, переводоведения и межкультурной коммуникации, ИМПЭ им. А. С. Грибоедова (Россия, 111024, Москва, шоссе Энтузиастов, д. 21), ORCID 0000-0001-5508-7201 (olgabov97@yandex.ru).

© ИВР РАН, 2022
© Бабаева О. К., 2022

По мнению многих исследователей, перевод — это интерпретационное изложение текста на языке перевода. Н. К. Гарбовский дает переводу следующее определение: «...перевод представляет собой операцию по расшифровке смыслов, извлеченных из сообщения, созданного средствами одного естественного языка, и воспроизведения их в сообщении, создаваемом средствами другого естественного языка» [Гарбовский, 2007. С. 211]. При такой интерпретации смыслов не всегда возможно абсолютно точное их воспроизведение на другом языке, некоторые потери, обусловленные асимметрией языковых систем и языковых картин мира, неизбежны [Там же].

Переводчик рассматривает текст как целое и выбирает значимые для интерпретации смысла признаки, жертвуя менее важными деталями. Такой подход обеспечивает принципиальную «переводимость релевантной части содержания оригинала при возможных потерях, добавлениях и изменениях отдельных элементов передаваемой информации» [Комиссаров, 2002. С. 49]. Такое определение сущности перевода исключает понятие «полной тождественности» оригинала переводному тексту, а предполагает экви-

валентность, т. е. «максимально полной, но всегда частичной, передачи системы смыслов, заключенной в исходном сообщении» [Гарбовский, 2007. С. 214].

Как известно, поэтическое произведение отличается жесткой конструкцией, строгим соблюдением размера, рифмой и ритмом. Краткость и эмоционально-эстетическая насыщенность, высокая образность — характерные черты лирических произведений. Перед переводчиком стоит задача воспроизвести эквивалентное произведение средствами другого языка.

В. Н. Комиссаров выделял несколько типов переводческой эквивалентности. Во-первых, эквивалентный перевод должен обеспечить достижение коммуникативной цели. Цель поэтического произведения — эмоциональное воздействие на реципиента. Сохранение данной коммуникативной цели является необходимым условием эквивалентности перевода. Во-вторых, эквивалентная передача ситуации общения, которая может затрудняться так называемыми «ситуативными лакунами», т. е. отсутствием в языке перевода соответствующих лексических эквивалентов, объективирующих ту или иную ситуацию. Следует

также иметь в виду прагматическое воздействие высказывания при «перекодировании» текста с одного языка на другой [Комиссаров, 2002. С. 135].

В данной статье рассматривается перевод нескольких стихотворений Д. Н. Кугультинова на русский язык, выполненный Ю. М. Нейман и С. И. Липкиным. Цель статьи: проанализировать особенности выразительных средств поэтических произведений Д. Н. Кугультинова и способы достижения эквивалентности при их переводе.

Рассмотрим выполненный С. Липкиным перевод стихотворения о смерти старца, озаглавленного «Достоинство мужчины» [Кугультинов, 1977. С. 75].

В оригинале стихотворение написано с традиционной анафорической рифмой. Композиционно обе строфы стихотворения распадаются на парные дву-

Арһнь чилжэхиг, жирһл бөкжэхиг,
Аав медж герэсэн келв:
“Нег-негнэннь хөв харж
Нииһэр бээж байр үзит.
Заясн төрскн нутган батлж
Залу нерэн өөдэн бэрит!”

“Һартн, Һартн!” — гиж, тиигжәһэд,
Һарарн заңһж өвгн закв.
Цуһар цемәсн чирәһинь хэләж
Цүврлдәд палатас цемшж һарв...
Зовлңгд авгдсн, мууһан үзүлгө,
Залу кевәр көгшә бөкв.

[Кугультинов, 1971. С. 458]

Глагол *бөкх* обычно используется для описания угасания священного огня лампы. Сочетание *жирһл бөкжэхиг* создает возвышенно-печальный образ угасающей лампы жизни. В переводе этот образ опущен. Смысловое содержание строки передается описательно. Трехстопный амфибрахий придает торжественно-медлительное звучание. Калмыцкое *герэсэн келв* контекстуально означает: сказал последнее слово, завещание. Переводчик вводит добавление «собранным своим завет». Слова старца переведены антонимически «не надо ссориться, чтобы не познать кручины», тогда как в оригинале «оберегая счастье друг друга, живя в согласии, узрите счастье». Здесь наблюдается характерная для калмыцких благопожеланий синтаксическая конструкция, в которой сочетаются деепричастный оборот и глагол в повелительном наклонении. При переводе следующей строки переводчик использует некоторое семантическое перефразирование, т. к. ассоциативно-образная характеристика сочетаний *заясн төрскн* — предопределенная, предназначенная судьбой Родина, *нутган батлж* — «укрепляя родину», почти полностью соответствуют семантике русского эквивалента.

В следующей строфе оригинала старец указывает на дверь и коротко просит удалиться. Повтор глагола *Һартн, Һартн!* в повелительном наклонении с восклицательным знаком в переводе потребовал

строфия, объединенные общностью содержания. Первые две строки — экспозиция, описание ситуации. Далее четыре строки прямой речи героя, которые распадаются на двустрофия с разной тематикой. В первом из них содержится завет жить дружно, во втором — призыв служить отчизне.

Вторая строфа также распадается на три тематические группы: старец просит оставить его, гости выходят, наступает смерть старца.

Торжественно-печальное звучание оригинала создается синтаксическим параллелизмом, повтором деепричастий в постпозиции в начальной строке. Торжественность звучания, воссозданная в переводе, обеспечивается стихотворным размером — трехсложным амфибрахийем.

Почувствовав, что смерть приходит, старый дед
Сказал собравшимся последний свой завет:
«Не надо ссориться, чтобы не познать кручины,
А счастье поровну делите меж собой.
Служите родине, что вам дана судьбой, —
И сохраните вы достоинство мужчины».

Потом сказал: «Меня оставьте вы теперь!»
И властной рукой он указал на дверь.
Все стали выходить, на трудные морщины
И желтое лицо взглянув в последний раз.
Так, слабость скрыв свою от близких в смертный час,
Он умер, сохранив достоинство мужчины.

[Кугультинов, 1977. С. 75]

экспликации фразой «Меня оставьте вы теперь». Инверсия придает торжественное звучание всей фразе. И далее смещенный эпитет «властной рукой» передает семантику калмыцкого деепричастного оборота *Һарарн заңһж* — «рукой указывая» и глагола *закв* — «приказал». Шорох шагов людей, на цыпочках покидающих палату, передается аллитерацией шипящих согласных *ц, с, ч, ш, ж* в строках: *Цуһар цемәсн чирәһинь хэләж / Цүврлдәд палатас цемшж һарв...* В переводе эта звукопись повторяется аллитерацией сочетаний *сл, сб, св, см*.

Глагол *бөкв* (см. перевод выше), относящийся к возвышенному стилю речи, заменяется номинативной конструкцией «в смертный час», таким образом, сохраняется торжественно-возвышенное звучание.

В оригинале старец обозначается тремя разными лексемами. В первой строфе, когда он обращается к своим родным, он обозначен *аав* — «дедушка». Во второй строфе, показанный как бы со стороны, с точки зрения третьего лица, автор использует лексему *өвгн* — «старик», и наконец в заключительной строке лексема *көгшә* — «старец», семантически более подходящая возвышенному глаголу *бөкв*. В переводе встречаем номинатив «старый дед», здесь, возможно, «старый» несколько избыточное определение, но используется оно для удлинения строки и поддер-

жания ритма. Далее переводчик обходится местоимениями.

Сравним перевод и оригинал стихотворения о критике. Перевод выполнен Ю. Нейман. Это стихо-

Шүлгин деед, дотринь
Шүүж, йилһж шинжлхэр,
Шалһач хурц хануар,
Шамдж үйэрнь салһв,
Шилэр икдүлж мөчмүднь
Шилтж, шигдж хэлэв.

Бүклдэн эмд шүлг
Бүлэки махн болв.
Шалһач үнрчлж өврэд
Шилэн улм өөрдүлв.
Шүлгин халун эмн
Шүүргдлго зулсинь өврв.

[Кугультинов, 1971. С. 576]

Живая душа стиха ускользает при попытке «препарировать» поэтическое произведение. Критик — *шалһач* расчленяет живую плоть стиха. В переводе словосочетание «живая ткань» конкретизирует более общее и абстрактное *деед* — ‘верх’ оригинала. В контексте лексема *деед* противопоставлена лексеме *дотринь*, которая передается полным семантическим эквивалентом — ‘нутро’. В оригинале *хурц ханур* — ‘острый скальпель’ заменяется на «перо» в сравнительной конструкции «подобно скальпелю, перо». Помимо того что данная лексема рифмуется с «нутро», такое добавление создает ритм, удлиняя строку. В переводе строки *Шамдж үйэрнь салһв* — ‘торопливо разобрав по суставам’ эта метафора сохранена: ‘и от сустава отделив сустав’. *Шамдж* — ‘торопливо’ компенсируются ниже в сочетании «с лупой суетится». Богатый импликационал лексем *шилтж*, *шигдж* (*шилтж* — ‘внимательно смотреть’, ‘приглядываться’, *шигдж* — ‘цепляться’, ‘впиваться’, в данном случае «впиваться глазами») в функции обстоятельства образа действия к глаголу *хэлэв* — ‘осмотрел’ передается приемом смыслового развития «стал критик изучать его состав».

Сочетание *үйэрнь салһв* ‘расчленив, разделить по суставам’ и лексема *мөчмүднь* — ‘конечности’ ассоциируются в сознании носителя языка с обыденным занятием — расчленением тушки, скажем, барана. Семантика данного высказывания потребовала прагматической адаптации на языке перевода. Деловитое, суетливое препарирование «живой ткани» стихов переводчик описывает, используя прием конкретизации: «Принюхиваться, с лупой суетиться / Над каждой разъятой частицей». В следующей строфе данная метафора развивается в картинку результата такого препарирования: *бүклдэн эмд шүлг*

творение, состоящее из двенадцати строк, посвящено работе критика, тщетно пытающегося понять суть поэзии.

В живую ткань стиха, в его нутро
Воткнув, подобно скальпелю, перо
И от сустава отделив сустав,
Стал критик изучать его состав,
Принюхиваться, с лупой суетиться
Над каждой разъятой частицей.

У критика дотошного в руках
Стихи распались, превратились в прах,
В безжалостно искромсанное тело,
Душа стиха со стоном отлетела...
А критик все доказывал пространно,
Что не было в стихах души ни грана.

[Кугультинов, 1977. С. 141]

живой стих превращается *бүлэки махн болв* в грудку теплого мяса. Критик буквально принюхивается *үнрчлж*, приближая лупу, и с удивлением видит как живая, горячая душа стиха *шүлгин халун эмн* ускользает из рук *шүүргдлго зулсинь өврв*. В строфе перевода наблюдаем семантическое расширение «У критика дотошного в руках». Уточнение «дотошный» продолжает компенсировать смысловые калмыцких деепричастий: *шүүж* — ‘выбирая’, *йилһж* — ‘отделяя, сортируя’, *шилтж*, *шигдж* (перевод см. выше) из предыдущей строфы. Метафора оригинала *бүлэки махн болв* ‘осталось грудкой теплого мяса’ не сохранена, т. к. такой образ на языке перевода не окажет нужного прагматического воздействия на читателя. Для достижения художественной выразительности метафора оригинального текста компенсируется другой метафорой: «Стихи распались, превратились в прах, / В безжалостно искромсанное тело».

В оригинале горячая душа стиха ускользает из рук удивленного критика. Но в переводе «Душа стиха со стоном отлетела...». Стихотворение — «искромсанное тело» — погибает. Перевод заканчивается добавлением «А критик все доказывал пространно, / Что не было в стихах души ни грана». Такая вольность переводчика отвечает логике переводного произведения. В оригинале анализ поэтического произведения, его «препарирование» лишает любое поэтическое произведение «живой души». Переводчик несколько сужает идею оригинала, сводя к конкретному анализируемому стихотворению.

Описание творческого процесса как некой силы, довлеющей над поэтом, создается в стихотворении *Дууч* (букв.: Певец). В переводе С. И. Липкина стихотворение озаглавлено «Поэт».

Дууч

Өрчдчн седкл бүтэд
Өвдэд һазаран алдрхла,
Үгмүдт сананчн күгдлэд
Урличн чидлэрн көндөхлэ,

Тер үгмидн айс
Тодрхаһар зүркндчн күнкнхлэ,
Живртэ жирһлин күнкәнэс
Жигтэ билгэрн хавлсн,

Кезэдчн сонсгдуд уга
Керсү шин уха
Күмнд байрлулад, секэд,
Келн гисн болхла, -

Хагсу цаһан цаасиг
Халта шүлгэр усл.
Хар бекин мөриг
Хурц үгэрн оньсл.

[Кугультинов, 1971. С. 231]

Стихотворение состоит из шестнадцати строк с начальной рифмой. По мысли поэта творчество — это безудержная сила, повелевающая человеком. Она зреет, переполняет душу и рвется наружу, причиняя боль. Сознание устремляется к словам, и губы невольно шепчут слова. Мелодия стиха начинает звучать в сердце. Удивительный дар поэта вылавливает мысль, рожденную гением жизни. И тогда ее можно излить на лист бумаги.

С первых же строк читатель видит напряженную работу мысли.

Семантическое напряжение создается глаголами с импликационалом силы, порывистости, движения, действия: *бүтэд*, *өвдэд һазаран алдрхла* — душа задыхается, болит и рвется наружу; *алдрх* — ‘вырваться, сорваться’. Глагол *күгдлх* сразу же актуализирует образ ретивого скакуна, поскольку в сознании носителя языка данный глагол стойко ассоциируется с конем. Мысль поэта как скакун напрягается и рвется к словам. *Урличн чидлэрн көндөхлэ* — насильно заставляет шевелиться твои губы. Снова образ силы, напряжения, усилия воли.

Экспрессивность этой строфы переводчику удается передать глаголами «бушует», «мятется», деепричастием «бурля», прилагательными «кипучая», сочетанием «сухие губы». Наблюдается полная семантическая трансформация строфы. ИмPLICITный образ ретивого скакуна в оригинале заменяется в переводе образом бушующей волны — мысли, kloкочущей в груди.

Тер үгмүдин айс / Тодрхаһар зүркндчн күнкнхлэ — музыка стиха отчетливо звучит / отдается эхом в сердце. В третьей строфе *зүркндчн* — «в твоём сердце» заменено на «душу» как средоточие чувств и переживаний, характерное для русской лингвокультуры. Мучительный, напряженный процесс творчества выкристаллизует строки, которые

Поэт

Когда в твоей груди, ища созвучия,
Бушует чувство, как волна, бурля,
Когда в словах мятется мысль кипучая,
Твои сухие губы шевеля;

И, всей душою, музыкаю взвихренной,
Ты ощущаешь вдохновенный дар,
И гений жизни с щедростью неслыханной
Тебе приносит новый образ в дар;

Когда с неистовым ты ищешь рвением
То вещество, что может запылать,
И дума стать готова откровением, —
Чтоб радовать людей и волновать, —

Тогда бумагу, жаждущую истины,
Ты напой, ты жизнь в нее вдохни,
Найди эпитет и глагол единственный
И строки напряженные замкни.

[Кугультинов, 1976. С. 58]

диктует сама жизнь. *Жигтэ билгэрн хавлсн* — Дар поэта вылавливает эту мысль. Образ жизни, окрыленной творчеством *живртэ жирһлин күнкәнэс*, где *живртэ жирһлин* (букв.: ‘крылатой жизни’) в переводе утрачен, но компенсируется экспрессивными эпитетами «взвихренной», «неслыханной».

В следующей строфе эмоционально-семантическое напряжение, накал стиха продолжает образ жаждущей стиха бумаги: *Хагсу цаһан цаасиг / Халта шүлгэрн усл* — ‘сухую белую бумагу / строгим стихом напой’. Сочетание *Хагсу цаасн* — ‘сухая бумага’, наряду с императивом *усл* — ‘напой’, навевает образ иссушенной зноем пустыни. В народной психологии бумага ассоциируется с чем-то крайне сухим и ненасытным, так как лексема *хумха* означает не только ‘засохший’, ‘увядший’, но и ‘жадный’, ‘ненасытный’. Таким образом, в строке актуализируется значение ненасытности, жажды. Отсутствие такой коннотации в русском эквиваленте возмещается перераспределением признаков и семантическим расширением «бумагу, жаждущую истины» и «ты жизнь в нее вдохни». Сочетание «жаждущую истину» — это смысловое развитие выражения *Халта шүлгэрн* — ‘строгим стихом’. Логическим следствием строгости в стихах, возможно, является верность истине.

Конечная пара строк продолжает напряженный нерв стиха: *Хар бекин мөриг / хурц үгэрн оньсл*. Дословный перевод: ‘Строчки черных чернил острым словом запри’. *Хурц* — ‘острый’ в сочетании с лексемой *үг* — ‘слово’ актуализирует значение ‘меткий, точный’. Семантическая насыщенность лексемы *мөриг* именно в данной падежной форме объясняется многозначностью данной лексемы. *Мөр* может означать: 1) путь; 2) порог: *үүднэ мөр* ‘порог двери’; ‘порог дома’; 3) *Лит.* строка: *бичгин мөр* — ‘строки письма’ [Муниев, 1977. С. 359]. Все эти значения

мотивированы лексемой *мөрн* — ‘конь’. Таким образом, в последней паре строк в лексеме *мөр* объективируются все эти значения. *Мөр* это строка, написанная черными чернилами, ее надо запереть, глагол *оньсл* актуализирует сему ‘дверь, порог’. Так же *харбек мөриг* в сознании носителя языка неизбежно вызывает образ ретивого вороного скакуна, которого надо запереть. В переводе эта образность утрачена, но переводчик передал эту мысль лексически, употребив эпитет «напряженные» в строке «и строки напряженные замкни».

Как видим, образно-ассоциативные характеристики лексем разных языков могут не совпадать, так же как и их прагматический потенциал. Тем не менее эквивалентность перевода может быть достигнута комплексными лексико-грамматическими трансформациями, семантическими и синтаксическими заменами. В некоторых случаях имплицитный смысл оригинала передается эксплицитно и наоборот. Сохранение некоторых образных средств ввиду их прагматической нерелевантности на другом языке становится невозможным. В таких случаях переводчик прибегает к приему компенсации или снятию образа. Например, имплицитное содержание деэпричастий *шилтжэ, шигджэ* эксплицируется приемом конкретизации и в следующей строфе наблюдается

дальнейшее раскрытие признаков данных лексем. Выбор тех или иных средств перевода определяет все произведение в целом. Перевод произведения как единого смыслового целого делает возможным выбор более существенных признаков и нивелирование несущественных деталей с дальнейшим перераспределением признаков по всему тексту.

Таким образом, различные приемы переводческой трансформации делают возможным создание произведения, которое может стать достойным «репрезентантом» оригинала, по которому судят о языке, стиле, художественных образах автора оригинала. Мы помним, что Давид Никитич был истинным билингом, великолепно владевшим как родным языком, так и русским. Удивительно точная передача этноспецифических реалий в переводах произведений Кугультинова наводит на мысль, что переводы делались с очень хороших, детальных подстрочников. Конечно же, трудно переоценить талант Семена Израилевича Липкина и Юлии Моисеевны Нейман как переводчиков. Русская литература и культура обогатились произведениями многих национальных поэтов советской эпохи, таких как Расул Гамзатов, Гамзат Цадаса, Кайсын Кулиев и др., благодаря труду этих замечательных переводчиков и поэтов.

Использованная литература

Гарбовский, 2007: *Гарбовский Н. К.* Теория перевода: Учебник. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2007. 544 с.

Garbovskiy N. K. Teoriya perevoda: Uchebnik [Theory of translation. Textbook]. M.: Moscow University Publishing house, 2007. 544 p.

Комиссаров, 2002: *Комиссаров В. Н.* Современное переводоведение: Учебное пособие. М.: ЭТС, 2002. 424 с.

Komissarov V. N. Sovremennoye perevodovedeniye: Uchebnoye posobiye [Modern theory of translation. Textbook]. M.: ETS, 2002. 424 p.

Көглтн Дава, 1971: *Көглтн Дава.* Шүүхэд барлсн шүлгүд (Избранные стихи). Элиста: Калмыцкое книжное издательство, 1971. 655 с.

Kegltn Dava. Shuuhad barlsn shulgud [Kugultinov D. Selected verses. Elista: Kalmyk book publishing house, 1971. 655 p.].

Кугультинов, 1976: *Кугультинов Д. Н.* Собрание сочинений: в 3 т. Т. 1. Вступит. статья Чингиза Айтматова. М.: Худож. лит. 1976. 382 с.

Kugultinov D. N. Sobraniye sochineniy: v 3 t. T. 1. Vstupit. Statiya Chingiza Aitmatova [Collected works in 3 volumes. V. 1. Introduction by Chingiz Aitmatov]. M.: Khudozhestvennaya literatura. 1976. 382 p.

Кугультинов, 1977: *Кугультинов Д. Н.* Собрание сочинений: в 3 т. Т. 2: Пер. с калм. М.: Худож. лит., 1977. 494 с.

Kugultinov D. N. Sobraniye sochineniy: v 3 t. T. 2: Per. s kalm. [Collected works in 3 volumes. V. 2. Translation from Kalmyk]. M.: Khudozhestvennaya literatura, 1977. 494 c.

Калмыцко-русский словарь / под ред. Б. Д. Муниева. М.: Русский язык, 1977. 768 с.

Kalmytsko-russkiy slovar / pod red. B. D. Muniyeva [Kalmyk-Russian dictionary / Editor: B. D. Muniyev]. M.: Russian language, 1977. 768 p.

TRANSLATION FEATURES OF THE POETRY (POEMS BY DAVID N. KUGULTINOV)

Olga K. BAVAEVA

Institute of international law and economics named after A. S. Griboyedov

The article deals with the techniques employed by the translators in the translation of poems. The difference in the two language systems and linguistic pictures of the world impose the necessity to use transformational methods such as: concretization,

explication, compensation. In some cases the translators make use of pragmatic adaptation to fully express the poet's ideas in the Russian language.

Key words: Pragmatic adaptation, compensation, explication, equivalency, syntactical parallelism, amphibrach, transferred epithet.

About the author:

Olga K. BAVAEVA, Cand. Sc. (Philology), Assistant-professor of translation, and intercultural communication department, A. S. Griboyedov Institute of International Law and Economics (21, Entusiactov shosse, Moscow, 111024, Russia), ORCID 0000-0001-5508-7201 (olgabov97@yandex.ru).

В. З. ЦЕРЕНОВ

О ПРОИСХОЖДЕНИИ И ЗНАЧЕНИИ ИМЕНИ ДЖАНГАР

П. С. Паллас первым попытался определить происхождение и значение имени Джангар. Известные отечественные и зарубежные исследователи, начиная с А. А. Бобровникова, предполагали, что имя происходит от персидского титула джехангир 'завоеватель мира'. Однако в образе Джангара нашли воплощение религиозно-мифологические представления разных эпох. Значение имени связано с мотивом сироты, одинокого героя, относящимся к древним пластам этих воззрений. Имя *jangyar*, на мой взгляд, восходит к прототюркскому **jaŋiŋ* 'одиноким, единственный' и представляет собой пример ранней контактной лексики между тюркскими и монгольскими языками.

Ключевые слова: Джангар, тюркский язык, монгольский язык, мотив сироты, одинокий герой.

Об авторе: ЦЕРЕНОВ Василий Зулкаевич, писатель, ORCID: 0000-0001-8236-8500 (sprprav@mail.ru).

© ИВР РАН, 2022
© Церенов В. З., 2022

Первое научное сообщение об эпосе «Джангар», получившем национальную известность у калмыков и торгутов Синьцзяна, принадлежит знаменитому путешественнику и естествоиспытателю П. С. Палласу. В книге «Собрание исторических известий о монгольских народах», касаясь устной поэзии калмыков, он отмечал, что «одной из популярных калмыцких поэм является песнь о подвигах Джангор-батура».

Далее исследователь писал: «Сначала в данной героической песни воспевается одеяние, доспехи, характер этого удивительного героя, выдуманного калмыками еще много тысяч лет назад, когда миром правил бурхан Дипанкара, потом следует рассказ о его подвигах и победах над многими чудовищами» [Pallas, 1776. S. 152].

П. С. Паллас, верно отметив композиционные особенности «Джангара», к сожалению, не сопровождал свои наблюдения примерами из эпоса, хотя уделил в книге достаточное внимание и место произведениям других жанров калмыцкого и монгольского фольклора. Ему принадлежит и первая попытка этимологизации имени Джангар, которое он, не будучи знаком с калмыцким языком, возводил к слову *čangya* 'сильный, крепкий', что, впрочем, не выдерживает критики.

А. А. Бобровников, автор русского перевода одной из песен памятника и предварительных заметок об эпосе, попытался произвести эпоним Джангар из тибетских терминов — джалгар 'белый царь'¹ и

имени бодхисаттвы Авалокитешвары джан-рай-сэк (*spyān-ras-gzigs*) 'смотрящий очами' [Бобровников, 2004. С. 28]. И сам же отказался от этой идеи ввиду отсутствия веских доказательств.

«Вероятнее предположить, — писал он, — что данное имя заимствовано калмыками от татар или киргизов и происходит от персидского *djīhangīr* 'владыка мира'» [Бобровников, 2004. С. 28]. Производным от этого титула А. А. Бобровников считал тюркское имя Джангир (так звали султана Букеевской орды, соседа и приятеля калмыцких князей Тюменей), которое калмыки произносили как Джангар. При этом признался, что подтверждения данному своему предположению в самом произведении не находит, другие герои эпоса носят калмыцкие имена и лишь изредка тибетские.

Версия А. А. Бобровникова о персидском происхождении имени героя, несмотря на отсутствие исторических и лингвистических обоснований, получила поддержку у известных исследователей.

В 1907 г. Б. Лауфер в опубликованном обзоре монгольской литературы, не вдаваясь в комментарии, согласился, что имя героя «вероятно, имеет происхождение от персидского *jahāngīr*». Персидское влияние, по его словам, в песнях эпоса очевидно [Лауфер, 1927. С. 75].

«Есть предположение, — отмечал в 1918 г. В. В. Бартольд, — что в Персии получил начало популярный теперь среди монголов и калмыков эпический цикл, связанный с именем богатыря Джангара (может быть, джехангир 'завоеватель мира')» [Бартольд, 1966. С. 193]. Более к этой мысли он не возвращался.

¹ При подготовке заметки А. А. Бобровникова к печати по недосмотру была упущена данная фраза. См.: Архив РГО. Ф. 1-1854. Оп. 1. Д. 7. Л. 72.

Б. Я. Владимирцов вслед за Б. Лауфером и В. В. Бартольдом утверждал: «Самое имя Джангар есть заимствованное персидское Джехан-гир — завоеватель мира» [Владимирцов, 2003. С. 338]. Исходя из общих культурных контактов тюрко-монгольских народов с древним и средневековым Ираном, он предположил опосредствованное влияние «Шахнаме» на калмыцкий эпос.

К этой точке зрения склонялся и известный финский алтаист Г. И. Рамstedт, автор известного сравнительно-исторического словаря калмыцкого языка [Ramstedt, 1935. S. 108].

По мнению С. А. Козина, подобная интерпретация имени Джангар вполне допустима. Однако он не исключил этимологии имени на монгольской почве и, в частности, сослался на предложенное А. В. Бурдуковым слово *jingnaxu* ~ *jangnaxu* | тюрк. *jangyartay* ~ *jangyartamay* ‘звенеть, греметь, звучать’ и ойратское выражение *küiken jangyartay mini* ‘дитя моё ненаглядное, колокольчик мой звонкий’ [Козин, 1940. С. 84].

Позже С. А. Козин, взяв за основу замечание Б. Я. Владимирцова о том, что имя Чингис в памятниках квадратной письменности пишется *jīn-gis*, а по-тибетски *jīn-gar*, допустил, вероятно, руководствуясь их внешним созвучием, близость имен Чингиса и Джангара [Козин, 1948. С. 120–123, 244]. «В монгольской литературе Чингис никогда не отождествлялся с Джангаром, — писал позже Ц. Дамдинсурэн, — а имени Джингир не существует [Дамдинсурэн, 1957. С. 39].

В 1959 г. на первом Международном конгрессе монголоведов чехословацкий исследователь П. Поуха, ссылаясь на Г. И. Рамstedта, поддержал гипотезу о персидском происхождении анализируемого имени. При этом он попытался связать образ Джангара с Чингис-ханом, которого персидский историк Джувейни называл завоевателем мира — *jihān-guṣā* [Poucha, 2009. X. 127].

А. Ш. Кичиков усомнился в персидском происхождении имени Джангар, ведь большая часть его эпических сподвижников, как отмечал А. А. Бобровников, носят калмыцкие имена. Фольклорист обратил внимание, что герой эпоса устойчиво характеризуется как «одинокый сирота в поколениях». И на основе замечания Б. Я. Владимирцова, что распространенное в говорах калмыцкого языка слово *jaңыр* ‘одинокый’ восходит к «тюрк.: кир. Жаңыз ~ цаңыз ‘один, сам по себе’» [Владимирцов, 2005. С. 769], допустил, что «*йанһр* говора дало литературное *жаңһар* ‘одинокый, единственный, сирота’», тем более что в калмыцком языке наблюдается чередование звуков *й* и *ж* [Кичиков, 1962. С. 213–214]. При этом отмеченное у В. В. Радлова казанское наречие он принял за казахский язык, а лексические данные

енисейских киргизов перенес на тянь-шаньских киргизов.

Аргументы А. Ш. Кичикова не убедили Г. П. Заятуева. «Такая интерпретация значения слова Джангар с точки зрения логики и общего духа произведения, на наш взгляд, несколько спорна, — писал бурятский исследователь. — Трудно себе представить, чтобы народ — творец эпоса именовал любимого своего героя, хана ‘сиротой, одиноким’, даже будь тот на самом деле защитником обездоленных, сиротой по происхождению».

По его мнению, данное имя состоит из основы *зан/заң* ‘нрав, характер’ и суффикса *-ар* и в целом означает ‘нравственный или обладающий добрым нравом, человек с хорошим характером’ [Заятуев, 1970. С. 134–136].

Монгольский собиратель эпоса У. Загдсурэн пришел к выводу, что имя Джангар имеет не монгольское, а иноязычное происхождение. В связи с тем, что в ойратской письменности аффриката *ж* в имени героя передается графическим знаком, используемым при написании заимствованных слов, он переложил термин по-тибетски, при этом транслитерация его совпала со словом *чингар*, означающим, по мнению тибетолога Ч. Алтангэрэла, ‘белый войлок, белая накидка (ламский плащ) или горный дух’ [Загдсурэн, 1971. X. 111–113].

Г. И. Михайлов полагал, что Б. Я. Владимирцову не удалось установить «прямую связь между именами Джангар и Джехан-гир». Заметка А. Ш. Кичикова, по его словам, интересна тем, что ученый в своем исследовании опирался на конкретный лексический материал, но оперировал данными современных языков, между тем как Джангар — очень древнее имя [Михайлов, 1971. С. 93–94].

В те же годы Б. И. Панкратов высказался в пользу единства имен Джангар и Джехангир, указывая, что в калмыцкой передаче персидского титула «произошла полная редукция гласного последнего слога, подобно тому как калмыцкий *mänggrsn* образовался из *manggir/sun*» [Панкратов, 1989. С. 186].

Н. Н. Поппе, отметив в калмыцких и монгольских записях памятника значительное количество тибетских и санскритских терминов, утверждал, что окончательное оформление эпоса произошло в буддийский период. Не отрицая напрямую персидскую версию, он полагал вероятным и тибетское происхождение имени героя. И указал на связь Жангарая, одного из монгольских вариантов эпонима, с тибетским «*spyān-ras* (произносится *džān-rä*)» [Роппе, 1977. S. 2]. Речь здесь идет все о том же тибетском имени (в монгольской адаптации Жанрайсэг) бодхисаттвы Авалокитешвары, которого калмыки называют *Nidüber üzügči* ‘видящий глазами’ [Грюнведель, 1905. С. 19].

В свое время А. А. Бобровников, как упоминалось, отказался от этой версии. Дело в том, что значительная часть буддийской лексики в эпосе уйгур-

ского происхождения, тибетские термины датируются более поздним временем. Поэтому попытки установить тибетскую этимологию имени героя столь безуспешны. Различные же модификации эпонима в монгольских записях (Жангар, Жангарай, Жанрвай, Жунгаар, Жунраа) свидетельствуют об отсутствии в Монголии оригинальной традиции данного эпоса.

В 1990 г. А. М. Щербак назвал попытки этимологизации имени Джангар «недостаточно убедительными или просто случайными». Заслуживает внимания, по его словам, «лишь попытка опереться на материалы персидского языка, предпринятая в свое время А. А. Бобровниковым, Б. Я. Владимирцовым и поддержанная С. А. Козиным». Он не исключил возможности совмещения в образе Джангара прототипов нескольких исторических личностей, включая Чингис-хана, персидский титул которого известен как джихангир. Стяженным фонетическим вариантом этого титула является имя Джангир [Щербак, 2004. С. 100]. О стяженной форме этого имени ранее сообщал Б. И. Панкратов [Панкратов, 1989. С. 188].

В. И. Рассадин предположил, что в основе имени Джангар (в калмыцкой передаче Жаңһр, в халха-монгольской — Жангар, в старописьменном монгольском языке — *jingyar*) лежит древний общетюркский глагольный корень *yeŋ-* ‘побеждать, одолевать’, имеющий ареальные варианты *yiŋ-* | *žeiŋ-* | *žiŋ-*, а в сибирских тюркских языках *šeŋ-* | *čiŋ-*. По его словам, «старомонгольский вариант можно разложить на корневую морфему *jing-* (восходящую к тюркскому глаголу *žiŋ-*) и элемент *-yaŋ*, который можно идентифицировать с общетюркским отглагольным словообразовательным аффиксом прилагательного *-yir* // *-gig* (имеющим зетацентирующий вариант *-yüz* // *-giz*), выражающим качество по действию». И на этом основании считал, что «прототипом ойратского *jingyar* может быть тюркская словоформа *žingig*, либо *žanyir*, означающая ‘всегда побеждающий, всегда одолеваящий’» [Рассадин, 2015. С. 162]. Замечу, что П. Поух ранее возводил данный тюркский корень к имени Чингис [Poucha, 2009. X. 127].

Монголоеды КНР разделились во мнениях. Одни исследователи отстаивали персидское (завоеватель мира), другие тюркское (сирота), третьи монгольское происхождение имени. Предложения последних нередко представляли народные этимологии — *čangya er* ‘мужественный герой’, *zünyar* (*junyar*) ‘левый фланг войска’, *jangyar-jingyar* звукоподражание звону, шуму. Отдельные авторы пытались придать эпониму значение ‘рожденный по велению неба’ или ‘умелый, искусный руководитель’ либо связать с тибетским написанием имени Чингис-хана — *jangyar jalbo*, *jangyarjav*, а также с выражением *jangyartai kümün*², имеющим значение, по мнению

исследователя, ‘горемычный человек’ [Jaŋar, 1993. X. 69–85]. Известно, что под влиянием разговорной речи тибетское написание имени Чингис-хана претерпело изменения [Рерих, 2009. С. 292–293], но к исследуемому эпониму, как отмечалось, оно отношения не имеет.

Таков краткий хронологический обзор материалов о происхождении эпонима. Как можно заметить, из указанных версий чаще обсуждалась персидская этимология имени.

Термин *джахангир* — сложное слово, первая часть (*джахан*) которого означает ‘мир, вселенная’, а *гир* — это компонент подобных форм со значением ‘покоряющий мир, завоеватель’ [ПерсРС, 1970. Т. 1. С. 452; Т. 2. С. 411]. В средние века у тюркских народов Центральной Азии данное слово распространилось как собственное имя. Так, Джехангиром звали старшего сына эмира Тимура [Бартольд, 1963. С. 81]. Император Великих Моголов Джахангир прославился своей любовью к искусству [Беренстен, 2005. С. 73]. Оставил свой след в истории казахский хан Джангир [Султанов, 2001. С. 223]. Ойраты Джунгарского ханства в период активного взаимодействия с казахами и киргизами в XVII–XVIII вв. заимствовали это слово в его тюркской стяженной форме (каз. *жангир*, кирг. *жаангер*) — *jangyar* ‘властитель, владыка, повелитель’ [Владимирцов, 2005. С. 130].

Б. Я. Владимирцов сообщал, что глагольная форма слова *jangyarla* < *jangyar* + *la* ‘властвовать, повелевать, царствовать’ имеется в рукописи «История ойратов и Амурсаны», вывезенной им из Западной Монголии: *sevanrabtun-qan šajin öglige-yin ejen bolju töbüd ulus-ni ejelen jangyarlaysan čaytu* ‘в то время, когда Цеван-Рабтан-хан, став милостынедателем церкви буддийской, властвовал, господствуя над народом тибетским’ [Владимирцов, 2005. С. 130–131].

В другом списке этого анонимного сочинения вместо *jangyarlagsan* зафиксировано *zakerugsun* (от *захирах* — ‘подчинять, управлять’) [Тод үсгийн

‘чрезвычайно сложное и трудное дело’ [Тодаева, 2001. С. 141].

Б. Я. Владимирцов указывал на возможную контаминацию письм.-монг. *janggiral* < **jangyir*-*ga*-*l* ‘путаница’ с тюрк.: орх., ком. *yanil-*; уйг. *yangil-*; алт., каз. *яныл-* ‘ошибиться, сделать ошибку’ [Владимирцов, 2005. С. 726].

Однажды я спросил у знатока кочевого быта К. Э. Эрендженова о значении выражения ‘*jangyartai kümün*’. «Это человек, действия которого могут причинить неприятность другим лицам», — был ответ народного поэта. См.: монг. *зангарах* ‘кричать, ругаться, браниться’ [БАМРС, 2001. С. 209]. Производная основа в этом случае, вероятно, связана с тюрк. **ja:ny-*, крх.-уйг. *jan-*; каз. *žanu-*; кирг. *žanu-*, *žan-*; тув. *čanu-* ‘угрожать, пугать, грозить’. [СИГТЯ, 2001. С. 564; ЭСТЯ, 1989. С. 114].

Слово *jangyartai*, видимо, относительно позднее тюркское заимствование, которое в языке калмыков и ойратов Синьзяна испытало влияние структурно-фонетической формы имени *jangyar*.

² Слово *jangyartai* / *džangrtā* (*jangyar* + афф. *-tai*) имеет несколько значений. В языке калмыков и ойратов Синьзяна известно в сочетаниях *džangrtā jūm* ‘нечто затруднительное’ [Ramstedt, 1935. S. 108] и *жаңһартаа керер*

дурсгалууд, 1976. 331 х.]. Списки данной хроники имеют расхождения.

Словосочетание *küüken jāngyar mini* буквально означает 'детский мой властелин'. В других выражениях *mini xü adundā jāngyar* или *öböğön yöireldü jāngyar* исследуемое слово имеет то же значение: 'мой сын — властелин табуна; старик — властелин благопожеланий'.

У восточных и южных монголов слово *jāngyar* в значении 'властитель, правитель' не зафиксировано. Неизвестно оно и калмыкам, в начале XVII в. обосновавшимся в Нижнем Поволжье. В словарях этот термин также не нашел отражения. Слово, видимо, было известно лишь в пределах Джунгарского ханства, с падением которого сфера его применения сузилась до предела. Очевидно, что в силу локального бытования данное слово не могло стать основой имени Джангар.

Это положение, разумеется, не отрицает других персидских заимствований в эпосе. Так, Шавдал, имя супруги Джангара, происходит из письм.-монг. *Šabdūl* < перс. *šaftālū* 'персик' [Ramstedt, 1935. С. 343; Владимирцов, 2005. С. 134]. Образ героини и история ее имени — предмет отдельного разговора.

В порядке отступления отмечу, что в 1967 г. в известной монографии «Древние тюрки» Л. Н. Гумилев имя Жангар (так он называл Жаныгана, главу Восточнотюркского каганата) интерпретировал как 'победитель', вероятно, имея в виду титул джехангир. При этом сам же призывал не «рассматривать древние народы Сибири и Центральной Азии только как соседей Китая и Ирана», история и культура которых, по его словам, развивалась самостоятельно [Гумилев, 1999. С. 310].

В песнях эпоса Джангар устойчиво характеризуется как *Üzüng aldar xāni yağs köbün* 'единственный сын Узюнг Алдар-хана', *üjin öñčin* 'сирота в поколениях'. Совершенно очевидно, что в его образе нашли воплощение религиозно-мифологические представления разных эпох. Мотив «сироты, одинокого героя», первоначально племенного, относится к древним пластам подобных воззрений и наиболее полно сохранился в эпосе тюркских народов Сибири [Мелетинский, 2004. С. 296].

С развитием жанра героического эпоса образ Джангара претерпел известную эволюцию. В отличие от якутского Эр-Соготоха, который не помнил, кому обязан своим рождением, или от шорского Кан Кеса, жившего одиноко, он приобрел черты эпического богатыря и главы сорокаханной державы, занятого сначала собиранием боевых сподвижников, а затем созданием огромного государства. Мотив о Джангаре, «сироте в поколениях», сохранился в песнях памятника только в виде эпической формулы, элемента биографии героя.

В самом эпосе происхождение его имени объясняется следующим образом. Жестокий враг не ожи-

данно напал на страну Узюнг Алдар-хана, который с женой перед смертью едва успел спрятать единственного сына в горной пещере. О несчастье, постигшем соседнего владельца, стало известно Беке Менген Шигширги. Обходя владения Узюнг Алдар-хана, он обнаружил в высокой оспе двухгодовалого рыжего жеребенка, а в пещере двухлетнего мальчика, укрытого собольей шубкой. Имени мальчика Шигширги не знал, хотя с его отцом состоял в родственных и дружеских отношениях. Он задумался, как же быть? И вдруг его осенило, поскольку в пещере мальчик плакал, издавая звуки *jāng-jāng*, нарек его Джангаром [*Jāngyar-in eke material* (8). 158 х.]. Данная трактовка имени не более чем поздняя попытка народной этимологии. Подлинное значение имени с течением времени было утрачено.

Сюжет о найденном в пещере мальчике генетически связан с мотивом одинокого героя, ведь он остался единственным человеком своего племени, всех остальных враги погубили или угнали в рабство. Пещера, как и в легенде о происхождении тюркютов рода Ашина, вероятно, отражает культ ханского рода [Кляшторный, 2003. С. 249].

Установить монгольскую этимологию термина, как мы убедились, исследователи не смогли, тогда как имя героя легко объясняется на тюркской основе: *jāngyar* явно восходит к прототюркскому **jaŋɨr* 'одинокый, единственный' [EDAL, 2003. Р. 990].

В древнетюркский период слово *jaŋus* 'один, единственный' было зафиксировано в енисейских памятниках рунической письменности [ДТС, 1969. С. 235; Малов, 1952. С. 38]. Прямые лексические соответствия имеются в языках тюркских народов Саяно-Алтайского нагорья, этнически близких кереи-там, к общности которых, в свою очередь, восходят торгуты [Потапов, 1969. С. 195].

Одним из ценных трудов в этом отношении является «Опыт словаря тюркских наречий» В. В. Радлова, к словарным статьям которого нередко обращался Б. Я. Владимирцов. Ср.: *jaŋys* (алт., тел., тубалар., чулым.) 'только один, единственный', *pīr jaŋys kījī* 'только один человек'; *jaŋgыз* (казан.) 'одинокый', *bīr jaŋgыз kīšī* 'только один человек'; *jaŋgус* (бараб.) = *jaŋgыз*, *jaŋgуска* 'один, сам по себе' [Радлов, 1905. С. 64, 66, 67]; *caŋgыз* (кир., казан.) = *jaŋgыз*, *caŋыз* [Радлов, 1911. С. 18].

См. также: алт. *jaŋgыс* 'один, единственный' [Будагов, 1871. С. 340], тув. *чаŋгыс* 'один, единственный', эр *чаŋгыс* 'единственный' (о человеке, не имеющем родных братьев и сестер) [ТувРС, 1968. С. 516], хак., саг. диал. *чагыс* 'один, единственный', *чагыс палам* 'мой единственный ребенок', *чагыс кизі* 'одинокый человек' [ХакРС, 2006. С. 918]. Известен герой шорской сказки *Чагыс-оол* — одинокий юноша [Шорский фольклор, 1940. С. 236].

Нетрудно заметить, что значения приведенных слов, как и их этимологии, полностью совпадают.

Исходной формой имени является йалыңыс > йалыңыз > йалңыз, производная от основы йалын 'обнаженный, нагой, голый' с усилительным формантом -ыз [ЭСТЯ, 1989. С. 98].

Не вызывает сомнения фонетическая и семантическая близость указанных лексем со словом *jangyag*, также означающим, согласно тексту эпоса, 'один, единственный, одинокий'. С учетом жизненных обстоятельств героя данное слово в указанном значении стало его личным именем. Зафиксированная лингвистами калмыцкая форма *jaңыр / jaңgr* 'только один; голый, непокрытый' (*jaңgr jaп* 'голая кость'; *jaңgr ül* 'голая скалистая гора'), несомненно, восходит к тюркским основам этого слова [Ramstedt, 1935. S. 215].

Формы **janif* ~ *janus* ~ *jaңыс* ~ *jaңгыз* ~ *цаңгыз* ~ *jangyag* представляют собой культурный термин, связанный с мифологическими образами предков, ставших эпическими героями. Слово *jangyag* в монгольском языке проявляет все признаки заимствованного термина: при высокой степени сохранности значение его резко сужено, семантически одиноко. Данное имя является примером ранней контактной лексики между тюркскими и монгольскими языками.

Суммируя сказанное, можно заключить, что *jangyag* — это тюркизм, заимствованный кереитами в древнебулгарский период. Доказательством тому служит, кроме известного соответствия *j | j* и *č | j*, сочетания *η* и *γ*, явление ротацизма, характерное переходом *z(s) → r*. Проявления последнего можно наблюдать, например, в следующих словах: монг. *ikere* 'близнецы' ← протобулг. *ikir* < прототюрк. *ekiz* 'двойня' < *eki* 'два' (о людях); монг. *boγorla* 'задушить, перерезать горло' ← протобулг. *Boγorla* < прототюрк. *boγaz* 'горло'; монг. *aγurqai* 'дыра, шахта' ← протобулг. *Aγur* < прототюрк. *aγiz* 'рот, щель, отверстие' [Рона-Таш, 1974. С. 32]. Примеры можно продолжить³, но, как несколько категорично указывал известный исследователь: «Все слова с ротацизмом в

³ А. Рона-Таш обратил внимание на калмыцкое словосочетание *demsr tāmke* 'тюркский табак'. В казахском и новотюркском языках имеется слово *dāmsiz* 'безвкусный' (*dām* 'вкус' + афф. *-siz*). Исследователь полагал, что это слово вошло в калмыцкий язык благодаря торговым связям булгаро-тюркских купцов, почему *-siz* превратился в *-sir* > *-sr*. Данное заимствование он относил к более раннему периоду, чем XIII–XIV вв. [Рона-Таш, 1974. С. 37].

Приведу пример, имеющий непосредственное отношение к эпосу «Джангар». Согласно тексту памятника, войско Джангара составляют «шесть тысяч двенадцать богатырей». Данное выражение сопровождается определением *šarin*, которое исследователи переводят как 'желтые' или 'верные', чаще оставляя без перевода. Термин *šarin* (*šar^a* + афф. *-in*), по всей видимости, восходит к булгар. *sarak*, чув. *šarā* (< *čerig*) 'войско'. Слово *čerig* одни исследователи, как известно, возводят к скр. *kṣatrika* 'воин', другие связывают с ср.-кит. *čēp*, совр. кит. *zhan* 'драться, сражаться, дрожать, бояться' [ДТС, 1969. С. 144; СИГТЯ, 2006. С. 775].

монгольских языках заимствованы из тюркского языка типа чувашского» [Серебrenников, 1988. С. 37].

По словам А. Рона-Таша, контакты между отдельными алтайскими языками существовали в позднем бронзовом веке, что нашло отражение в булгаро-тюркских заимствованиях в монгольском языке [Рона-Таш, 1974. С. 37]. Истоки булгаро-тюркского влияния на протомонгольский язык В. И. Рассадин датировал периодом до I в. н. э. [Рассадин, 1988. С. 104].

В монголоведной фольклористике утвердился тезис об ойратском происхождении эпоса «Джангар», хотя известно, что в начале XX столетия ни А. В. Бурдуков, ни Б. Я. Владимирцов, несмотря на поиски, не смогли обнаружить ни эпический цикл, ни цельные песни памятника в Западной Монголии [Бурдуков, 1969. С. 227; Владимирцов, 2005. С. 152]. Имеющиеся материалы позволяют говорить только об одной древней эпической традиции — торгутской [Se. Dorji, 1986. X. 30–31].

Торгуты по этническому происхождению не являются ойратами, хотя в XV–XVI вв. входили в ойратский союз. Согласно письменным источникам, на рубеже XII и XIII вв. они составляли военную гвардию кереитов, которые, по всей видимости, имели древнетюркский субстрат. Шигширги, по сведениям эпоса, принадлежал к хунно-сяньбийскому роду тоба [Жангарын туульс, 1968. X. 107]. Именно этнокультурной преемственностью можно объяснить содержание в эпосе хуннских сюжетов, составивших его первоначальное ядро [Церенов, 2018. С. 72].

Изучение эпоса «Джангар» в отрыве от эпического творчества тюркских народов Сибири нельзя признать успешным⁴. В фольклорных памятниках этих народов, кроме известных эпических формул, имеется достаточно много общих с «Джангаром» мотивов и сюжетных параллелей, обусловленных «генетической общностью, языковым и этническим родством» [Неклюдов, 1972. С. 97]. В порядке примера лишь укажу, что Джангар, отправившийся в подземный мир на поиски Хонгора, находит в преисподней чудодейственных помощников, как и Йир Тюшлюк (по Радлову — 'спустившийся в землю'), герой известного тюркского сказания «Йир Тюшлюк», датированного VI–X вв. [Радлов, 1872. С. 352–375; Урманчеев, 1978. С. 62].

Имя Джангар — это термин, свидетельствующий не только о древних культурных связях, но и об эпической общности тюрко-монгольских народов Центральной Азии и Южной Сибири.

⁴ В Сибири процесс тюрко-монгольского взаимодействия, по мнению А. М. Щербака, сохранялся «непрерывным вплоть до недавнего времени» и «имел далеко идущие последствия для формирования лексического состава, морфологии и синтаксиса как некоторых тюркских, так и монгольских языков» [Щербак, 1997. С. 11].

Использованная литература

- БАМРС, 2001: Большой академический монгольско-русский словарь: в 4 т. / отв. ред. Г. Ц. Пюрбеев. Т. 2. М.: Academia, 2001.
- Bol'shoi akademicheskii mongol'sko-russkii slovar': v 4 t. / Otv. red. G. Ts. Piurbееv. T. 2 [Big academician Mongolian-Russian dictionary. In 4 vol. / Ed. G. Ts. Piurbееv. Vol. 2]. M.: Academia, 2001.
- Бартольд, 1963: *Бартольд В. В. Сочинения*. Т. II. Ч. 1. М.: Вост. лит., 1963.
- Bartol'd V. V. Sochineniia* [Collected Works]. T. II. Ch. 1. M.: Vost. lit. [Vol. II. Part 1. Moscow: Oriental literature], 1963.
- Бартольд, 1966: *Бартольд В. В. Сочинения*. Т. VI. М.: Наука. ГРВЛ, 1966.
- Bartol'd V. V. Sochineniia* [Collected Works]. T. VI. M.: Nauka. GRVL [Vol. VI. Moscow: Nauka publishers, Chief oriental literature editorial], 1966.
- Беренстен, 2005: *Беренстен В. Империя Великих Мо-голов / пер. с фр. Н. Григорьевой*. М.: АСТ: Астрель, 2005.
- Berensten V. Imperiia Velikikh Mogolov / Per. s fr. N. Grigor'evoi* [Empire of Great Moguls / Translated from French by N. Grigor'eva]. M.: AST: Astrel' [Moscow: AST: Astrel'], 2005.
- Бобровников, 2004: *Бобровников А. А. «Джангар»*. Народная калмыцкая сказка // *Джангар*. Материалы и исследования / вступ. ст., сост. и примеч. В. З. Церенова. М.: Общество монголоведов РАН, 2004.
- Bobrovnikov A. A. "Dzhangar"*. Narodnaia kalmytskaia skazka ["Djanganr". Kalmyk fairy tale] // *Dzhangar. Materialy i issledovaniia / Vstup. st., sost. i primech. V. Z. Tserenova*. M.: Obshchestvo mongolovedov RAN [Djanganr. Materials and research / Introduction, compiled, commentary by V. Z. Tserenov. Moscow: Society of mongolists of Russian academy of sciences], 2004.
- Будагов, 1871: *Будагов Л. Сравнительный словарь ту-реко-татарских наречий*. Т. II. СПб., 1871.
- Budagov L. Sravnitel'nyi slovar' turetsko-tatarskikh nare-chii*. T. II [Comparative dictionary of Turkic-Tatar dialects. Vol. II]. SPb., 1871.
- Бурдуков, 1969: *Бурдуков А. В. В старой и новой Мон-голии. Воспоминания. Письма*. М.: ГРВЛ, 1969.
- Burdukov A. V. V staroi i novoi Mongolii. Vospominaniia. Pis'ma* [In old and new Mongolia. Memories. Letters]. M.: GRVL [Moscow: Nauka publishers, Chief oriental literature editorial], 1969.
- Владимирцов, 2003: *Владимирцов Б. Я. Работы по ли-тературе монгольских народов / сост. Г. И. Слесарчук, А. Д. Цендина*. М.: Вост. лит., 2003.
- Vladimirtsov B. Ia. Raboty po literature mongol'skikh na-rodov* [Papers on Mongolian peoples' literature] / Sost. G. I. Slesarchuk, A. D. Tsendina. M.: Vost. lit. [Compiled by G. I. Slesarchuk, A. D. Tsendina. Moscow: Oriental literature], 2003.
- Владимирцов, 2005: *Владимирцов Б. Я. Работы по мон-гольскому языкознанию / сост. Г. И. Слесарчук*. М.: Вост. лит., 2005.
- Vladimirtsov B. Ia. Raboty po mongol'skomu iazykozna-niiu / Sost. G. I. Slesarchuk* [Essays on Mongolian linguistics / Compiled by G. I. Slesarchuk]. M.: Vost. lit. [Moscow: Orien-tal literature], 2005.
- Грюнведель, 1905: *Грюнведель А. Обзор собрания пред-метов ламайского культа кн. Э. Э. Ухтомского*. Bibliotheca Buddhica. Т. VI. СПб., 1905.
- Griunvedel' A. Obzor sobraniia predmetov lamaiskogo kul'ta kн. E. E. Ukhtomskogo* [Review of the collection of La-maist cult artifacts of prince E. E. Uhtomskii. Bibliotheca Buddhica]. Bibliotheca Buddhica. T. VI. SPb., 1905.
- Гумилев, 1999: *Гумилев Л. Н. Древние тюрки / сост. и общ. ред. А. И. Куркчи: в 2 кн. Кн. 1*. М.: Институт ДИ-ДИК, 1999.
- Gumilev L. N. Drevnie tiurki / Sost. i obshch. red. A. I. Kurk-chi: v 2 kn. Kn. 1*. [Ancient Turks / Compiled and ed. by A. I. Kurkchi. In 2 books. Book 1]. M.: Institut DI-DIK [Mos-cow: Institute DI-DIK], 1999.
- Дамдинсүрэн, 1957: *Дамдинсүрэн Ц. Исторические корни Гэсэриады*. М.: Изд-во АН СССР, 1957.
- Damdinsuren Ts. Istoricheskie korni Geseriady* [Historical roots of Geser-epics]. M.: Izd-vo AN SSSR [Moscow: Publi-shers of the Academy of Sciences of the USSR], 1957.
- ДТС, 1969: *Древнетюркский словарь / под ред. В. М. На-деляева, Д. М. Насилова, Э. Р. Тенишева, А. М. Щербака*. Л.: Наука, 1969.
- Drevnetiurkskii slovar' / Pod red. V. M. Nadeliaeva, D. M. Na-silova, E. R. Tenisheva, A. M. Shcherbaka* [Ancient Turkic dictionary / Ed. by V. M. Nadeliaev, D. M. Nasilov, E. R. Te-nishev, A. M. Scherbak]. L.: Nauka [Leningrad: Nauka publi-shers], 1969.
- Заятуев, 1970: *Заятуев Г. Н. О происхождении имени Джангар // Народы Азии и Африки*. 1970. № 6.
- Zaiatuev G. N. O proiskhozhdenii imeni Dzhangar* [On ori-gin of the name Djanganr] // *Narody Azii i Afriki* [Peoples of Asia and Africa]. 1970. № 6.
- Кичиков, 1962: *Кичиков А. Ш. К вопросу о происхож-дении имени Джангар // Записки Калмыцкого НИИЯЛИ*. Вып. 2. Элиста, 1962.
- Kichikov A. Sh. K voprosu o proiskhozhdenii imeni Dzhan-gar* [On question of origin of the name Djanganr] // *Zapiski Kalmytskogo NIIIALI*. Vyp. 2 [Proceedings of Kalmyk scien-tific research institute of language, literature, history. Issue 2]. Elista, 1962.
- Кляшторный, 2003: *Кляшторный С. Г. История Цент-ральной Азии и памятники рунического письма*. СПб.: Филол. фак. СПбГУ, 2003.
- Kliashpornyi S. G. Istoriiia Tsentral'noi Azii i pamiatniki ru-nicheskogo pis'ma* [History of Central Asia and monuments of runic letters]. SPb.: Filologicheskii fakul'tet SPbGU [Saint-Petersburg: Dep. of philology of the State university of Saint-Petersburg], 2003.

Козин, 1940: *Козин С. А.* Джангариада. Героическая поэма калмыков. Введение в изучение памятника и перевод торгутской его версии. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1940.

Kozin S. A. Dzhangariada. Geroicheskaia poema kalmykov. Vvedenie v izuchenie pamiatnika i perevod torgutskoi ego versii [Djangariada. Kalmyk heroic poem. Introduction to study of monument and translation of its Torgut version]. M.; L.: Izd-vo AN SSSR [Moscow; Leningrad: Publishers of the Academy of Sciences of the USSR], 1940.

Козин, 1948: *Козин С. А.* Эпос монгольских народов. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1948.

Kozin S. A. Epos mongol'skikh narodov [Mongolian peoples' epos]. M.; L.: Izd-vo AN SSSR [Moscow; Leningrad: Publishers of the Academy of Sciences of the USSR], 1948.

Лауфер, 1927: *Лауфер Б.* Очерк монгольской литературы / пер. В. А. Казакевича; под ред. и с предисл. Б. Я. Владимирцова. Л., 1927.

Laufer B. Ocherk mongol'skoi literatury / Per. V. A. Kazakevicha; pod red. i s predisl. B. Ia. Vladimirtsova. L. [Essay on Mongolian literature / Translated by V. A. Kazakevich; ed. and introduction by B. Ia. Vladimirtsov. Leningrad], 1927.

Малов, 1952: *Малов С. Е.* Енисейская письменность тюрков. Тексты и переводы. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952.

Malov S. E. Eniseiskaia pis'mennost' tiurkov. Teksty i perevody [Yenisei Turkic letters. Texts and translations]. M.; L.: Izd-vo AN SSSR [Moscow; Leningrad: Publishers of the Academy of Sciences of the USSR], 1952.

Мелетинский, 2004: *Мелетинский Е. М.* Происхождение героического эпоса. Ранние формы и архаические памятники. 2-е изд., испр. М.: Вост. лит., 2004.

Meletinskii E. M. Proiskhozhdenie geroicheskogo eposa. Rannie formy i arkhaiskie pamiatniki. 2-e izd., ispr [Origin of heroic epos. Early forms and archaic monuments. 2nd edition]. M.: Vost. lit. [Moscow: Oriental literature], 2004.

Михайлов, 1971: *Михайлов Г. И.* Проблемы фольклора монгольских народов. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1971.

Mikhailov G. I. Problemy fol'klora mongol'skikh narodov [Problems of Mongolian peoples' folklore]. Elista: Kalm. kn. izd-vo [Elista: Kalmyk book publishers], 1971.

Неклюдов, 1972: *Неклюдов С. Ю.* Черты общности и своеобразия в центральноазиатском эпосе. (Проблемы исторической типологии и жанровой эволюции) // Народы Азии и Африки. 1972. № 3.

Nekliudov S. Yu. Cherty obshchnosti i svoebraziia v tsentral'no-aziatskom epose. (Problemy istoricheskoi tipologii i zhanrovoy evoliutsii) [Common and peculiar traits in Central Asian epos. (Problems of historical typology and evolution of genre)] // Narody Azii i Afriki [Peoples of Asia and Africa]. 1972. № 3.

Панкратов, 1989: *Панкратов Б. И.* Об этимологии титула «Чингис» // Страны и народы Востока. Вып. XXVI. Кн. 3. М.: ГРВЛ, 1989.

Pankratov B. I. Ob etimologii titula "Chingis" [On etymology of title "Chingis"] // Strany i narody Vostoka. Vyp. XXVI. Kn. 3 [Countries and peoples of Orient. Issue XXVI. Book 3]. M.: GRVL [Moscow: Nauka publishers; Chief editorial of orient literature], 1989.

ПерсРС, 1970: Персидско-русский словарь / под ред. Ю. А. Рубинчика. Т. I–II. М., 1970.

Persidsko-russkii slovar' / Pod red. Yu. A. Rubinchika [Persian-Russian dictionary / Ed. by Yu. A. Rubinchik]. T. I–II. M. [Vol. I–II. Moscow], 1970.

Потапов, 1969: *Потапов Л. П.* Этнический состав и происхождение алтайцев. Историко-этнографический очерк. Л.: Наука, 1969.

Potapov L. P. Etnicheskii sostav i proiskhozhdenie altaitsev. Istoriko-etnograficheskii ocherk [Ethnic structure and origin of Altai people. Historical and ethnographical essay]. L.: Nauka [Leningrad: Nauka publishers], 1969.

Радлов, 1872: *Радлов В. В.* Образцы народной литературы тюркских племен, живущих в Южной Сибири и Джунгарской степи. Ч. IV: Наречия барабинцев, тарских, тобольских и тюменских татар. СПб., 1872.

Radlov V. V. Obraztsy narodnoi literatury tiurkskikh plemen, zhivushchikh v Iuzhnoi Sibiri i Dzungarskoi stepi. Ch. IV. Narechiia barabintsev, tarskikh, tobol'skikh i tiuenskikh tatar [Examples of folklore of Turkic tribes in South Siberia and Djungar steppe. Part IV: Dialects of Barabinsk, Tarsk, Tobolsk and Tyumen Tatars]. SPb., 1872.

Радлов, 1905: *Радлов В. В.* Опыт словаря тюркских наречий. Т. 3. СПб., 1905.

Radlov V. V. Opyt slovaria tiurkskikh narechii. T. 3 [Experiment of dictionary of Turkic dialects. Vol. 3]. SPb., 1905.

Радлов, 1911: *Радлов В. В.* Опыт словаря тюркских наречий. Т. 4. СПб., 1911.

Radlov V. V. Opyt slovaria tiurkskikh narechii. T. 4 [Experiment of dictionary of Turkic dialects. Vol. 4]. SPb., 1911.

Рассадин, 1988: *Рассадин В. И.* Роль контактов в образовании тюрко-монгольской языковой общности // Вопросы языкознания. 1988. № 4.

Rassadin V. I. Rol' kontaktov v obrazovanii tiurko-mongol'skoi iazykovoi obshchnosti [Role of contacts in formation of Turkic-Mongolian language community] // Voprosy iazykoznaniiia [Questions of linguistics]. 1988. № 4.

Рассадин, 2015: *Рассадин В. И.* Возможна ли тюркская этимология этнонима ойрад, имен Джангар, Чингис и Гэсэр // Монголоведные исследования. Ч. 1: Лексикология. Этимология. Диалектология. Избранное. Элиста: Изд-во КалмГУ, 2015.

Rassadin V. I. Vozmozhna li tiurkskaia etimologiiia etnonima oirad, imen Dzhangar, Chingis i Geser [Is Turkic etymology possible in ethnonym Oirad, names Djangar, Chingis, Geser] // Mongolovednye issledovaniia. Ch. 1: Leksikologiiia. Etimologiiia. Dialektologiiia. Izbrannoe [Research in Mongolian Studies. Part 1. Lexicology. Ethimology. Dialectology. Selected works]. Elista: Izd-vo KalmGU [Elista: Publishers of Kalmyk state university], 2015.

Рерих, 2009: *Рерих Ю. Н.* Монгольские заимствования в тибетском языке // Олон улсын монгол хэл бичгийн эрдэмтний анхдугаар их хурал. I б. Улаанбаатар: Бемби сан, 2009.

Rerikh Yu. N. Mongol'skie zaимstvovaniia v tibetskom iazyke [Mongolian loan words in Tibetan language] // Olon

ulsyn mongol khel bichgiin erdemtnii ankhdujaar ikh khural. I b. Ulaanbaatar: Bembi san, 2009.

Рона-Таш, 1974: *Рона-Таш А.* Общее наследие или заимствования? (К проблеме родства алтайских языков) // Вопросы языкознания. 1974. № 2.

Rona-Tash A. Obshchee nasledie ili zaimstvovaniia? (K probleme rodstva altaiskikh iazykov) [Common legacy or acquisitions? (On problem of relations of Altaic languages)] // Voprosy iazykoznanii [Questions of linguistics]. 1974. № 2.

Серебrenников, 1988: *Серебrenников Б. А.* Критерии выделения алтайской языковой общности // Проблемы монгольского языкознания: сб. науч. тр. / отв. ред. Л. Д. Шагдаров. Новосибирск: Наука, 1988.

Serebrennikov B. A. Kriterii vydeleniia altaiskoi iazykovoi obshchnosti [Criteria of segregation of Altaic language community] // Problemy mongol'skogo iazykoznanii: Sb. nauch. tr. / Otv. red. L. D. Shagdarov [Problems of Mongolian linguistics / Ed. by L. D. Shagdarov]. Novosibirsk: Nauka [Novosibirsk: Nauka publishers], 1988.

СИГТЯ, 2001: Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Лексика. 2-е изд., доп. / отв. ред. Э. Р. Тенишев. М.: Наука, 2001.

Sravnitel'no-istoricheskaia grammatika tiurkskikh iazykov. Leksika. 2-e izd., dop. / Otv. red. E. R. Tenishev [Comparative historical grammar of Turkic languages. Lexica. 2nd edition / Ed. by E. R. Tenishev]. M.: Nauka [Moscow: Nauka publishers], 2001.

СИГТЯ, 2006: Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Пратюркский язык-основа. Картина мира пратюркского этноса по данным языка / отв. ред. Э. Р. Тенишев, А. В. Дыбо. М.: Наука, 2006.

Sravnitel'no-istoricheskaia grammatika tiurkskikh iazykov. Pratiurkskii iazyk-osnova. Kartina mira pratiurkskogo etnosa po dannym iazyka / Otv. red. E. R. Tenishev, A. V. Dybo [Comparative historical grammar of Turkic languages. Pra-Turkic basic-language. Picture of world of Pra-Turkic ethnos by language data / Ed. by E. R. Tenishev, A. V. Dybo]. M.: Nauka [Moscow: Nauka publishers], 2006.

Султанов, 2001: *Султанов Т. И.* Поднятые на белой кошме. Потомки Чингиз-хана. Алматы: Дайк-Пресс, 2001.

Sultanov T. I. Podniatyie na beloi koshme. Potomki Chingiz-khana [Raised on white felt. Descendants of Genghis-khan]. Almaty: Daik-Press, 2001.

Тодаева, 2001: *Тодаева Б. Х.* Словарь языка ойратов Синьцзяна. По версиям песен «Джангара» и полевым записям автора. Элиста: Калм. кн. изд-во, 2001.

Todaeva B. Kh. Slovar' iazyka oiratsv Sin'tsziana. Po versiiam pesen "Dzhangara" i polevym zapisiam avtora [Dictionary of language of Xinjiang Oirads. Based on versions of "Dzhangar" poems and field records of author]. Elista: Kalm. kn. izd-vo [Elista: Kalmyk book publishers], 2001.

ТувРС, 1968: Тувинско-русский словарь / под ред. Э. Р. Тенишева. М., 1968.

Tuvinsko-russkii slovar' / Pod red. E. R. Tenisheva [Tuvan-Russian dictionary / Ed. by E. R. Tenishev]. M., 1968.

Урманчеев, 1978: *Урманчеев Ф.* Сказание «Йир Тюшлюк» у тюркоязычных народов // Советская тюркология. 1978. № 1.

Urmancheev F. Skazanie "Iir Tiushliuk" u tiurkoiazychnykh narodov ["Jir Tushluk" poem of Turkic language peoples] // Sovetskaia tiurkologiia [Soviet turkology]. 1978. № 1.

ХакРС, 2006: Хакасско-русский словарь / под общ. ред. О. В. Субраковой. Новосибирск: Наука, 2006.

Khakassko-russkii slovar' / Pod obshch. red. O. V. Subrakovoi [Khakassian-Russian dictionary / Ed. by O. V. Subrakova]. Novosibirsk: Nauka [Novosibirsk: Nauka publishers], 2006.

Церенов, 2018: *Церенов В. З.* Хуннские сюжеты в эпосе «Джангар» // Mongolica-XXI: сб. ст. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2018.

Tserenov V. Z. Khunnskie siuzhety v epose "Dzhangar" [Hsiung-nu fabulas in "Dzhangar" epic songs] // Mongolica-XXI. Sb. st. SPb.: Peterburgskoe Vostokovedenie [Mongolica-XXI. Saint-Petersburg: Peterburgskoe Vostokovedenie], 2018.

Шорский фольклор, 1940: Шорский фольклор / зап., пер., вступ. ст. и примеч. Н. П. Дыренковой. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1940.

Shorskii fol'klor / Zap., per., vstup. st. i primech. N. P. Dyrenkovoi [Shor people's folklore / Record, translation, introduction, commentary by N. P. Dyrenkova]. M.; L.: Izd-vo AN SSSR [Moscow; Leningrad: Publishers of the Academy of Sciences of the USSR], 1940.

Щербак, 1997: *Щербак А. М.* Ранние тюрко-монгольские языковые связи (VIII–XIV вв.) СПб.: ИЛИ РАН, 1997.

Shcherbak A. M. Rannie tiurksko-mongol'skie iazykovye sviazi (VIII–XIV vv.) [Early Turkic-Mongolian language relations (8–14th cc.)] SPb.: ILI RAN (Saint-Petersburg: Institute of linguistics of the Russian academy of sciences), 1997.

Щербак, 2004: *Щербак А. М.* К вопросу о ранних эпических связях тюркских и монгольских народов // «Джангар» и проблемы эпического творчества. Мат. Междунаrodn. науч. конф. 22–24 августа 1990 г. Элиста, 2004.

Shcherbak A. M. K voprosu o rannikh epicheskikh sviaziakh tiurkskikh i mongol'skikh narodov [On question of early epic relations of Turkic and Mongolian peoples] // "Dzhangar" i problemy epicheskogo tvorchestva. Mat. mezhdunarodn. nauch. konf. 22–24 avgusta 1990 g ["Dzhangar" and problems of epic creation. Proceedings of International conference on 22–24 of August 1990]. Elista, 2004.

ЭСТЯ, 1989: Этимологический словарь тюркских языков. Общетюркские и межтюркские основы на буквы «Ж», «Ж», «Й» / авт. сл. статей Э. В. Севортян, Л. С. Левитская. М.: Наука, 1989.

Etimologicheskii slovar' tiurkskikh iazykov. Obshchetiurkskie i mezhtiurkskie osnovy na bukvy «Ж», «Zh», «Й» / Avt. sl. statei E. V. Sevortian, L. S. Levitskaia [Etimological dictionary of Turkic languages. Common and inter-Turkic basics on characters «Ж», «Ж», «Й» / Authors of articles E. V. Sevortian, L. S. Levitskaia]. M.: Nauka [Moscow: Nauka publishers], 1989.

Жангарын туульс, 1968: Жангарын туульс. Удиртгал ба тайлбар сэлт үйлдэж, хэвлэлд бэлтгэсэн У. Загдсүрэн. Улаанбаатар: Шинжлэх Ухааны Академийн хэвлэл, 1968.

Zhangaryn tuul's, 1968: Zhangaryn tuul's. Udirtgal ba tail-bar selt yildezh, kheveld beltgesen U. Zagdsyren. Ulaanbaatar: Shinzhlekh Ukhaany Akademiin khevel, 1968.

Зaгдсүрэн, 1971: *Зaгдсүрэн У.* Бичмэл нэгэн дууны тухай // Монголын судлал. Улаанбаатар: Шинжлэх Ухааны Академийн хэвлэх үйлдвэр, 1971.

Zagdsyren U. Bichmel negen duuny tukhai // Mongolyn sudlal. Ulaanbaatar: Shinzhlekh Ukhaany Akademiin khevlekh yildver, 1971.

Тод үсгийн дурсгалууд, 1976: Тод үсгийн дурсгалууд / Ерөнхий ред. А. Лувсандэндэв; Ботийн ред. Х. Лувсанбалдан. Улаанбаатар: Шинжлэх Ухааны Академийн хэвлэл, 1976.

Tod үсгийн дурсгалууд / Erönkhii red. A. Luvsandendev; Botiin red. Kh. Luvsanbaldan. Ulaanbaatar: Shinzhlekh Ukhaany Akademiin khevel, 1976.

ᠵaγar, 1993: *ᠵaγar O.* «ᠵangγar»-un tüli-in sudulul. Öbör Mongγol-un surγan qümüjil-ün keblel, 1993.

ᠵangγar-in eke material (8): «ᠵangγar»-in eke material (8). Dumdadu ulusin ardin aman zokōlin keblelin xorō.

EDAL, 2003: *Starostin S. A., Dybo A. V., Mudrak O. A.* (with the assistance of I. Gruntov and V. Glumov) Etymological Dictionary of Altaic Languages. Leiden, 2003.

Pallas, 1776: *Pallas P. S.* Sammlungen Nachrichten uber die mongolischen Volkerschaften. Bd. I. SPb., 1776.

Poppe, 1977: *Poppe N.* Einleitung // Mongolische Epen V. Übersetzung der Sammlung: U. Zagdsuren. Zhangaryn Tuul's von Nikolaus Poppe. Wiesbaden, 1977.

Poucha, 2009: *Poucha P.* Zum kalmückischen epos Džangar // Олон улсын монгол хэл бичгийн эрдэмтний анхдугаар хурал. II б. Улаанбаатар: Бемби сан, 2009.

Poucha P. Zum kalmückischen epos Džangar // Olon ulsyn mongol khel bichgiin erdemtnii ankhdugaar khural. II b. Ulaanbaatar: Bembi san, 2009.

Ramstedt, 1935: *Ramstedt G. J.* Kalmückisches Wörterbuch. Helsinki, 1935.

Se. Dorji, 1986: Se. Dorji. Mongγol ündüsüteni bāturlig tüli «ᠵangγar»-in tuxai // «ᠵangγar»-in tuxai ögülekü-ni. Šinjiang-gin arad-in keblel-in xorō. 1 boti. Ürümči. 1986.

ON THE ORIGIN AND MEANING OF THE NAME DJANGAR

Vasilii Z. TSERENOV

P. S. Pallas was the first who tried to determine an origin and a meaning of the name Djangar. Well-known Russian, Soviet and foreign researchers, from A. A. Bobrovnikov to others, suggested that this name originated from Persian title “djihanguir” — “conqueror of the world”. However, the image of Djangar includes religious and mythological beliefs of different epochs. The meaning of name relates with an ancient motif of orphan, alone hero. In opinion of the author of this article, the name jangγar ascends to proto-Turkic *janjif — “alone, single, only” and represents an example of early contact lexicon of Turkic and Mongolian languages.

Key words: Djangar, Turkic languages, Mongolian languages, motif of orphan, alone hero.

About the author:

Vasilii Z. TSERENOV, writer, ORCID: 0000-0001-8236-8500 (sprprav@mail.ru).

Б. Л. МИТРУЕВ

Калмыцкий научный центр Российской академии наук

КАЛМЫЦКИЕ ПЕЧАТИ НА САНСКРИТЕ

Среди множества печатей калмыцкой знати XVIII в., оттиски которых стоят на письмах этой знати, встречаются печати с легендой на санскрите. В данном исследовании рассмотрены две такие печати и другие, подобные им, печати из Монголии и Тибета. Цель статьи — ввести в научный оборот сфрагистические данные о двух калмыцких печатях на санскрите и предложить гипотезу об их происхождении. Материалом послужили недавно опубликованные письма калмыцких правителей, а также образцы печатей из «Каталога оттисков печатей из Ладакха». В ходе исследования было выяснено содержание надписей на печатях и выдвинута гипотеза об их происхождении.

Ключевые слова: Калмыкия, печать, сфрагистика, калмыцкая сфрагистика, Иши Цой Гелен, санскрит, Тибет, письмо варту.

Об авторе: МИТРУЕВ Бембя Леонидович, аспирант, научный сотрудник, Калмыцкий научный центр РАН (Россия, 358000, ул. И. К. Илишкина, 8), ORCID 0000-0002-1129-9656 (bemitrouev@yahoo.com).

© ИВР РАН, 2022
© Митруев Б. Л., 2022

Среди печатей представителей калмыцкой знати XVIII в. есть печати, содержащие легенду на санскрите. Печати с санскритской легендой нередко использовались в тибетских, ладакхских и монгольских правящих кругах. Ниже мы приведем их примеры.

Первая печать, рассматриваемая в данном исследовании, представляет большой интерес вследствие того, что она была обнаружена на письмах трех разных людей, что делает вопрос ее принадлежности трудноразрешимым без дальнейшего исследования документов той эпохи. Более того, на двух письмах владельца Цебека Дорджи стоит грубая имитация этой же печати, что только увеличивает количество вопросов.

Самое раннее использование первой печати зафиксировано на письме эмчи Гелен астраханскому губернатору А. П. Волынскому 13 августа 1724 г. [Сусеева, 2009. С. 313]. Полное имя эмчи Гелена — Иши Цой Гелен (тиб. *ye shes chos dge slong*). Информации об этом человеке сохранилось немного. Из первой части его титула «эмчи Гелен» следует, что он был традиционным лекарем «эмчи», это также подтверждается его собственными словами в письме астраханскому губернатору А. П. Волынскому от 13 августа 1724 г., где он называет себя «тебединовъ эмчи Гелен Гясыновъ», т. е. тибетским доктором Гелен Гясыновым [Сусеева, 2009. С. 313]. Вто-

рая часть имени свидетельствует о том, что он был монахом полного посвящения, по-тибетски *гелонгом* (тиб. *dge slong*), относящимся к высшему разряду калмыцкого духовенства. Известно, что он отправился в Тибет с калмыцким посольством в 1729 г. Вот как об этом пишет Василий Михайлович Бакунин (1700–1766): «в том же, 1729 году присланы в Москву посланцы от наместника ханства Черен Дондука, от Шакур-ламы и от владельцев Доржи Назарова и Дондук Омбы, чрез которых просили они: Черен Дондук — об отпуске посланцев его к Далай-ламе для отвозу туда пеплу отца его Аюки-хана; Шакур-лама и Доржи Назаров — о позволении самим им туда ехать» [Бакунин, 1995. С. 66]. Шакур-ламе было отказано в поездке, Доржи Назаров «сам, хотя и позволение имел, не поехал, а остался до смерти своей в калмыцких улусах», а от Дондук Омбо «посланцев при том не отправлено, затем что он в то время со всеми вышеписанными владельцами был в несогласии» [Бакунин, 1995. С. 66–67].

Тогда в «декабре месяце 1729 года отправлены были чрез Саратов, Казань и Сибирь к Далай-ламе посланцами: от ханши Дармы Балы — Намки гелен, от Черен Дондука — Батур Омбо; от Шакур-ламы — Балдан Габцу, от Доржи Назарова — Шарап Данжин, от Дасанга — Лоузанг Норбу гелен, от Дондук Даши — Иши Цой Гелен, а всех 40 человек» [Бакунин, 1995. С. 66]. С этими посланцами должен был

до конца ехать дворянин от Сибирского губернатора Плещеева, но посланцы того дворянина оставили в Селенгинске [Митиров, 1998. С. 145].

Эта же печать стоит и на письме Четера-тайши Ивану Ивановичу Бахметеву от 10 марта 1729 г. [Сусеева, 2009. С. 326]. Четер-тайши — зять хана Аюки. У него было три сына — Лабан Дондук, Гунга Доржи, Чидан (в крещении Никита Дербетев) и дочь Анна Тайшина (жена Петра Тайшина, в девичестве Церен-янжи). Известно, что Четер-тайша был поочередно женат на двух дочерях Аюки-хана и его внучке: «Вскоре после того хана Аюки сын Гунжен умре, оставя двух сынов своих Дондук Омбу и Бокшургу. По том же их примирении Аюка-хан за Менко-Темирева сына Четеря отдал в замужество дочь свою, именуемую Бунтар, и тем всех дербетев перевел с Дону к себе на Волгу» [Бакунин, 1995. С. 28].

Того ж 1717 года вышепомянутый дербетев владыц Четер-тайши бросил жену свою — Аюкину дочь Даши Черень, на которой он пред тем женился было по смерти первой жены своей — Аюкиной же дочери Бунтара, а вместо той брошенной жены своей женился на Аюкиной внуче (sic! — Б. М.), а Чакдоржаповой дочери, именуемой Доржи Черен, которая прежде была в замужестве за хошоутовым владельцем и, имея от оного двух сынов, овдовела и Четерем из того Хошоутова улуса увезена силою, за что Аюка-хан на владельца Четеря осердился и, призвав его к себе, содержал немалое время под претекстом лечения его болезни, однако же под крепким присмотром. А улус Дербетев от того отходил к Дону, и хан Аюка под рукою побуждал хошоутовых владельцев, чтоб они за обиду свою на Дербетев улус учинили нападение и оной забрали б себе во владение. Но понеже сие Четерево Чакдоржаповой дочери увезенной оному Аюкину сыну Чакдоржапу было не противно, того ради оный Чакдоржап отца своего Аюку от того отвел и Четеря с ним, Аюкою, примирил на том, что увезенная Четерем Чакдоржапова дочь осталась за ним, а на брошенной перед тем Аюкиной дочери женился Чете-

рев старший сын Лабан Дондук, и, таким образом согласясь, Четерь от Аюки отпущен и со всеми дербетевыми улусами по-прежнему перешел кочевать с Дону на Волгу [Бакунин, 1995. С. 32].

Г. Ф. Миллер пишет о происхождении Четера следующее:

Другая ветвь рода дербен оказалась среди тергетов; она происходит от младшего сына Талай-тайши, Солом-Серена. Сына Солом-Серена звали Менкотемир, после него остался Четер-тайша, имевший двух сыновей — Лаван Дондука и Гунгу Дорджи. Сын первого из них, Галдан-Черен, является в настоящее время главой семьи и всех причисляющих себя к роду дербен [Миллер, 2005. С. 33].

Позднее эта печать появляется на письмах дербетовского владельца Цебек Убаши подполковнику Ивану Алексеевичу Кишенскому от 22 февраля 1767 г. [Сусеева, 2009. С. 843] и 8 декабря 1770 г., (полученного 20 января 1771 г.) [Сусеева, 2009. С. 899]. Цебек-Убаши не имел детей, на нем пресеклась главная линия дербетовских правителей [История Калмыкии, 2009. С. 448]. После ухода из России большей части калмыков в 1771 г. российское руководство поручило губернатору убедить наиболее влиятельных и внушавших подозрение владельцев — Цебек Убаши, Яндыка и Асархо — в том, что их вызывают в Санкт-Петербург для личной аудиенции с императрицей. В конце 1772 г. все трое отбыли в Санкт-Петербург, однако до него добрались лишь Цебек Убаши и Асархо, Яндык умер в пути в станице Островской на Дону 15 декабря 1772 г. [Пальмов, 1922. С. 86]. В 1774 г. Цебек Убуши и Асарха прибыли в Петербург и там жили до смерти, последовавшей в 1774 г. [Пальмов, 1922. С. 86]. В результате смерти бездетного Цебек-Убаши пресеклась главная линия дербетовских правителей [История Калмыкии, 2009. С. 448].

Рис. 1

Рис. 2

Легенды на печати часто представляют собой стереотипные формулы благопожелания, указания или принадлежности [Белецкий, Воронцова, Дмитриева и др., 2003. С. 266]. Легенда данной печати является формулой благопожелания на санскрите, записанной индийским письмом варту (Рис. 1): om śubhamastu-sarva-jagatam «Ом пусть во всем мире будет благо!». Эта формула благопожелания часто используется в конце работ тибетских авторов. Так, она встречается в окончании нескольких текстов из собрания сочинений Таранатхи. Например, эта фраза (Рис. 3) завершает его известное сочинение «Краткое изложение деяний Победоносного Владыки мудрецов „Видение, наполненное смыслом“» (тиб. bcom ldan 'das thub pa'i dbang po'i mdzad pa mdo tsam brjod pa mthong bas don ldan) [Tāranātha, 2008. P. 477].

Рис. 3

Легенда данной печати om śubhamastu-sarva-jagatam записанной письмом *варту* с некоторыми отступлениями от норм орфографии, принятых для данного письма. Например, первая графема śu и лигатура stu выглядит не совсем типично для этого письма, поэтому, чтобы облегчить чтение легенды, нами представлена реконструкция печати (Рис. 2), выполненная современным компьютерным шрифтом JMYZK-WDT. Вследствие различий между рукописным написанием и компьютерным шрифтом форма графем несколько отличается, но в целом схожесть сохранена.

В начале санскритской фразы стоит знак письма варту ॐ, называемый на санскрите siddhirastu или siddham [Sircar, 1965. P. 92], значащий «пусть исполнится!», он представляет собой благословение или благоприятное слово. В тибетском письме этому знаку соответствует знак, называемый у-кью (тиб. dbu khyud) или данг-кьюг (тиб. dang kyog). В конце фразы находятся две вертикальные черты, называемые на санскрите rūṇavīṛāma, обозначающие конец предложения. После последней буквы стоит косая черта, перечеркивающая две вертикальные черты, это знак vīṛāma, обозначающий отсутствие гласного звука у буквы с вирамой, в данном случае это m. Обычно vīṛāma стоит непосредственно под буквой, к которой относится, но в данном случае знак стоит за буквой «m», перечеркивая две вертикальные черты. В верхней части кромки печати помещена тибетская буква «а».

Хотя дальнейшая судьба данной печати неизвестна, на этом ее история не заканчивается.

На письме багацохуровского владельца Цебек Доржи астраханскому губернатору Василию Васильевичу Неронову 15 марта 1763 г. [Сусеева, 2009. С. 762] и письме полковнику И. Кишенскому от

27 марта 1769 г.¹ [Сусеева, 2009. С. 890] стоят оттиски его красной печати (Рис. 4), легенду которой оказалось довольно трудно прочесть. Это удалось сделать лишь путем сравнения с упомянутой выше первой печатью с санскритской легендой. В ходе сравнения выяснилось, что данная печать владельца Цебек Доржи представляет собой имитацию санскритской надписи предыдущей печати. Мы называем надпись на этой печати имитацией, а не копией, потому что она представляет собой лишь грубое подобие оригинала. Мастер, сделавший эту печать, не знал письма *варту*, вследствие чего ему удалось добиться лишь приблизительного сходства надписи с оригинальной печатью. Как и на оригинале, надпись состоит из трех строк, в верхней части кромки печати помещена тибетская буква «а». Однако элементы печати невозможно прочесть, последние слоги сливаются в одно целое. Мы уже сталкивались с такой имитацией, а не копированием легенды печати в случае с печатью Чимета, которая была описана в отдельном исследовании [Митруев, 2021].

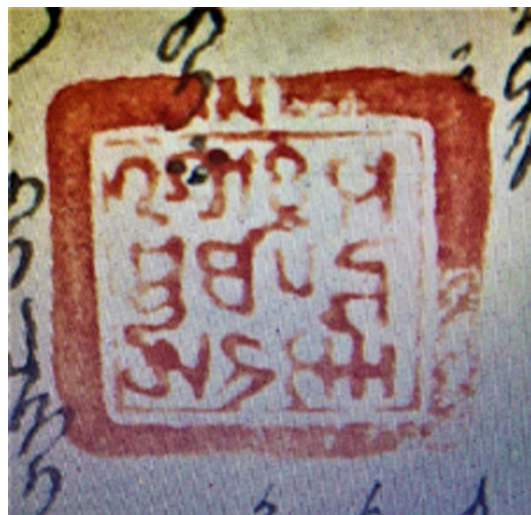

Рис. 4

Цебек Дорджи — калмыцкий тайша, старший сын скончавшегося в 1740 г. в русском заключении в Казани Галдан-Норбо и внук калмыцкого хана Дондук-Омбо. Один из главных инициаторов ухода калмыков в Джунгарию (1770–1771) [Пальмов, 1922. С. 70]. Цебек Доржи был одним из претендентов на бывшие дедовские улусы, так как он в письме к Н. Г. Спицыну писал: «Есть ли ж объявить о природе и обыкновении, то я в равном состою чине, как Убаша, понеже Аюки-хана я внук (в действительности праправнук. — Б. М.)... есть ли по-калмыцким судебным правам было, то я имею по суду свою часть улусов Багацоохур взять, да сверх того Аюки-хана и Церен-Дондука оставшие улусы, пополам

¹ Интересно, что имя Цебек Дорджи в этом письме написано как Цеванг Дорджи (ойр. ce dbang rdo rje; тиб. tshe dbang rdo rje).

разделя, взять же» [Батмаев, 1993. С. 302–303]. В 1771 г. вместе с Убаши-ханом и прочими отбыл в пределы Цинской империи. Цебек Доржи получил титул цинь-вана и почетное звание «Буянту» («Добродетельный») [Митиров, 1998. С. 272].

Почему одна и та же печать была использована несколькими людьми, и по какой причине была сделана ее, пусть и не самая точная, копия? В русском переводе писем эмчи Гелена и Четера-тайши одна и та же печать названа соответственно «печатью эмчи геленова» и «печатью Четыря тайши». Возможно, перед отъездом в Тибет эмчи Гелен отдал ее дербетовскому Четер-тайше, но эта гипотеза нуждается в

дальнейшей проверке. Затем эта печать была передана дербетовскому владельцу Цебек Убаши. Возможно, эта печать передавалась как печать владельцев дербетовских родов, и багацохуровский владелец Цебек Доржи, не имея возможности заполучить другую печать, сделал с нее копию, которой он пользовался для заверения своих писем.

Печати с легендой на санскрите не редкость. Они имели хождение в Монголии. Такова, например, малая печать Эринчин Лубсан-тайджи (1652 — ок. 1691), оттиск которой стоит на его письме в Москву (Рис. 5) [Шастина, 1968. С. 286].

Рис. 5

Рис. 6

Легенда печати на санскрите представляет собой текст из четырех строк, записанных индийским письмом ланджа (в скобках даны исправления санскритского текста): bhu(ū)mipāla-sumati-śa(ā)sana-rakṣati dharma-rājaya śubham — «Пусть будет благо Хранитель земли, Благоумного защитника учения [Будды], царя дхармы». Тибетский эквивалент этой надписи реконструирован нами следующим образом: sa skyong blo bzang bstan srung chos kyi rgyal po dge'o. Предположительно, перевод на санскрит традиционно осуществлялся с тибетского, при этом использовались тибетско-санскритские лексиконы. Санскритская надпись сделана с ошибками. В некоторых словах вместо долгих гласных написаны краткие. В переводе титула «защитник учения» слово «защитник» переведено на санскрит посредством формы глагола настоящего времени третьего лица единственного числа rakṣati 'защищать' вместо rakṣaḥ 'защитник'. Схожая ошибка была допущена в тексте легенды на печати Богдо-гэгэна в слове dharatīḥ [Митруев, 2020. С. 247]. Слово rājaya также написано с ошибкой. Так как оттиск печати на письме Лубсан-тайджи довольно нечеткий, легенда на большой красной печати Лубсан-тайджи «Sayin oyū-tu sajin-i sakiyū-ṣi-yin tamaṣ-a» [Шастина, 1968. С. 283] была ис-

пользована как вспомогательный источник для реконструкции элементов санскритской надписи. Чтобы облегчить чтение легенды, нами представлена реконструкция печати (Рис. 6), выполненная современным компьютерным шрифтом JMYZK--LZT. Титул *тайджи* был переведен на санскрит словом bhū-mipāla 'хранитель земли', являющимся синонимом слова «царь». Слово sumati — перевод тибетского имени Лобсанг 'Благоумный' или 'Благой ум', которому соответствует монгольское Sayin oyū-tu. Словосочетание śāsana-rakṣati, или более правильно śāsana-rakṣaḥ, — перевод титула sajin-i sakiyū-ṣi 'защитник учения', реконструированного нами на тибетском как bstan skyong. Словосочетание dharma-rājaya, или более правильно dharma-rāja, 'царь дхармы' реконструировано на тибетском как chos kyi rgyal po/ chos kyi rje. В отличие от печати эмчи Гелена, легенда на этой печати представляет собой формулу указания.

Схожие печати использовались и правителями в Тибете. Так, например, на печати¹ 10-го правителя из династии Пхагмо-дру Деси Нгаванг Траши Драгпа

¹ Abbildung 19: Phagmo Drupa-Siegel auf einer 1562 ausgefertigten Urkunde. URL: <http://www.tibet-encyclopaedia.de/siegel.html> (дата обращения: 22.11.2021).

Гьялцена (тиб. *phag mo gru pa sde srid ngag dbang bkra shis grags pa rgyal mtshan*; 1480–1564), оттиск которой стоит на документе 1562 г. (Рис. 7), находится легенда на санскрите, сделанная индийским письмом ланджа: *vāgīśvara-maṅgala-kīrti-dhvaja-śrībhadra jāya*. Эта легенда представляет собой дословный перевод имени правителя *ngag dbang bkra shis grags pa rgyal mtshan*, после которого стоит форма

повелительного наклонения глагола *jāya*, имеющая значение ‘пусть победит, будет победоносным!’. Таким образом, в отличие от печати эмчи Гелена, легенда на этой печати представляет собой формулу указания. Об этом правителе известно, что в 1559 г. он поднес 3-му Далай-ламе Сонам Гьяцо (тиб. *tA la'i bla ma bsod nams rgya mtsho*; 1543–1588) красную печать [*dung dkar*, P. 2323–2324].

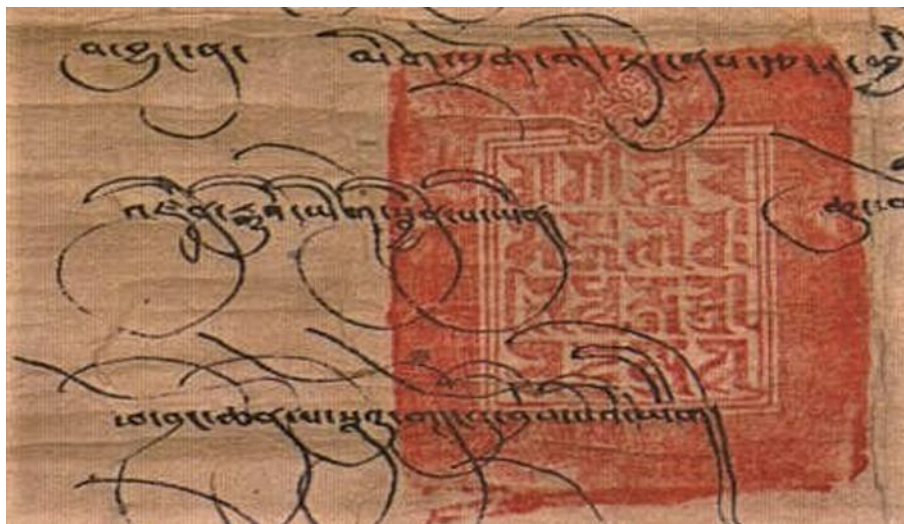

Рис. 7

Рис. 8

Другим примером печати с легендой на санскрите является печать принца Ладакха Цеванг Намгьяла (тиб. *lha sras tshe dbang rnam rgyal*; 1753–1782) и его матери (Рис. 8), поставленная на один из документов в присутствии Гьялсе Ринпоче Мипхам Джампел Тутоба (тиб. *rgyal sras rin po che mi pham 'jam dpal mthu stobs*) в 1754 г. [Schuh, 2016. S. 516]. Сохранилось множество оттисков этой печати на различных документах. Гьялсе Ринпоче Мипхам Джампел Тутоб выполнял роль регента при несовершеннолетнем ца-

ре [Petech, 1977. P. 107]. Позднее эта печать использовалась царем Цепел Дондруб Намгьялом (*tshe dpal don grub rnam rgyal*; ум. 1840) [Schuh, 2016. S. 554]. Возможно, что именно эту печать имеет в виду А. Г. Франке в «Истории Ладакха». Он предполагает, что эта печать принадлежала царю Лхачен Драгпа-буму (тиб. *lha chen grags pa 'bum*; ок. 1400–1440), правившему Рабтан Лхаце (тиб. *rab brtan lha rtse*), Те-я (тиб. *gte ya*) и пр. и построившему царский город Тинг-ганг (тиб. *gting sgang*). Она до сих пор хранится у бывших царей Ладакха. Оттиск печати, виденный А. Г. Франке, был слишком нечетким, чтобы его можно было расшифровать. Он содержал написанные символами ланджа санскритские формулы, но не имя царя [Francke, 1926. P. 102].

Сверху и снизу на кромке печати на тибетском написано *gnam rgyal* — *mar yul rāja* «Намгьял, раджа Мар-юла». Намгьял (тиб. *gnam rgyal*) — династия царей Ладакха, просуществовавшая с 1460 по 1842 г. Мар-юл (тиб. *mar yul* — ‘низина’) — западно-тибетское царство, расположенное на территории современного Ладакха и Тибетского автономного района КНР.

Санскритская надпись на этой печати:

*āyudīrghasiddham
iśavardhodayaḥ
mañijvalāvyayam
sarvasadā tiṣṭha ho(h)*

Реконструкция санскритской надписи на тибетском:

tshe ring dngos grub la //
dbang ni spel zhing dar //
mi zad nor bu 'bar //
kun rtag gnas par dgyes //

Перевод:

Пусть нерушимая пылающая драгоценность,
Властвующая над преумножением и увеличением
Сиддхи долголетия,
С радостью пребывает везде и всегда!

Вероятно, санскритский текст этой надписи также был получен на основе тибетского текста. Как и в случае с печатью эмчи Гелена, легенда данной печати является формулой благопожелания на санскрите.

Рис. 9

Следующая печать¹ (Рис. 9) несет на себе легенду в виде формулы указания, содержащей имя владельца: akṣara-ayuh-sthira-sāgara vijayantu. Вероятно, эта надпись представляет собой перевод на санскрит

тибетского имени владельца печати: mi 'gyur tshe brtan rgya mtsho. Последнее слово vijayantu, эквивалентом которого является тибетское mnam par rgyal, значит: 'пусть будет победоносным!' Таким образом, перевод всей фразы: «Пусть будет победоносным Гьюрме Цетен Гьяцо!»

В девятом томе собрания сочинений Седьмого Далай-ламы Келсанг Гьяцо (тиб. bskal bzang rgya mtsho; 1708–1757) в колофоне «Последовательности действий садханы Махакаруника Кхасарпани вместе со способом дарования разрешения „Лунный свет, раскрывающий цветы жасмина блага для других“» (тиб. thugs rje chen po kha sar+pa Ni'i sgrub thabs rjes gnang bya tshul las tshogs kyī rim pa gzhan phan kun+da 'dzum pa'i zla 'od) сказано, что она написана по указанию Нгари-нойон гуна Гьюрме Еше Цетен Гьяцо (тиб. mnga' ris no yon gung 'gyur med ye shes tshe brtan rgya mtsho) [bskal bzang rgya mtsho, 1976. С. 229]. Возможно, данная печать принадлежала этому ламе или кому-то со схожим именем.

Таким образом, мы можем сказать, что легенда на первой печати представляет собой популярное благопожелание на санскрите: om śubhamastu-sarvajagatam «Ом пусть во всем мире будет благо!» Эта печать была использована несколькими людьми, о чем свидетельствуют их письма. Возможно, первая печать являлась родовой печатью. Вероятнее всего, она была изготовлена в Тибете.

Печать багацохуровского владельца Цебек Доржи является копией или, скорее, имитацией первой печати, возможно, сделанной на территории калмыцкого ханства. На это указывает невысокое качество ее изготовления, что свидетельствует об отсутствии знания и навыка изготовления подобных печатей у мастера-изготовителя. Также на это указывает тот факт, что оригиналом для данной печати послужила печать, находящаяся на территории Калмыцкого ханства.

Калмыцкая сфрагистика — зарождающаяся отрасль калмыцкого источниковедения, которая нуждается в дальнейшей поддержке и исследованиях.

Использованная литература

Бакунин, 1995: Бакунин В. Описание истории калмыцкого народа. Элиста: Калмыцкое книжное изд-во, 1995. 153 с.

Bakunin V. Opisaniie istorii kalmytskogo naroda [Description of the history of the Kalmyk people]. Elista: Kalmytskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1995. 153 p.

Батмаев, 1993: Батмаев М. М. Калмыки в XVII–XVIII веках: События, люди, быт: в 2 кн. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1993. 381 с.

Batmaev M. M. Kalmyki v XVII–XVIII vekakh: Sobytiia, liudi, byt: v 2 kn. [Kalmyks in the 17th–18th centuries: Events, people, everyday life: In 2 vols.]. Elista: Kalm. kn. izd-vo, 1993. 381 p.

Белецкий, Воронцова, Дмитриева и др., 2003: Специальные исторические дисциплины: Учеб. пособие / Европ. ун-т в Санкт-Петербурге; [Отв. ред. и сост. М. М. Кром]. СПб.: Дмитрий Буланин, 2003 (ГИПП Искусство России). 634 с., ил.

¹ Abbildung 57: Eisensiegel mit Aufschrift in Lantsa-Schrift, in ornamentalen Rahmen gesetzt. URL: <http://www.tibetencyclopaedia.de/siegel.html> (дата обращения: 22.11.2021).

Spetsial'nye istoricheskie distsipliny: Ucheb. Posobie [Special historical disciplines: Textbook]. SPb.: Dmitrii Bulanin, 2003. 634 s., il.

История Калмыкии, 2009: История Калмыкии с древнейших времен до наших дней: в 3 т. Т. 1. Элиста: ИД «Герел», 2009. 848 с., ил.

Istoriia Kalmykii s drevneishikh vremen do nashikh dnei [History of Kalmykia from ancient times to the present day]. V 3-kh t. T. 1. Elista: ID "Gerel", 2009. 848 s.: il.

Миллер, 2005: Миллер Г. Ф. История Сибири. Т. 3. М.: Вост. лит., 2005. 605 с.

Miller G. F. Istoriia Sibiri [The History of Siberia]. T. 3. M.: Vostochnaia literatura, 2005. 605 p.

Митиров, 1998: Митиров А. Г. Ойраты — калмыки: века и поколения. Элиста: Калмыцкое книжное изд-во, 1998. 384 с.: ил.

Mitirov A. G. Oiraty — kalmyki: veka i pokoleniia [Oirats — Kalmyks: centuries and generations]. Elista: Kalmytskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1998. 384 s.: il.

Митруев, 2020: Митруев Б. Л. Относительно санскритской надписи на печати VIII Богдо-гэгэна Монголии // Труды Ин-та востоковедения РАН. Вып. 31: Тибетология и буддология на стыке науки и религии. М.: Изд-во Ин-та востоковедения РАН, 2020. С. 240–254.

Mitruiev B. L. Otnositel'no sanskritskoi nadpisi na pečhati VIII Bogdo-gegena Mongolii [Concerning the Sanskrit Inscription on the Seal of the VIII Bogdo Gegen of Mongolia] // Trudy Instituta vostokovedeniia RAN. Vypusk 31.: Tibetologiya i buddologiya na styke nauki i religii. M.: Izdatel'stvo Instituta vostokovedeniia RAN, 2020. S. 240–254.

Митруев, 2021: Митруев Б. Л. Печать нойона Чимета // Вестник Бур. гос. ун-та. Гуманитарные исследования Внутренней Азии. Вып. 3. 2021. С. 47–54.

Mitruiev B. L. Pechat' noiona Chimeta [Noyon Chimet's seal] // Vestnik Buriatskogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye issledovaniia Vnutrennei Azii. Vyp. 3. 2021. P. 47–54.

Пальмов, 1922: Пальмов Н. Н. Очерк истории калмыцкого народа за время его пребывания в пределах России. Астрахань: Калм. гос. изд-во, 1922. 137 с.

Pal'mov N. N. Ocherk istorii kalmytskogo naroda za vremia ego prebyvaniia v predelakh Rossii [Essay on the history of the Kalmyk people during their stay within Russia]. Astrakhan': Kalmytskoe gos. izd-vo, 1922. 137 p.

Сусеева, 2009: Сусеева Д. А. Письма калмыцких ханов XVIII века и их современников (1713–1771 гг.). Элиста: ЗАОР «НПП „Джангар“», 2009. 992 с.

Suseeva D. A. Pis'ma kalmytskikh khanov XVIII veka i ikh sovremennikov (1713–1771 gg.) [Letters from the 18th centu-

ry Kalmyk khans and their contemporaries (1713–1771)]. Elista: ZAO "NPP "Dzhangar", 2009. 992 p.

Шастина, 1968: Шастина Н. П. Письма Лубсан-тайджи в Москву. Из истории русско-монгольских отношений в XVII в. // Филология и история монгольских народов. М., 1968. С. 275–288.

Shastina N. P. Pis'ma Lubsan-taidzhi v Moskvu. Iz istorii russko-mongol'skikh otnoshenii v XVII v. [Letters from Lubsan-taiji to Moscow. From the history of Russian-Mongolian relations in the 17th century] // Filologiya i istoriya mongol'skikh narodov. M., 1968. P. 275–288.

bskal bzang rgya mtsho, 1976: bskal bzang rgya mtsho. thugs rje chen po kha sar+pa Ni'i sgrub thabs rjes gnang bya tshul las tshogs kyi rim pa gzhan phan kun+da 'dzum pa'i zla 'od («Последовательности действий садханы Махакаруника Кхасарпани вместе со способом дарования разрешения „Лунный свет, раскрывающий цветы жасмина блага для других“») // The collected works (gsun 'bum) of the Seventh Dalai Lama blo-bzan-bskal-bzang-rgya-mtsho. Vol. 9. Gangtok: Dondrup Sangye, 1976. P. 171–229 (На тиб. яз.).

dung dkar: dung dkar blo bzang 'phrin las. dung dkar tshig mdzod chen mo (Большой словарь Дунгкара). Пекин: Китайское тибетологическое изд-во, 2002. 2388 с. [Great Dictionary of Dungkar. Beijing: China Tibetological Publishing House, 2002. 2388 p.].

Tāranātha, 2008: Tāranātha. bcom ldan 'das thub pa'i dbang po'i mdzad pa mdo tsam brjod pa mthong bas don ldan (Краткое изложение деяний Победоносного Владыки мудрецов «Видение, наполненное смыслом») // jo nang rje btsun tA ra nA tha'i gsung 'bum dpe bsdur ma. Vol. 32. Beijing: krung go'i bod rig pa dpe skrun khang, 2008. P. 128–477 (На тиб. яз.).

Francke, 1926: Francke A. H. The Chronicles of Ladakh and Minor Chronicles. Part (Volume) II. Texts and translations, with notes and maps. Calcutta: Superintendent Government Printing, 1926. 310 p.

Petech, 1977: Petech Luciano. The kingdom of Ladakh C. 950–1842 A. D. (Serie Orientale Roma LI). Roma: Istituto Italiano per il Medio ed Estremo Oriente, 1977. 191 p. (На англ. яз.).

Sircar, 1965: Sircar D. C. Indian Epigraphy. Delhi: Motilal Banarsidass, 1965. 475 p. (На англ. яз.).

Schuh, 2016: Schuh Dieter. Ein Katalog von Siegelabdrücken aus Ladakh, Purig und Spiti // Zentralasiatische Studien 45. Tibet after Empire: Culture, Society and Religion between 850–1000 Proceedings of the Seminar held in Lumbini, Nepal, March 2011. Andiastr: International Institute for Tibetan and Buddhist Studies, 2016. S. 493–582 (На нем. яз.).

KALMYK SEALS IN SANSKRIT

Bembya L. MITRUEV

Kalmyk Scientific Center of the Russian Academy of Sciences

Among the many seals of the Kalmyk nobility of the 18th–19th centuries, the imprints of which found on the letters, there are seals with a legend in Sanskrit. This study examines two such seals and other similar seals from Mongolia and Tibet. The aim of the article is to introduce the scientific research data on two Kalmyk seals in Sanskrit and offer a hypothesis of their origin. Materials used were recently published letters of Kalmyk rulers, as well as samples of seals from the “Catalogue of stamps from Ladakh”. The study clarified the content of the inscriptions on the stamps and proposed a hypothesis about their origin.

Key words: Kalmykia; seal; sphragistics; Kalmyk sphragistics; Ishi Tsoi Gelen; Sanskrit; Tibet; Vartu writing.

About the author:

Bembya L. MITRUEV, Ph. D. student, Research Associate, Kalmyk Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, (8, Ilshkin str., Elista, 358000, Russia), ORCID 0000-0002-1129-9656 (bemitrouev@yahoo.com).

И. А. АЛИМОВ

Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера)
Российской академии наук

БЮРОКРАТИЯ В ДВИЖЕНИИ: КИТАЙСКИЕ ПУТЕВЫЕ ДНЕВНИКИ X–XIII вв. (II)

В настоящей статье продолжается тема изучения путевых дневников китайских чиновников X–XIII вв. и рассказывается о «Бэй син жи лу» — дневнике, который Лоу Юэ вел, будучи членом посольской миссии в государство Цзинь в 1169–1170 гг. Это один из четырех наиболее значительных дневников подобного рода, являющийся кладом разнообразной уникальной информации о чжурчжэньском государстве, его нравах и обычаях, государственном и территориальном устройстве, а также об особенностях дипломатического этикета между Сун и Цзинь.

Ключевые слова: Китай X–XIII вв., эпоха Сун, путевые дневники, традиционное китайское чиновничество, посольство, империя Цзинь, Лоу Юэ.

Об авторе: АЛИМОВ Игорь Александрович, доктор исторических наук, заведующий отделом Южной и Юго-Восточной Азии, Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН. Санкт-Петербург (Россия, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 3), ORCID 0000-0002-3235-8459 (Igor.Alimov@kustkamera.ru).

© ИВР РАН, 2022
© Алимов И. А., 2022

В настоящей работе¹ мы продолжим исследование путевых дневников китайских чиновников X–XIII вв., начатое ранее [Алимов, 2021], и обратимся к памятнику «Бэй син жи лу» (北行日錄 «Ежедневные записи о поездке на север»). Его автор — сановник, литератор и поэт Лоу Юэ (или Лоу Яо 樓鑰 1137–1213) происходил из семьи потомственных чиновни-

¹ Данная статья носит в основном источниковедческий характер, однако написана в русле идей антропологии движения, когда китайский чиновник, мобильный, как я писал ранее, по самой сути своей службы, отправляется в служебную поездку по поручению правителя и в своих путевых заметках детально фиксирует окружающую действительность. Во время этого путешествия, которое есть движение само по себе и одновременно движение к цели, происходит также и движение культурных и исторических смыслов — их сближение и разделение. Картина мира чиновника, путешествующего по государственной надобности, постоянно прирастает новыми смыслами не только для него лично, но и для государства, которое отправило его в путь. «Главное в путешествии — движение, пересечение границ и открытие нового (для себя) мира» [Головинёв, 2020. С.77].

ков и книжников. Сдав в 1163 г. экзамены на право занятия чиновничьей должности, он начал службу областным заведующим вопросами образования, потом был переведен в столицу и возвысился до *ци-цзюйлана* («повседневный регистратор» поступков и высказываний императора), а затем и до *чжуншунь шэжэня* («домочадец при срединных документах», фактически императорский секретарь) и был назначен главой Департамента чинов. Занимал Лоу Юэ и другие должности при дворе и в провинции; самым высоким его назначением стал пост *цаньчжи чжэн-ши* («участвующий в делах управления»), который Лоу Юэ занял в 1209 г.² Но задолго до этого, в

² Собственно, это назначение, по полномочиям соответствовавшее должности *цзайсяна* (что на русский язык часто переводят как «премьер-министр» или «канцлер»), стало наивысшим достижением для всего рода Лоу, который позднее столь высоко не поднимался и постепенно захирел; его представители не пытались поступить на службу ни в конце существования империи Южная Сун (1127–1279), ни при монгольской Юань (1206–1368). Подробнее о Лоу Юэ см. его официальную биографию в цз. 395 сунской истории. Из собрания сочинений Лоу Юэ

1169 г., еще будучи мелким чиновником, Лоу Юэ по представлению своего дяди по матери Ван Да-ю (汪大猷 1120–1200) оказался включен в состав посольства, следующего ко двору чжурчжэньской империи Цзинь (1115–1234) с поздравлениями по случаю грядущего нового года, в должности *шучжунгуаня* («податель официальных бумаг»). Именно это путешествие и было запечатлено Лоу Юэ в «Бэй син жи лу».

Первоначально дневник «Бэй син жи лу» входил в состав собрания сочинений Лоу Юэ «Гун куй цзи» в объеме двух цзюаней, но уже южносунский библиограф Чэнь Чжэнь-сунь (陳振孫 1183?–1249) в «Чжи чжай шу лу цзе ти» (直齋書錄解題 «Аннотированная библиография книг из кабинета Чжи-чжая») зафиксировал текст «Бэй син жи лу», бытовавший отдельно — и в одной цзюани [Чэнь Чжэнь-сунь, 1987. С. 205]. Более поздние библиографии содержат в основном сведения о тексте в двух цзюанях. До наших дней «Бэй син жи лу» дошли в самом полном виде: 119-я и 120-я цзюани собрания сочинений Лоу Юэ не понесли никакого урона, а бытовавшая отдельно версия дневника им практически идентична. Современные издания «Бэй син жи лу» основываются на списке из «Гун куй цзи», впервые опубликованном в глобальной серии «Сы ку цюань шу» (四庫全書 «Все книги из четырех хранилищ»), или же на отдельном списке дневника из серии «Чжи бу цзу чжай цун шу» (知不足齋叢書 «Книжная серия из Кабинета знающего недостаточно») ³.

Время окончания работы над «Бэй син жи лу» неизвестно; дневнику предшествует краткое сообщение (своеобразное предисловие) о том, как Лоу Юэ был приглашен Ван Да-ю в состав посольства

«Гун куй цзи» (改魏 «Собрание Гун-куя», где Гун-куй — литературный псевдоним Лоу Юэ), некогда насчитывавшего 120 цзюаней, сохранилось 103 цзюани (в поздней реконструкции). До наших дней дошли также четырнадцать цзюаней его стихотворений, погодное жизнеописание северосунского сановника Фань Чжун-яня (范仲淹 989–1052) и некоторые другие тексты.

³ Первое из таких изданий увидело свет в 1995 г. в Цилине (перепечатано в 2017 г. в Пекине), оно подготовлено профессором Цилиньского университета Чжао Юн-чунем (趙永春 р. 1953) и вошло в состав «Фэнши Ляо Цзинь синчэнлу» (奉使遼金行程錄 «Путевые записи посланников в Ляо и Цзинь»); это комментированное издание (комментарии предельно краткие, касающиеся в основном соответствий старых географических названий современным реалиям), см.: [Лоу Юэ, 2017]. Далее последовало издание (без комментариев) в составе трехтомного «Сундай жицзи цунбянь» (宋代日記叢編 «Собрание дневников эпохи Сун»), подготовленного под руководством шанхайского текстолога Гу Хун-и (顧宏義 р. 1959), см.: [Лоу Юэ, 2013], и именно его я использую в настоящей работе. Дневник «Бэй син жи лу» также вошел в шеститомное «Лоу Юэ цзи» (樓鑰集 «Собрание сочинений Лоу Юэ»), увидевшее свет в 2010 г.; данное издание подготовила чжэцзянский специалист по сунской литературе Гу Да-пэн 顧大朋. Подробнее о ксилографических изданиях «Бэй син жи лу» см.: [Ли Гуй, 2016. С. 127–128].

(это сообщение явно было добавлено позднее, — видимо, когда автор приводил путевой дневник в порядок). Первая запись гласит, что в девятый день десятой луны пятого года под девизом правления Цянь-дао (1169) Лоу Юэ получил известие о том, что Ван Да-ю должен возглавить посольство к Цзинь (его заместителем был назначен Цзэн Ди 曾覲, 1109–1180). Лоу Юэ тогда жил в административном центре области Чучжоу (располагалась на территории совр. пров. Чжэцзян), управлять которой был назначен его отец Лоу Цюй (樓璩 ?–1182); в то время Лоу Юэ не был занят по службе, так как ожидал нового назначения, поэтому и отправился в Чучжоу вместе с отцом. Получив письмо от дяди, Лоу Юэ заручился согласием родителей и стал собираться в дорогу.

Записи в «Бэй син жи лу» сильно разнятся по объему — от весьма кратких (十六日戊戌, 晴。[周]仁甫酌別于少微閣, 醉中唱和 «Шестнадцатый день под знаками у-суй, ясно. [Чжоу] Жэнь-фу на прощание выставил вино в павильоне Шаовэйгэ, в опьянении [мы] вторили друг другу стихами») до пространных рассказов и описаний в несколько сотен иероглифов ⁴. Все записи в «Бэй син жи лу», а их 156 (90 в первой цзюани и 66 во второй), датированы — для каждой указаны день, циклические знаки, под которыми этот день проходил, а также погодные условия: 十八日庚子, 晴 «День восемнадцатый под знаками гэн-цзы, ясно»; 二十五日丁未, 微雨 «День двадцать пятый под знаками дин-вэй, небольшой дождь»; 二日癸未, 晴, 風 «День второй под знаками гуй-вэй, ясно, ветрено» и т. д. В случае наступления нового месяца Лоу Юэ делал соответствующее дополнение: 十一月一日癸丑, 晴 «Первый день под знаками гуй-чоу одиннадцатой луны, ясно»; то же касается и наступления нового года: 乾道六年庚寅正月一日壬子, 晴 «Первый день под знаками жэнь-цзы первой луны шестого года под знаками гэн-янь под девизом правления Цянь-дао, ясно». В записях Лоу Юэ часты упоминания мест, где они со спутниками сделали привал, чтобы поесть, или остановились на ночь, с указанием расстояния, которое было преодолено за день. Часто путники останавливались в так называемых *цаогуань* (草館 почтовые станции; эти строения не отличались особыми изысками и, как правило, были весьма убогими) ⁵.

День двадцать второй под знаками цзя-чэнь, ночью выпал иней, с утра было пасмурно, потом развиднелось. Преодолели двадцать семь *ли*, поели в Чжуине. Пройдя еще тридцать с лишним *ли*, достиг-

⁴ Как это было принято в старом Китае, Лоу Юэ провозжили родственники и друзья. Среди них были его братья Лоу Си (樓錫 XII в.) и Лоу Чунь (樓淳 XII в.), а также близкий приятель Лоу Юэ поэт Ли Ци-чжи (李器之 XII в.). Они проводили Лоу Юэ до буддийского храма Шоунинсы (там Чжоу Жэнь-фу уже не было), где состоялась прощальная трапеза.

⁵ О *цаогуань* и некоторых других особенностях лексики «Бэй син жи лу» см.: [Льюй Лин-ди, 2019].

ли Лунку. А через пять *ли* пути заночевали в Шаншутане [Лоу Юэ, 2013. С. 1184]⁶.

Также в «Бэй син жи лу» подробно указаны названия всех населенных пунктов и прочие географические названия (всего в дневнике упомянуто 269 названий), что позволяет точно отследить маршрут путешествия⁷.

На пути из Чучжоу в Линьань (совр. г. Ханчжоу, Чжэцзян), столицу империи Южная Сун, откуда посольство должно было отправиться в Цзинь, Лоу Юэ живо интересовался местными достопримечательностями (основную часть пути он проделал пешком), кропотливо занося в дневник подробности увиденного⁸.

Дорога обогнула гору, и глазам открылся одинокий горный кряж. Вокруг него теснились высокие сосны, которые оттенял чистый ручей. Там вдали, в зарослях, высился огромный валун, как будто снегом покрытый. Мы приблизились, стали его рассматривать. Повстречали мальчишку — даосского послушника. Поинтересовались, как зовется валун, и он отвечал, что выше в горах есть пещера под названием Вангуй — Забвение о возвращении. С рассветом мы вернулись туда и поднялись в гору. Пещера могла вместить несколько десятков человек, стены ее были столь ровны и изящны, что, казалось, их обработали рубилом. Сбоку нашлась еще одна пещера, маленькая, и рядом с ней камень вытянулся, ровно терраса. Тихо пел ветер в соснах, шумел на перекате ручей — там и вправду можно было позабыть о возвращении домой! [Лоу Юэ, 2013. С. 1182–1183].

На десятый день Лоу Юэ достиг столицы и одиннадцать дней провел в доме дяди, встречаясь с раз-

личными чиновниками и постигая основы посольского этикета (習儀 «упражнялся в благоприличных манерах» и 講禮 «обучался церемониалу»).

Далее путешествие было продолжено водным путем — на лодках по Великому каналу⁹. Относящиеся к этим дням записи короче, это в основном заметки об общении с членами посольства, короткие описания увиденного на пути, отметки о движении по маршруту (последние представляют особую ценность, поскольку позволяют взглянуть на транспортное сообщение по Великому каналу в южносунское время).

День двадцатый под знаками *жэнь-шэнь*, ясно. Прошли тридцать *ли*, минули Цзешоу. Через двадцать пять *ли* миновали Фаньшуй и через тридцать пять *ли* достигли Баоина. Ночью поднялся ветер с дождем. Через тридцать *ли* минули Хуанпу, еще через двадцать — мост Пинкэцяо [Лоу Юэ, 2013. С. 1188]¹⁰.

Остановки в пути путники использовали для осмотра местных достопримечательностей.

С цзиньской стороны посольство встречали *цзебаньши* (церемониймейстер по приему послов) Танко Ань-дэ (唐括安德, видимо, маньчжур из клана Танггу) и *гуаньбаньши* (квартирмейстер) Гао Дэ-юй 高德裕 (в тексте подробно перечислены все их чины и титулы). Главе посольства Ван Да-ю и его помощнику Цзэн Ди были вручены особые бирки, подтверждающие их официальный статус.

Спустя четыре дня посольство переправилось через реку Хуайхэ и вступило на территорию Цзинь¹¹. До столицы империи добирались в основном на телегах и верхом. В этой части дневника записи Лоу Юэ становятся подробнее.

...Через несколько *ли* достигли пересохшего русла Бяньшуй. Редкие дома тех, кто жил здесь, все сожжены или разрушены. Я слышал, что по новому закону северян крестьянам, что проживали у дороги, было велено переселиться так, чтобы жить всем вместе, отвечая друг за друга, — из-за боязни, что они станут укрывать злобных разбойников. Жилища

⁶ *Ли* — традиционная мера длины, при Сун — чуть меньше 450 м.

⁷ Маршрут можно условно разбить на двенадцать частей: из Чучжоу в Дунъян (совр. уезд Дунъянсянь, Чжэцзян), из Дунъяна в Сючжоу (совр. Цзясин, недалеко от г. Шанхай), из Сючжоу в Янчжоу (в совр. Цзянсу), из Янчжоу в Хуайинь (в районе совр. г. Хуайань, Цзянсу), из Хуайини в Циньян (совр. уезд Циньянсянь, Аньхой), из Циньяна в Юнчэн (в совр. Хэнани), из Юнчэна в Чэньлю (неподалеку от совр. г. Кайфэн, Хэнань), из Чэньлю в Хуачжоу (север совр. Хэнани), из Хуачжоу в Линьмин (юг. совр. Хэбэй), из Линьмина в Чжэньдинфу (совр. г. Шицзячжуан, Хэбэй), из Чжэньдинфу на границу, а оттуда в Дасинфу (цзиньская область, где располагалась Чжунду — столица империи Цзинь; район совр. Пекина). В оба конца посольство преодолело более 7700 *ли*.

⁸ В Линьане Лоу Юэ нанес визит своему давнему знакомому Фань Чэн-да (范成大 1126–1193), служившему в тогдашней столице; тот также ездил с посольством в Цзинь и составил собственный путевой дневник (см. об этом: [Алимов, 2021. С. 97–99]). Однако в этот раз встретиться им было не суждено: Лоу Юэ увиделся с Фань Чэн-да, лишь вернувшись из Цзинь на родину, и «удостоился очень теплого приема». О взаимоотношениях этих двух авторов см.: [Лю Вэй, 2020].

⁹ Строительство судоходного Великого канала было начато в 486 г., это искусственное гидросооружение соединяло столицу Южной Сун Линьань и цзиньскую столицу Чжунду (совр. Пекин), но в южносунское время воспользоваться им можно было только от Чжэньцзяна (в совр. пров. Цзянсу) до районов, приграничных с империей Цзинь, оккупировавшей север тогдашнего Китая.

¹⁰ Цзешоу — городок, располагавшийся к северу от совр. г. Гаюю, пров. Цзянсу. Фаньшуй — городок на юго-востоке совр. уезда Баоинсянь, пров. Цзянсу (ныне называется Сышуйчжэнь). Баоин — административный уездный центр, в сунское время относившийся к обл. Чучжоу, пров. Цзянсу.

¹¹ Перевод на английский язык части «Бэй син жи лу», касающейся пребывания непосредственно в Цзинь, см. в ст.: [West, 2009. P. 217–248].

же тех, кто ослушался, сожгли [Лоу Юэ, 2013. С. 1190].

По свидетельству тамошних жителей, система управления на местах была полностью и без особых изменений позаимствована у китайцев — изменилась лишь форма чиновничьей одежды. Когда посольство прибыло в Кайфэн, выяснилось, что китайские чиновники оказались почти полностью замещены цзиньскими. Однако местные жители продолжали относиться к подданным Южной Сун с большой теплотой.

Возница — он сказал, что его фамилия Чжао 趙, — рассказывал:

— Раньше здесь нечасто встречали посланцев с юга, зато в последние годы их прибывает изрядно. Мои односельчане к вам, южанам, всем сердцем: если видели, что кого-то из вас преследуют, укрывали в своих домах. Если солдаты такого [беглеца] найдут, жилище обязательно порушат, но о том мы не печалились [Лоу Юэ, 2013. С. 1192].

По мере продвижения на север менялся и характер народонаселения: стали преобладать чжурчжэни и тангуты, да и местные китайцы зачастую перенимали обычаи северян.

...Облик людей тоже на хэбэйский не похож: мужчины во множестве бреют головы, оставляя косичку на макушке, а женщины связывают волосы в пучки. Как сказал возница, «пересечешь Байгоу — и кругом уже северяне» [Лоу Юэ, 2013. С. 1203]¹².

На подъезде к цзиньской столице к посольству пожаловали посланцы цзиньского императора Ши-цзуна (на троне 1186–1189) справиться, сколь благополучно прошло путешествие, и вручили дары. Прибыв в Чжунду, Лоу Юэ и другие остановились на специальном постоялом дворе за городской стеной, а на другой день проследовали в город. Им вместе с послами тангутского царства Си Ся (1038–1227) и корейского Гаоли (Корё, 918–1392) была дана высочайшая аудиенция. Побывали послы во дворце и в день Нового года, поздравить с которым, собственно, и отправлялись к цзиньскому Ши-цзуну. Лоу Юэ подробно описывает путь, которым посольство направлялось в императорский дворец, тщательно перечисляя все ворота (их названия), через которые шел путь, и прочие значимые сооружения; это, а равно описание приемов у Ши-цзуна, — самые объемные фрагменты дневника. Дальше послов ожидала череда званных дворцовых пиров. Наконец на шестой день первой луны 1170 г. посольство двинулось в обратный путь, увозя ответные дары и письмо к сунскому императору.

«Бэй син жи лу» считается одним из четырех самых важных сунских посольских дневников, донесшим до нас сведения об империи Цзинь [West, 2009.

Р. 189]¹³, что полностью соответствует действительности. В дневнике Лоу Юэ заключено множество разнообразной информации как историко-политического, так и этнографического, страноведческого характера, собранной весьма тщательно, ведь ведение дневника посольства было делом обязательным — по возвращении на родину такие дневники представлялись двору, где рассчитывали почерпнуть из них как можно больше сведений о стране, куда посольство было направлено.

К примеру, в «Бэй син жи лу» подробно описаны приемы, устраиваемые по случаю приезда послов, последовательность действий цзиньской стороны при встрече послов, связанные с этим особенности церемониала и дипломатического протокола у обеих сторон. В тексте Лоу Юэ неоднократно упоминаются специальные занятия по усвоению принятого в Цзинь дипломатического этикета, которые проводились до отбытия посольства: в подобных «обучениях церемониалу» участвовал не только Лоу Юэ, для которого эта миссия была первой, но и другие чиновники, включая Ван Да-ю. Данные занятия проводили сведущие в вопросе люди, в ходе их устраивались репетиции, на которых занимающиеся, облаченные в официальное платье, имитировали различные посольские церемониалы. Не менее подробно Лоу Юэ описал и официальные пиры в Цзинь: порядок вхождения в зал, количество поклонов, рассадку гостей, приветствия и тому подобное, а также подаваемые на пиру яства — это настоящая этнография питания!

Сначала внесли чаши с хашем из мелко нарубленного мяса, затем жаренные в масле мясные лепешки, а после чайные закуски — сорок маленьких чашек на большой тарелке. Приготовлено все было значительно лучше, нежели повседневная еда. Отдельно подали сладкую кашу из кедровых орешков, рисовую кашу, паровое печенье, восковую желтую мушмулу, баранью строганину, лепешки и тому подобное, всего и не счесть! Затем последовала большая перемена чайных закусок — сначала вынесли две тарелки крупных фиников и соленых фруктов, а также «мясную гору» с лепешками. Затем подали пять блюд свежей и соленой рыбы — и еще несколько десятков блюд, несли и несли непрерывно, всё потчuya и потчuya гостей разнообразием. Два раза подавали рис и похлебку из потрохов, три раза — лепешки из кукурузной муки, пять раз — рыбу. Почему так, я не понял, — видимо, подобное в местных обычаях [Лоу Юэ, 2013. С. 1194–1195]¹⁴.

¹³ Другие три — «Бэй юань лу» (北轅錄 «Записи из временной резиденции на Севере») Чжоу Хуэя (周煇 1126–?), «Ши цзинь лу» (使金錄 «Записи о посольстве к Цзинь») Чэн Чжо (程卓 1153–1223) и «Лань пэй лу» (攬轡錄 «Записи с поводьями в руках») Фань Чэн-да.

¹⁴ «Бэй син жи лу» — один из двух южносунских посольских дневников, где дается столь подробное описание блюд, подаваемых северянами на подобных приемах. Другой — «Бэй юань лу» (北轅錄 «Записи из временной резиденции на севере») Чжоу Хуэя (周煇 1126–?), написанный в 1177 г.

¹² Байгоу — т. е. р. Байгоухэ, пограничная с Цзинь.

Описания разнообразных пиршественных блюд привлекают безусловное внимание. Так, в дневнике сказано о блюде, представлявшем украшенную диким луком, жужубами и каштанами «гору мяса», в центре которой помещалась баранья голова. Вряд ли будет преувеличением сказать, что южносунских послов в Цзинь принимали с поистине царской роскошью и большим размахом¹⁵. Сказано у Лоу Юэ и о том, какая музыка и на каких музыкальных инструментах (гусли *чжэн* 箏, губной органчик *шэн* 笙, медные пластины *фансян* 方响) исполнялась во время пира; сопровождало пир и театральное представление.

Отдельно стоит упомянуть те записи из «Бэй син жи лу», где зафиксированы приметы войны между Сун и Цзинь. Хотя путешествие Лоу Юэ проходило спустя шесть лет после заключения мирного договора, но отзвуки былых сражений всё ещё не утихали, их последствия часто встречались ему, будь то развалины разных строений, в том числе храмов, или же рассказы местных жителей, китайцев, о былом.

— Раньше в столице был двадцать один тысяцкий, у каждого три-четыре сотни человек — всего восемь тысяч воинов... А вот был тысяцкий Чжан, так после разных сражений от его людей осталось едва несколько десятков человек. И вот теперь их исключили из списков военных, сделали простыми крестьянами [Лоу Юэ, 2013. С. 1195–1196].

— Чтобы на ослике ездить, нужно за него аж четыре, а то и десять тысяч отдать! А лошади — ну страшно дорогие... Раньше-то в каждом доме были кони, а когда Ян-ван¹⁶ затеял покарать юг, то всех коней забрал подчистую — несметное количество! Потом всё постепенно начало налаживаться, как вдруг — новая беда! Люди вроде меня такую цену заплатить не могут... [Лоу Юэ, 2013. С. 1213].

Безусловно интересны записи Лоу Юэ, касающиеся населенных пунктов, через которые он проезжал. В первую очередь это касается городов: весьма подробные сведения о них и о городской жизни представляют значительную историческую ценность. Въехав в бывшую китайскую столицу Бяньцзин (совр. Кайфэн), переименованную чжурчжэнями в Наньцзин,

¹⁵ Среди прочих высших государственных приемов в «Бэй син жи лу» описан и *шоу цы шэ гун янь* (受賜射弓宴 «пир с пожалованиями за стрельбу из луков»), где присутствующие соревновались в меткости, а император одаривал отличившихся вином (см.: [Лоу Юэ, 2013. С. 1210–1211]. Данную запись можно считать уникальной, поскольку иными сведениями о подобном увеселении при цзиньском дворе мы не располагаем.

¹⁶ Ян-ван — суйский монарх Ян-ди (на троне 604–618); трижды предпринимал военные походы против Когурё, для которых мобилизовал множество солдат и, соответственно, лошадей. То же делали и цзиньские власти, готовясь к вторжению на земли Сун. Даже после шести лет мира, как можно видеть, дефицит лошадей был очень острым, а цена на них непомерно высокой.

Лоу Юэ отметил, что «крепостные стены и башни внушительны и величавы, наблюдательные вышки и городской ров в полном порядке, вдоль рва высажены ивы — ровненько, словно по натянутой тетиве», а вот за пределами городской стены строения пребывают в крайнем небрежении, да и в самом городе наличествуют явные признаки упадка; построенный в начале правления Сун даосский скит Шанцингун превратился в развалины, было много и иных разрушений [Лоу Юэ, 2013. С. 1192–1193]. Многое в Кайфэне оказалось перестроено, а все городские ворота были массово переименованы (Лоу Юэ скрупулезно всё это перечисляет). Бывшее служилое сословие, обитавшее в столице, пребывает в жесточайшем упадке невостремленности и забвения.

Те из жителей захваченных земель, кто застал мирные времена, многое могут порассказать о том, как было встарь. А те, кто родился позже, наслушались рассказов родителей. Один передал нам слова отца: «Я-то что, а твоё поколение обязательно увидит время радости. Не может быть, чтобы это длилось ещё тридцать-сорок лет, а вы так и не сподобились бы увидеть лучшее!» <...> Еще говорят: «Служилые роды былых времен полностью преданы забвению, их заслуги совершенно забыты, они бегают по мелким поручениям, и зовут их *сяньлягуань* (閑糧官 «чиновники, свободные от содержания») — никакого оклада у них больше нет, мечтают они, чтобы дети их стали торговцами или ремесленниками, чтобы мочь обеспечить себя». Некий человек, бывший ранее чиновником, сказал: «В месяц сейчас дают два *доу* зерна да две короткие связки монет, а ежедневных обязанностей в два раза больше — справиться невозможно!» — и заговорил о том, как было прежде, залившись горячими слезами и не будучи в силах их унять [Лоу Юэ, 2013. С. 1193]¹⁷.

Не менее подробно Лоу Юэ описал и цзиньскую столицу Чжунду. Шаг за шагом он фиксировал путь, которым посольство в нее въехало, записывал названия ворот и прочих сооружений, которые довелось увидеть, давал подробнейшее описание императорского дворца — роскошного сооружения, «подобных которому в древности не было». Это одно из самых ранних сунских свидетельств о Чжунду.

¹⁷ В старом Китае жалование чиновникам выдавали как зерном, так и деньгами. *Доу* — традиционная мера емкости для жидких и сыпучих тел, при Сун — 6,6 л. Короткая связка. — В старом Китае монеты нанизывали на шелковый шнур (для чего в середине монеты было предусмотрено квадратное отверстие) — при Сун обычно по тысяче монет; связка монет выступала в качестве своеобразной единицы денежного обращения; в разные исторические эпохи, однако, количество монет могло быть сокращено — отсюда и короткая связка. Подробнее о захваченной сунской столице Бяньцзине по материалам четырех путевых посольских дневников (в том числе и «Бэй син жи лу») см.: [Levine, 2013].

Вдоль дороги крестьянских домов нет. Земляная насыпь за городским рвом высока и мощна, на узкой полосе земли перед стеной высажены ивы — как по линейке. Примерно через пять ли, миновав врата Дуаньлимэнь, мы оказались перед Наньмэнь, Южными вратами. Городской ров мы проехали по большому каменному мосту и попали в первую башню. В ней семь безмянных помещений, по бокам две беседки. Слева и справа — две выкрашенные зеленым стены, очень высокие, в них друг напротив друга шесть ворот... Дальше мы въехали во врата Фэнгьимэнь, башня при вратах имеет девять помещений — всё очень величественное и красивое. В ней трое ворот, мы проехали через восточные. Пересекли мост Лунцзиньцяо, за мостом каменные балюстрады образуют три дороги, по средней двигаться запрещается, тут ездит только великий правитель... [Лоу Юэ, 2013. С. 1204–1205].

«Бэй син жи лу» — ценный памятник, не только содержащий сведения об экономических и социальных условиях захваченных китайских земель, но и отражающий дух той непростой эпохи. В дневнике отчетливо звучат легкие ностальгические нотки, ведь посольство проезжало через исконно китайские земли, минуя по пути хорошо известные историче-

ские места¹⁸. В то же время данный дневник — довольно беспристрастное свидетельство о том, что видел и слышал Лоу Юэ во время своего путешествия, «objective-descriptive», по выражению J. Hargett'a (p. 1048) [Hargett, 1985. P. 80]. Лоу Юэ практически не дает личных комментариев к записанным фактам, он, как бы мы выразились сейчас, весьма политкорректен: согласно наблюдениям S. West'a (p. 1944), Лоу Юэ в отношении захватчиков — чжурчжэней ни разу не употребил слово *люй* (虜 «презренные негодяи»), часто звучащее в других посольских дневниках, он нейтрально называет их *цзинь жэнь* (金人 «цзиньцы») или *бэй жэнь* (北人 «северяне») [West, 2009. P. 194].

Тщательная объективность и дотошность Лоу Юэ делает материалы «Бэй син жи лу» во многом уникальными: ряд записей отсюда позволяют прояснить темные места в цзиньской официальной истории, а то и дополнить ее, предъявляя исследователю действительность без прикрас, — так, как ее непредвзято увидел автор дневника; сведения же о цзиньском обществе (одежде, питании, социальной организации и многом другом) выводят «Бэй син жи лу» в ряд первостепенных источников для изучения чжурчжэньской империи¹⁹.

Использованная литература

Алимов, 2021: Алимов И. А. Бюрократия в движении: китайские путевые дневники X–XIII вв. (I) // *Mongolica*. 2021. Т. XXIV. № 3. С. 93–101.

Alimov I. A. Byurokratija v dvizhenii: kitajskie putevje dnevniki X–XIII vv.) [Bureaucracy in Motion: Chinese Travel Diaries of the X–XIII centuries (I) // *Mongolica*. 2021. Vol. XXIV. No. 3. P. 93–101].

Головнёв, 2020: Головнёв А. В., Белоруссова С. Ю., Киссер Т. С. Очерки антропологии движения. СПб.: МАЭ РАН, 2020

Golovnev A. V., Belorussova S. Yu., Kisser T. S. Oчерки antropologii dvizhenija [Essays on the Anthropology of Movement. St. Petersburg: MAE RAN, 2020].

Hargett, 1985: Hargett J. M. Some Preliminary Remarks on the Travel Records of the Song Dynasty (960–1279) // *Chinese Literature: Essays, Articles, Reviews*. 1985. Vol. 7. № 1/2.

Hargett, 2018: Hargett J. M. *Jade Mountains and Cinnabar Pools: The History of Travel Literature in Imperial China*. Washington: University of Washington Press, 2018.

Lewine, 2013: Lewine A. D. Welcome to the Occupation: Collective Memory, Displaced Nostalgia, and Dislocated Knowledge in Southern Song Ambassadors' Travel Records of Jin-dynasty Kaifeng // *T'oung Pao*. № 99 (2013). P. 379–444.

West, 2009: West S. H. Discarded Treasure: The Wondrous Rocks of Lingbi // *Space and Cultural Fields: The Cultural Integration of Mobility*. Taipei: Center for Chinese Studies, 2009.

Walton, 2002: Walton L. «Diary of a Journey to the North»: Lou Yue's «Beixing rilu» // *Journal of Song-Yuan Studies*. № 32 (2002). P. 1–38.

Zhang, 2011: Zhang C. T. *Transformative Journeys: Travel and Culture in Song China*. Honolulu: University of Hawai'i Press, 2011.

Ван Сяо-фэн, 2017: Ван Сяо-фэн. И «Бэй син жи лу» вэй хэсинь фэньси Лоу Юэ ши Цзинь вэньсянь (王曉峰。以《北行日錄》為核心分析樓鑰使金文獻) Анализ трудов Лоу Юэ о посольстве в Цзинь на примере «Ежедневных записей о поездке на север» // Вэньсюэ цзяоюй (Литературное образование). 2017. № 7. С. 29–31 (*Wang Xiao-feng. Yi «Bei xing ri lu» wei hexin fenxi Lou Yue shi Jin wenxian* [Analysis of the Low Yue works about the embassy in Jin on the example of «Daily records about a trip to the North»] // *Wenxue jiaoyu* [Literary education]. 2017. № 7. P. 29–31).

Ли Гуй, 2016: Ли Гуй. Лоу Юэ «Бэй син жи лу» дэ вэньти, кунцзянь юй ции (李貴。樓鑰《北行日錄》的文體，空間與記憶) Стиль, пространство и память в «Еже-

¹⁸ Тосковал Лоу Юэ и по дому: в дневнике упомянуты одиннадцать писем, которые он отправил родным с дороги. Заканчивается его дневник словами: «И я скорее поспешил домой поклониться родителям у родного очага. Все в доме было в добром здравии — я услышал их голоса и ужасно обрадовался» [Лоу Юэ, 2013. С. 1220].

¹⁹ Подробнее о «Бэй син жи лу» см.: [Ван Сяо-фэн, 2017; Ли Гуй, 2016; Walton, 2002; West, 2009].

дневных записях о поездке на север» Лоу Юэ) // Вэньсюэ ичань (Литературное наследие). 2016. № 4. С. 126–134 (*Li Gui. Lou Yue «Bei xing ri lu» de wenti, kongjian yu jiyi* [Style, space and memory in «Daily records about a trip to the North»] // *Wenxue yichan* [Literary Heritage]. 2016. № 4. P. 126–134).

Лю Вэй, 2020: *Лю Вэй. Фань Чэн-да юй Лоу Юэ цзяоу каолунь* (劉蔚. 范成大與樓鑰交遊考論 Разыскание о дружеских отношениях Фань Чэн-да и Лоу Юэ) // Чжуншань дасюэ сюэбао (Вестник Университета им. Сунь Ят-сена). 2020. № 6. С. 24–31 (*Liu Wei. Fan Cheng-da yu Lou Yue jiaoyou kaolun* [Study on friendly relations between Fan Cheng-da and Lou Yue] // *Zhongshan daxue xuebao* [Bulletin of Sun Yat-sen University]. 2020. № 6. P. 24–31).

Люй Лин-ди, 2019: *Люй Лин-ди. Лоу Юэ «Бэй син жи лу» цыюй лиши* (呂玲娣. 樓鑰《北行日錄》詞語例釋 Лексика «Ежедневных записей о поездке на север» Лоу Юэ. Комментарии с примерами) // Нанькай юйянь сюэкань (Лингвистический ежемесячник Нанькайского университета). 2019. № 1. С. 61–66 (*Liu Ling-di. Lou Yue «Bei xing ri lu» ciyu lishi* [Vocabulary of «Daily records about a trip to the North». Comments with examples] // *Nankai yuyan xuekan* [Linguistic Monthly of Nankai University]. 2019. № 1. C. 61–66).

Чоу Гун-у, 1990: *Чоу Гун-у. Цзюнь чжай ду шу чжи цзяочжэн* / Сунь Мэн цзяодэн (晁公武. 郡齋讀書志校證 / 孫猛校證 Заметки о чтении книг в кабинете начальника округа / Критический текст Сунь Мэна). Шанхай: Шанхай гуцзи чубаньшэ, 1990 (*Chao Gong-wu. Jun zhai du shu zhi*

jiaozheng [Notes on reading books in district chief's office] / *Sun Meng jiaodeng* [Ed. by Sun Meng]. Shanghai: Shanghai guji chubanshe, 1990).

Чэнь Чжэнь-сунь, 1987: *Чэнь Чжэнь-сунь. Чжи чжай шу лу цзе ти* / Сюй Сяо-мань, Гу Мэй-хуа дяньцзяо (陳振孫. 直齋書錄解題 / 徐小蠻, 顧美華點校 Аннотированный текст Сюй Сяо-маня и Гу Мэй-хуа). Шанхай: Гуцзи чубаньшэ, 1987 (*Chen Zhen-sun. Zhi zhai shu lu jie ti* [Annotated Bibliography on Books from Zhi-zhai Office] / *Xu Xiaoman, Gu Mei-hua dianjiao* 徐小蠻, 顧美華點校 [Ed. by Xu Xiaoman and Gu Mei-hua]. Shanghai: Shanghai guji chubanshe, 1987).

Лоу Юэ, 1995: *Лоу Юэ. Бэй син жи лу* // Фэнши Ляо Цзинь синчэнлу (樓鑰. 北行日錄 // 奉使遼金行程錄 Ежедневные записи о поездке на север // Путевые записи посланников в Ляо и Цзинь). Цилинь: Цилинь вэньши чубаньшэ, 1995. С. 243–275 (*Lou Yue. Bei xing ri lu* [Daily records about a trip to the North] // *Fengshi Liao Jin xingchenglu* [Travel records of ambassadors to Liao and Jin]. Jilin: Jilin wenshi chubanshe, 1995. P. 243–275).

Лоу Юэ, 2013: *Лоу Юэ. Бэй син жи лу* // Сундай жицзи цунбянь (樓鑰. 北行日錄 // 宋代日記叢編 Ежедневные записи о поездке на север // Собрание дневников эпохи Сун). Шанхай: Шанхай шудянь чубаньшэ, 2013. Т. 3. С. 1181–1220 (*Lou Yue. Bei xing ri lu* [Daily records about a trip to the North] // *Songdai riji congbian* [Song Era Diary Collection]. Shanghai: Shanghai shudian chubanshe, 2013. Vol. 3. P. 1181–1220).

BUREAUCRACY IN MOTION: CHINESE TRAVEL DIARIES OF THE 10th–13th CENTURIES (II)

Igor A. ALIMOV

Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (the Kunstkamera)
of the Russian Academy of Sciences

The article continues the topic of studying traveling diaries of Chinese officials of the 10th–13th centuries and talks about «Bei xing ri lu», a diary that Lou Yue led, being a member of the embassy to Jin in 1169–1170. This is one of the four most significant diaries of this kind, the storeroom of a variety of unique information about the Jurchen state, its intensities and customs, state and territorial dispensation and the features of diplomatic etiquette between Sun and Jin.

Key words: China of X–XIII centuries, the Song Era, travel diaries, traditional Chinese officials, Jin, Lou Yue.

About the author:

Igor A. ALIMOV, D. Sc. (History), Head of Department of East and Southeast Asia, Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography RAS (5, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russia), ORCID 0000-0002-3235-8459 (Igor.Alimov@kunstkamera.ru).

Ю. А. ИОАННЕСЯН

Институт восточных рукописей Российской академии наук

**ПРОПОВЕДИ САЙИДА КАЗИМА РАШТИ
В МЕСЯЦ РАМАДАН 1257 г. х.:
К ВОПРОСУ О «ПРОРОЧЕСКИХ/РЕЛИГИОЗНЫХ ЦИКЛАХ»
В УЧЕНИИ ШЕЙХИТОВ**

В статье рассматривается шейхитское¹, альтернативное господствующему в исламе воззрению на Пророка Мухаммада как на последнего носителя религиозного откровения в истории человечества. Учение, перебрасывающее «мостик» от откровения Мухаммада к последующим откровениям, изложено в трудах одного из родоначальников шейхизма — Сайида Казима Рашти, лекции которого послужили основой для данной статьи. В ней также выявляются особенности этого шейхитского подхода к теме в контексте шиитского ислама.

Ключевые слова: шиизм, шейхизм, «Печать пророчества».

Об авторе: ИОАННЕСЯН Юлий Аркадьевич — кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт восточных рукописей РАН (Россия, 191186, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18), ORCID 0000-0003-2936-1128 (youli19@gmail.com).

© ИВР РАН, 2022

© Ю. А. Иоаннесян, 2022

Великий шиитский мыслитель XIV в. Сайид² Хайдар Амули, раскрывая в своем труде *Джами' ал-асрар ва манба' ал-анвар* тему «великих пророков» как носителей собственного религиозного закона (الشريعة) в истории человечества, указывает на шестерых таких пророков: «Знай... что, хотя бы и было сто тысяч пророков и двадцать четыре тысячи пророков, и также распорядителей их духовных завещаний, но религиозный закон ограничивался шестью великими пророками»³ [Amoli, 1969. С. 239]. Амули говорит здесь об авраамических религиях. «Затем знай, продолжает свою мысль этот автор, что обладателей/носителей закона от Адама до Мухаммада... было шестеро; каждый из них приходил с одним законом на определенное время» [Amoli, 1969. С. 240]. Первый закон, указывает Амули, — открывающий (فاتحة), последний — запечатывающий (خاتمة), а что касается тех, что между ними, то у них последую-

щий закон отменяет предшествующий, так что запечатывающий закон возвращается к открывающему [Там же].

Амули перечисляет поименно этих шестерых пророков, обладателей/носителей религиозного закона: Адам, Нух/Ной, Ибрахим/Авраам, Муса/Моисей, Иса/Иисус и Мухаммад. У каждого из них, указывает этот автор, есть связанные с ним двенадцать распорядителей его духовного завещания в близкие и отдаленные времена, они хранят его слово и поддерживают его закон. Распорядитель завещания, поясняет Амули, это — доказательство Божье для творений/людей после данного пророка. Он есть «имам изрекающий», т. е. публично провозглашающий религиозные истины⁴ при символическо-аллегорическом толковании Книги и «безмолвный»⁵ блюститель закона. Распорядитель устанавливает границы и пределы и «успокаивает притеснителя, удерживая его от угнетения угнетаемого» [Amoli, 1969. С. 240–241].

Открывает последовательную череду религиозных законов (الشريعة الفاتحة), поясняет Амули, закон Адама, второй — закон Нуха/Ноа, третий — Ибра-

¹ Шейхизм — возникшая в конце XVIII в. школа в шиизме, родоначальниками которой явились Шайх Ахмад Ахса'и и его преемник Сайид Казим Рашти.

² Здесь и ниже «Сайид» как составную часть имени мы прописываем с прописной буквы и без удвоения «й».

³ Здесь и далее перевод с арабского наш.

⁴ Ср.: Прозоров, 2004. С. 298.

⁵ Ср.: Там же. С. 343.

хима/Авраама, четвертый — Мусы/Моисея, пятый — 'Исы/Иисуса, шестой — Мухаммада. Автор приводит имена двенадцати распорядителей духовного заветования каждого из этих шести пророков. Таковыми у Мухаммада выступают двенадцать имамов, признанных у шиитов-двунадесятников, цепь которых замыкает *ал-Махди ал-Ка'им*. Всего же у шести пророков семьдесят два распорядителя [Amoli, 1969. С. 241–242].

После шестого закона, т. е. закона Мухаммада, утверждает Амули, прекратилось религиозное откровение (*الوحي*), т. е. ниспослание пророков с религиозным законом: «дверь религиозного откровения хотя и затворилась, а дверь озарения (*الهام*) открыта, и озаряет их (т. е. имамов) Бог, Всевышний, в том, что целесообразно в делах религии и закона» [Там же. С. 254].

От шиизма имамитов-двунадесятников перейдем к исмаилизму. Как отмечает С. М. Прозоров, религиозная история человечества, по исмаилитскому учению, подразделяется на циклы, или эры. Великий цикл — от Адама до *ал-Ка'има* — состоит из семи малых циклов — периодов между пророческими посланиями. А каждый пророческий цикл определяется семью имамами. «Владыкой» каждого малого цикла выступает пророк (*ан-натик*), носитель откровения. Его функция заключается в сообщении людям «явного» из божественных истин. Он утверждает новый религиозный закон (*аш-шари'а*) и отменяет прежний. Преемником *ан-натика* в каждом цикле является *ас-самит* или *ал-асас*, обладающий исключительным правом толкования религиозного закона [Прозоров, 2004. С. 320–321].

Пророками первых шести циклов в исмаилизме выступают последовательно те же, что были перечислены Амули: Адам, Нух/Ной, Ибрахим/Авраам, Муса/Моисей, 'Иса/Иисус и Мухаммад. Особо отметим, что, согласно этому учению, седьмой имам в каждом предшествующем пророческом цикле поднимается в ранге и становится *ан-натиком* (пророком) следующего цикла. Так, в цикле Пророка Мухаммада его *ал-асасом* был 'Али, а седьмым имамом — Мухаммад б. Исма'ил. Он же явится в качестве *ал-Ка'има* и станет *ан-натиком* седьмого пророческого цикла. Его миссию исмаилиты видят в отмене «внешнего» аспекта (*аз-захир*) религиозного закона ислама и в полном раскрытии внутреннего содержания (*ал-батин*) божественной истины [Там же]. Следует подчеркнуть, что если для шиитов-двунадесятников, включая шейхитов, в качестве *Ка'има/ал-Ка'има* явится двенадцатый имам, который до той поры есть «Скрытый имам» (он же *Махди/ал-Махди*), то для исмаилитов, как явствует из сказанного выше, в этой роли выступает признаваемый ими «седьмым имамом» Мухаммад б. Исма'ил [Прозоров, 2004. С. 321].

Хотя, по исмаилитским представлениям, в функцию *ал-Ка'има* и входит «отмена внешнего аспекта

религиозного закона» при его появлении в этом мире, ясных указаний на то, что он принесет с собой новый закон и новую Книгу, в исмаилитских источниках в целом нет. Упоминание об этом отсутствует и в «Historical Dictionary of the Ismailis» [Daftary, 2012]. Исключение составляют карматы, которые проповедовали, что «*ал-Ка'им* явится с новым *шари'атом*» и провозгласит «новый Коран» [Прозоров, 2004. С. 325]. Тем не менее необходимо отметить, что *Ка'им/ал-Ка'им* ставится исмаилитами в один ряд с шестью «великими пророками» — носителями религиозного закона, а сама духовная история человечества состоит, по их учению, не из шести последовательных этапов или эр, как, например, у Амули, а из семи.

В своих работах по шейхизму и сопряженной тематике мы подробно останавливались на шейхитском учении о «религиозных циклах» или «двух циклах божественных откровений» в духовной истории человечества, изложенном в пространном труде Сайида Казима Рашти (далее: Сайид Казим) *Шарх касида ламийа 'Абд ал-Баки Афанди* (краткие варианты названия: *Шарх касида* и *Шарх-и касида*), который мы представим здесь кратко. Хотя указанное сочинение и озаглавлено как «Комментарий на касиду 'Абд ал-Баки Афанди», оно содержит подробное изложение шейхитских доктрин, включая учение «о двух циклах», согласно этому учению с завершением «пророческого цикла Мухаммада» (первого цикла) наступает/наступила «новая эра» (второй/второй цикл божественных откровений после Мухаммада)⁶.

Это учение о двух циклах основано на представлении о том, что у Пророка Мухаммада два имени — Мухаммад, под которым он проявился и известен в мире внешнего, и Ахмад. Последнее есть его мистическое имя, под которым он до сих пор был известен только в незримых мирах. Опираясь на это положение о двух именах, Сайид Казим в указанном Комментарий делает вывод о конечности «цикла Мухаммада» (первого цикла), которому он определяет срок двенадцать столетий. Эта эпоха в религиозной истории человечества была необходима для возвращения созданий применительно к внешним аспектам их развития и жизни, т. е. он преимущественно был нацелен на физические реалии. Второй же цикл, в котором реализуется имя Ахмад, до сих пор неизвестное в мирах зримых, обращен ко всему внутреннему, глубинному и духовному. В наших предшествующих работах уже приводились доводы в пользу того, что «Ахмад» в данном контексте никак не связан с именем основателя шейхизма — Шайха Ахмада Ахса'и.

Источник, который оказался недавно в центре нашего внимания и который мы рассмотрим здесь, — это лекции Сайида Казима на тему толкования начальных слов проповеди о единобожии (*التوحيد*) в

⁶ См.: Иоаннесян, 2021. С. 138–152.

Находж ал-балага, приписываемой имаму ‘Али⁷. Эти лекции, датируемые месяцем *рамаданом* 1257 г. х., хотя, как и в случае с упомянутым выше Комментарием этого автора, и не имеют прямого отношения к отраженному в их названии предмету⁸, показали нам интересными тем, что в них содержатся положения, которые, возможно, проливают дополнительный свет на учение о «двух циклах божественных откровений» (см. выше). Сама же тема раскрывается в лекциях под иным углом зрения, нежели в Комментарии. Поскольку первые появились незадолго до последнего, то можно предположить, что объективно они послужили подготовительным этапом формирования этого учения в окончательном виде. С другой стороны, их можно рассматривать также как содержащие два взаимодополняющих аспекта одной темы.

Как и Амули (см. выше), Сайид Казим подчеркивает, что религиозных законов в истории человечества было шесть: «По этой причине законов стало шесть, а пояснение шести будет дано тебе по ходу [наших] слов позже, в наиболее подходящем месте» [Сайид Казим, 1257. С. 50 (субботняя ночь 14 *рамадана* 1257 г., здесь и далее перевод наш)]. Сайид Казим перечисляет носителей этих законов — великих пророков, делая особый упор на том, что законы пятерых из них, предшествовавшие закону Мухаммада, служили предпосылками для последнего: «Короче говоря, появление человеческого духа требует предварительных этапов и состояний, таких как животная душа. А животная душа подобна сперме, которой управляют управители, а именно Адам, Нух/Ной, Ибрахим/Авраам, Муса/Моисей, ‘Иса/Иисус и Мухаммад... Все эти пятеро являются предпосылками для введения духа, т. е. шестого закона. И все они предназначены для того, чтобы сделать достойным животный дух, потому что человеческий дух изливается на него, и становится он человеком» [Там же. С. 54]. Эти последовательно сменяющие друг друга законы уподобляются дням недели: «И эти шесть дней — воскресенье, затем понедельник, затем вторник, затем среда, затем четверг, затем пятница, а суббота — это день совершенства и день появления следов» [Сайид Казим, 1257. С. 57 (пятнадцатая ночь месяца *рамадана* 1257 г.)].

Если Амули утверждал, что после шестого закона, т. е. закона Мухаммада, «дверь религиозного откровения затворилась», то Сайид Казим вводит понятие «седьмого закона»: «Мы сказали, что законов шесть, пять из них являются предшественниками

шестого, а скорее *седьмого*, потому что ничто не достигает завершения, кроме как [прохождением] шести состояний. Но в макрокосме законов шесть — от Адама до нашего Пророка, Печати пророчества Мухаммада б. ‘Абд Аллаха...» [Там же (курсив наш)].

Как пять законов служили предпосылками для шестого закона, т. е. закона Мухаммада, так и все шесть законов, утверждает Сайид Казим, служат лишь предпосылками для седьмого закона: «И если ты постиг, что сказали мы о действующем всеобщем и благородном правиле, то мы говорим, что все шесть законов являются предшественниками седьмого, а эти законы — предохранительный нун⁹ [для] появления этого непреходящего и бессмертного закона» [Там же]. Эта тема развивается и далее:

«Короче говоря, наши слова о шести законах заключались в том, что они являются прелюдией и защитой/предохранительным нуном для седьмого закона, потому что закон нашего Пророка Мухаммада... является источником этих законов, их секретом и сутью. Отношение его закона, да пребудет благодать Божья на нем и его семействе, к тем законам [как] отношение духа к телу. Если бы не дух, то тело было бы бесполезным. И закон этот не подлежит отмене никогда» [Там же. С. 58].

Если в «Комментарии на касыду ‘Абд ал-Баки Афанди» Сайид Казим делает полупрозрачные намеки на личность, которая призвана стать духовным Наставником или Воспитателем человечества в грядущую эпоху, и даже утверждает, что эта личность уже появилась¹⁰, то в лекциях носитель нового, т. е. седьмого религиозного закона не конкретизируется и даже не связывается напрямую с *ал-Ка’имом*. В них говорится, что каждому религиозному закону отведен в истории период приблизительно в тысячу лет. Закон Мухаммада пришелся на шестое тысячелетие, в конце которого «явился этот величайший Свет»: «Когда между корнем/основой и ответвлением/производным имелось посредничество шести, а они суть шесть упомянутых законов, каждый закон был одним из них, но каждый из них был днем, и каждый день у Господа твоего как тысяча лет из тех, что вы считаете¹¹. Этот величайший Свет, мир ему, явился в конце шестого тысячелетия, и его первое появление было в начале явления седьмого тысячелетия. И поскольку этот Явленный был основой всякой вещи и полюсом бытия незримого и зримого, то необходимо ему два имени — имя в небесах и имя на земле... Итак, имя его в небесах — Ахмад, а на земле — Мухаммад» [Сайид Казим, 1257. С. 60 (пятнадцатая ночь месяца *рамадана* 1257 г.)].

Мы видим, что в приведенном отрывке, в котором Сайид Казим возвращается к теме двух имен Пророка Мухаммада, вводится понятие «седьмого

⁷ Мы благодарны А. Эшраги за то, что он привлек наше внимание к этим лекциям.

⁸ Эти начальные слова указанной проповеди, которые служат скорее эпиграфом к каждой лекции Сайида Казима, чем реальным предметом толкования, таковы: «Хвала Богу, Которого не дано восславить красноречивым, Чьи благодеяния не исчислить ведущим счет и воздать должное Которому не под силу усердствующим».

⁹ По другой терминологии: *нун* слитного местоимения 1-го лица.

¹⁰ См.: Иоаннесян, 2021. С. 147.

¹¹ Коран 22: 46 (47).

тысячелетия». Знаменательно, что после слов о «величайшем Свете», который «явился в конце шестого тысячелетия (т. е. в конце эпохи закона Мухаммада) и в начале явления седьмого тысячелетия», стоит «мир ему». Последнее не оставляет сомнения в том, что речь здесь идет не об абстрактном свете, «проливающимся с облаков божественного водительства», а о человеке. Более того, как и в Комментарий, здесь, хотя и в более расплывчатых выражениях, указывается на то, что этот величайший Свет уже «явился» (ظهر ذلك النور الاعظم).

Ощущение, что речь идет о личности, которая лишь образно названа «светом», усиливается последующим содержанием лекций, в которых говорится об «обладателе/носителе седьмого закона»: «Ранее мы упоминали, что после того, как свершились шесть законов, должен быть обладатель/носитель седьмого закона. Он — этот величайший и могущественнейший, самый праведный и извечный Свет. И появление этого закона (هذه الشريعة) должно быть после шестого тысячелетия от явления Адама. Ибо всё, как мы признали, происходит в шесть дней, и мы сказали, что каждый день вечности во временном мире равен тысяче лет. Поэтому начало его явления (мир да пребудет на нем!) в начале седьмого тысячелетия. И этот Явленный, Великий и Почитаемый, должен иметь два имени — имя для обитателей высшего царства и имя для людей дольного мира. Другими словами, общее имя и особое имя» [Сайид Казим, 1257. С. 63 (ночь понедельника, шестнадцатого рамадана 1257 г.)].

Как же согласуется, с точки зрения Сайида Казима, появление нового после Мухаммада, седьмого религиозного закона с представлением о Мухаммаде как «Печати пророчества», т. е. завершающем череду Божьих Посланников — носителей откровения?¹² Сайид Казим не усматривает между этими двумя положениями никакого противоречия, ибо «запечатывающий» и «завершающий», в его понимании, одновременно выступает и «распечатывающим», и «открывающим»: «Его (т. е. Бога) слова: „Мухаммад не был отцом кого-либо из ваших мужчин, а только Посланником Бога и Печатью пророков“»¹³, не могут, как объясняет Сайид Казим, служить доводом против нового закона, «поскольку Печать/Запечатывающий — он же и Распечатывающий /Открывающий. В противном случае это был бы не перстень, служащий печатью». «Как мы уже упоминали, продолжает он, цепь — это цепь восхождения, а когда цепь поднимается, запечатывающий бывает не иначе, как

распечатывающим, ибо восхождение — это восхождение от низшего к самому возвышенному, от которого он (т. е. запечатывающий) низошел»¹⁴ [Сайид Казим, 1257. С. 79 (семнадцатая ночь месяца рамадана 1257 г.)].

Возвращаясь к теме двух имен, Сайид Казим подчеркивает, что «Мухаммад» и «Ахмад» «сотканы» из одной субстанции, принципиально едины и между ними существует тесная связь: «...Поскольку наш Пророк (да пребудет на нем и на его семействе благодать Божья и мир) есть тот, за которым следуют в мирах, а взращивание миров происходит посредством имен, и миры по видовому признаку — это два мира, то необходимо ему иметь два имени — имя для обитателей высшего царства и имя для обитателей царства дольного, т. е. одно имя для небожителей, другое для населяющих земли. Первые же зовут его „Ахмад“, а вторые „Мухаммад“... Субстанция обоих этих имен едина — *ха, мим, дал*¹⁵, различие лишь в частностях» [Сайид Казим, 1257. С. 84 (двадцатая ночь месяца рамадана 1257 г.)].

Подведем краткий итог представленного выше разбора ряда положений лекций Сайида Казима. Несмотря на то, что исходные постулаты очерченной им схемы божественных откровений совпадают с тем, что представлено в учениях предшествующих шиитских мыслителей, как было проиллюстрировано на примере Амули (шесть великих пророков, законы пятерых из них служат лишь предтечей шестого закона, т. е. закона Пророка Мухаммада и т. п.), а ряд положений его учения внешне обнаруживают определенное сходство с исмаилизмом (понятие «седьмого закона» после шестого закона, т. е. закона Мухаммада, как и «седьмого тысячелетия», перекликается с представлением о семи эрах в духовной истории человечества у исмаилитов), Сайид Казим идет в своих рассуждениях существенно дальше предшественников. Он заявляет о «явлении в мире» носителя нового закона, которого он метафорически называет «величайшим Светом», а также указывает на время его появления — конец шестого тысячелетия (т. е. эры закона Пророка Мухаммада) и начало нового, седьмого тысячелетия. Поскольку об этом событии сообщается как о свершившемся факте, то данное утверждение косвенно приводит к заключению об окончании эры закона Мухаммада. Сайид Казим не говорит еще об этом напрямую, но в упомянутом выше его Комментарий, появившемся вскоре после этих лекций, данные положения формулируются уже более детально.

¹² Как мы указывали в своих предшествующих работах, такая интерпретация понятия «печать пророчества», ставшая с некоторого времени господствующей в исламе, была присуща этой религии не всегда. По крайней мере, в истории ислама имелись и альтернативные толкования этого понятия.

¹³ Коран 33: 40.

¹⁴ Возможно, подразумевается, что при обратном восхождении на высоту после нисхождения с нее тот, кто был последним в цепи, т. е. замыкавшим ее, автоматически становится первым.

¹⁵ Речь идет о буквах арабского алфавита, составляющих корень, от которого образованы оба имени — Ахмад и Мухаммад.

Использованная литература

Иоаннесян, 2021: *Иоаннесян Ю. А.* Очерки шейхизма: Страницы истории, некоторые аспекты учения (с публикацией переводов текстов и образцов рукописей). Санкт-Петербург: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2021.

Ioannesyan Y. A. Ocherki sheykhizma: stranitzы istorii, nekotorye aspekt uchenia (s publikatsiyey perevodov tekstov i obraztsov rukopisey). [Essays on Shaykhism: pages of history, some aspects of the teaching (with a publication of texts in translation and manuscript examples)]. Saint Petersburg: Publishing House of the Herzen State Pedagogical University of Russia, 2021].

Прозоров, 2004: *Прозоров С. М.* Ислам как идеологическая система. М.: Вост. лит., 2004.

Prozorov S. M. Islam kak ideologicheskaya sistema [Islam as an ideological system]. St. Petersburg: Vostochnaya Literatura Publ., 2004.

Сайид Казим, 1257: *ас-Саййид Казим б. ас-Саййид Касим ал-Хусайни ар-Рашти.* Дурус шахр рамадан сана

1257. Фи шарх ава'ил Хутбат ат-Таухид ли Амир ал-Му'минин. URL: https://www.alabrar.info/library/DRNHJ257/f0002#pg_64 (дата обращения: 24.01.22).

as-Sayyid Kazim b. as-Sayyid Qasim al-Husayni ar-Rashti. Durus shahr Ramadan sana 1257. Fi sharh ava'il Khutbat at-Tawhid li Amir al-Mu'minin [Lectures in the month of Ramadan of 1257. Commenting the opening part of the Sermon on at-Tawhid by Amir al-Mu'minin]. URL: https://www.alabrar.info/library/DRNHJ257/f0002#pg_64 (accessed: 24.01.22).

Amoli, 1969: *Amoli S. H.* Jâmi' al-asrâr. La Philosophie Shi'ite. 1. Somme de doctrines ésotériques (Jâmi' al-asrâr). 2. Traité de la connaissance de l'être (Fî ma'rîfat al-wojûd). Textes publiés avec une double introduction et index par H. Corbin et O. Yahia. Teheran; Paris, 1969.

Daftary, 2012 : *Daftary F.* Historical Dictionary of the Ismailis. Lanham, Toronto, Plymouth: The Scarecrow Press, Inc. 2012

SERMONS OF SAYYID KAZIM RASHTI IN THE MONTH OF RAMADAN 1257 AH: ON THE ISSUE OF “PROPHETIC/RELIGIOUS CYCLES” IN THE SHAYKHI TEACHINGS

Youli A. IOANNESYAN

Institute of Oriental Manuscripts of the Russian Academy of Sciences

This study deals with the Shaykhi, i. e. alternative to the prevailing in Islam view of the Prophet Muhammad as the last bearer of religious revelation in the history of humankind. The teaching that builds a “bridge” from the revelation of Muhammad to subsequent revelations is set forth in the writings of one of the founders of Shaykhism — Sayyid Kazim Rashti, whose lectures served as the basis for this article. The study also reveals the features of this Shaykhi approach to the topic in the context of Shiite Islam.

Key words: Shiite Islam, Shaykhi school, “Seal of prophethood”.

About the author:

Youli A. IOANNESYAN, Cand. Sc. (Philology), Senior Researcher, Institute of Oriental Manuscripts of the Russian Academy of Sciences (Dvortsovaya Emb., 18, St.-Petersburg, 191186, Russia), ORCID 0000-0003-2936-1128 (youli19@gmail.com).

С. С. САБРУКОВА

Институт восточных рукописей Российской академии наук

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ ОТЕЧЕСТВЕННОГО МОНГОЛОВЕДЕНИЯ: ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ Г. И. МИХАЙЛОВА (1909–1986) ¹ (Продолжение)

Статья посвящена мемуарам монголоведа XX в. Г. И. Михайлова о своих учителях и коллегах Б. Я. Владимирце, Г. Е. Грумм-Гржимайло, А. В. Бурдукове, С. А. Козине, Н. Н. Поппе и Г. Н. Румянцеве. Мемуары были выявлены в личном фонде Н. П. Шастиной в Архиве востоковедов Института восточных рукописей РАН. Г. И. Михайлов определяет свои воспоминания как заметки об известных личностях русского востоковедения, в них описаны реалии жизни того времени, личный взгляд автора на разные события в жизни его «героев». Хронологически они охватывают более сорока лет, с 1926 по 1967 г. Текст мемуаров написан живым языком, интересно и увлекательно, с использованием формы речи — диалога.

Ключевые слова: Б. Я. Владимирцов, Г. Е. Грумм-Гржимайло, А. В. Бурдуков, С. А. Козин, Н. Н. Поппе, Г. Н. Румянцева.

Об авторе: САБРУКОВА Светлана Санджиевна, кандидат филологических наук, младший научный сотрудник, отдел рукописей и документов Института восточных рукописей РАН (Россия, 191186, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18). ORCID 0000-0001-7983-4291 (ssabrukova@yandex.ru).

© ИВР РАН, 2022
© Сабрукова С. С., 2022

<18> А. В. Бурдуков в стенах Ленинградского восточного института появился во второй половине 1926/27 учебного года. С тех пор и до конца нашего курса обучения он вел разговорную практику. Таким было его официальное амплуа, на самом же деле его деятельность почти не имела границ.

Еще мальчиком Алексей Васильевич попал в Монголию, прожил там большую часть своей жизни и в Ленинград приехал уже пожилым человеком с сединой в волосах и с почти горьковскими усами, тоже тронутыми сединой. Монголию он покинул, таким образом, лет сорок назад, но монголы до сих пор помнят его. Совсем недавно (22 мая 1964 г.) газета «Соел утга зохиол» сообщала со слов партизана 1921 г. Дамдинсурэна, что Магсаржав-сайда ², когда

он объезжал западные районы Монголии, сопровождал русский Элэсгээ (т. е. Алексей). Про него партизаны говорили, что он красный, очень хороший человек, ученый.

Все сказанное монгольским партизаном — сущая правда. Действительно, Алексей Васильевич был подлинно советским ученым, прекрасной души человеком. Он систематически, упорно изучал монгольский язык, страну и жизнь ее людей. Ему принадлежит большое количество печатных работ, обогативших науку. А. В. Бурдуков поддерживал непосредственную связь с научными организациями и отдельными учеными. Последним он часто оказывал неоценимые услуги, когда они появлялись в тех местах Монголии, где жил Алексей Васильевич. Мне приходилось слышать восторженные отзывы А. В. Бурдукова о самоотверженности Нейбург ³. Пользовался

¹ В тексте сохранены стиль и орфография источника.

² Хатан-Батор Максаржав (1878–1927) — монгольский военачальник, участник Монгольской национально-освободительной революции 1911 г., военный министр Монголии (1922–1927).

³ Мария Федоровна Нейбург (1894–1962) — палеоботаник, доктор геолого-минералогических наук.

помощью Алексея Васильевича Б. Я. Владимирцов, когда ездил к ойратам. В доме А. В. Бурдукова писал свою книгу И. М. Майский⁴, к услугам которого была библиотека, а равно и обширные знания гостеприимного хозяина⁵.

<19> Сильно занимали Алексея Васильевича и заботы о выращивании кадров монголоведов для практической и научной работы. Везде, где только мог, он ставил вопрос об организации практики для начинающих монголистов, изъявляя даже готовность принять расходы по содержанию практикантов на свой счет.

Предпринимал Алексей Васильевич попытки облегчить участь своих собратьев, торговых служащих.

— Работают, — говорил он о служащих, — годами, а ничего за душой не имеют, все время находятся в зависимости от хозяев.

Возмущенный таким положением, А. В. Бурдуков задумал создать кооператив, который помог бы торговым служащим избавиться от хозяйской кабалы. Некоторые пайщики вносили деньги, а те, кто не располагали необходимой суммой, могли участвовать в кооперативе личным трудом. Доходы же от

хозяйственной деятельности кооператива делились между теми и другими.

Среди пайщиков кооператива был и небезызвестный Джа-лама⁶. Это обстоятельство дало основание злым языкам говорить, будто Алексей Васильевич являлся компаньоном этого авантюриста. На самом же деле Джа-лама был одним из пайщиков кооператива, а не компаньоном Алексея Васильевича.

К этому предприятию А. В. Бурдукова можно относиться различно, но бесспорным остается тот факт, что это был первый кооператив в Монголии, явившийся предшественником Монценкоопа⁷.

По-видимому, много сделал хорошего Алексей Васильевич и для монголов, иначе они не сохраняли бы о нем добрую память в течение многих и многих лет. Он знал их язык, обычаи, психологию и легко находил путь к сердцу кочевника. У него были, конечно, большие связи, множество друзей среди местного населения, благодаря которым <20> Алексей Васильевич уцелел во время разгула унгерновщины⁸. Спасаясь со своей семьей от белобандитов, А. В. Бурдуков находил убежище в безбрежных, но малолюдных кочевьях.

С 1927 г. начинается новый период в жизни Алексея Васильевича. В Ленинграде он получил неизмеримо большие возможности для применения своей неиссякаемой энергии и огромных знаний как в научной, так и в практической сфере. Выше уже говорилось, что А. В. Бурдуков опубликовал много своих работ. Его перу принадлежат статьи, переводы, учебные пособия и справочники. В Ленинграде его больше всего занимала мысль о создании доступного для каждого грамотного человека учебника монгольского языка и словарей монгольско-русского и русско-монгольского.

Что касается учебника, его союзниками оказались В. Блохин⁹ и Дагаржав, бывший одно время министром просвещения МНР. Они создали такого рода пособие для практических работников. И Алексей Васильевич от всей души приветствовал появление этой книги, он мог после этого ограничиться составлением практических словарей. Один его словарь

В 1926 г. была в составе геологической экспедиции в Северо-Западной Монголии.

⁴ И. М. Майский (Ян Ляховецкий, 1884–1975) — дипломат, историк, академик АН СССР [Милибанд, 2008. Кн. 1. С. 846–847].

⁵ Документы А. В. Бурдукова и его дочери Т. А. Бурдуковой передала в АВ ИВР РАН 16 декабря 2013 г. Инна Георгиевна Бурдукова, вдова сына Т. А. Бурдуковой, в количестве пяти коробок и трех связок. Их зарегистрировали как личный фонд А. В. и Т. А. Бурдуковых под номером 165. В результате научно-технической обработки сформировано 429 дел, объединенных в две описи. Опись I. А. В. Бурдуков, монголовед-филолог, коллекционер. Научные труды и материалы к ним, документы к биографии и по деятельности, переписка, труды других лиц, карты за 1909–1991 гг.

1. Научные труды и материалы к ним (1909 — не позднее 1943). 1.1. Монографии, статьи, заметки и тезисы А. В. Бурдукова по калмыцкому языку и истории калмыков (1929 — не позднее 1941). 1.2. Статьи и заметки по монгольскому языку и истории монголов (1921–1939). 1.3. Историографические заметки (1921 — не позднее 1943). 1.4. Подготовительные материалы А. В. Бурдукова ([1930]–1938). 2. Документы к биографии (1910–1991). 2.1. Личные и бытовые документы (1910–1943). 2.2. Документы об А. В. Бурдукове (1960–1991). 2.3. Фотоматериалы (1911–1938). 2.3.1. А. В. Бурдуков с женой и друзьями, его коллеги (1911–1938). 2.3.2. Видовые фотографии (1910–1921). 3. Документы по деятельности (1909 — не позднее 1940). 3.1. Документы и переписка по торговой и организационно-преподавательской деятельности (1913–1939). 3.2. Переписка по научным вопросам (1909–1940). 4. Переписка Бурдукова А. В. (1913–1942). 4.1. Письмо Бурдукова А. В. (1942). 4.2. Письма к Бурдукову А. В. (1913–1939). 5. Материалы родственников А. В. Бурдукова и Т. А. Бурдуковой ([1910]–1989). 6. Материалы других лиц (1908–1940). 7. Карты (1884–[1930]) [Сабрукова, 2020. С. 122–123].

⁶ Джа-лама — Лувсан Дамбийджалцан (1862–1922), Сайд-нойон-хутухта, военачальник, хошунный князь, деятель национально-освободительного движения в Западной Монголии в 1910-х гг., считавшийся ламой.

⁷ Монгольский центральный кооператив.

⁸ Это период, когда в конце 1920 — начале 1921 г. на территорию Монголии проникли контрреволюционеры во главе с бароном Унгерном (1886–1921).

⁹ См.: Блохин В. В. Практический учебник разговорного монгольского языка. Улан-Батор, 1936. Ч. 1. Также В. В. Блохин сотрудничал с журналом «Современная Монголия», написал несколько статей для журнала и, видимо, занимался вопросами торговли, судя по названиям: Блохин В. В. Торговля Монголии // Современная Монголия. 1935. № 5; Блохин В. Монгольская пушнина // Современная Монголия. 1935. № 6 (13).

издал Ленинградский восточный институт¹⁰. С изданием его обошлось все благополучно. Два других словаря поступили в Издательство иностранных и национальных словарей. Здесь автора ожидали многие неприятности. С русско-монгольским словарем дело чуть-чуть не дошло до большого скандала.

Не умея ничего сказать по существу, рецензенты, редактор, а потом и политредактор все время придирались к транскрипции А. В. Бурдукова. Издательские работники и автор были доведены до белого каления. Последний, исчерпав все мирные средства, в один прекрасный день заявил:

— Делайте со словарем что угодно, транскрибируйте слова как хотите, только уберите с титульного листа мое имя.

<21> Все же русско-монгольский словарь издательство выпустило. Но нужно было издавать еще монгольско-русский. С тяжелым чувством приняли издательские работники за рукопись Алексея Васильевича. Обратились за советом в ЦК КПСС. Там им порекомендовали связаться с Издательством литературы на иностранных языках. Так труд А. В. Бурдукова попал в мои руки. Правда, меня связали с одним из наиболее рьяных критиков словаря Алексея Васильевича. Он владел языком практически, но имел весьма смутное представление о лингвистике, лексикографии и т. д.

Рассказывают, что к Н. Я. Марру¹¹ пришел как-то представитель одного из кавказских народов и заявил с большой убежденностью:

— Лучше меня никто не знает мой родной язык, я лингвист.

— Не каждая рыба ихтиолог, — возразил на это академик.

Рыба, с которой я имел дело, напоминала того кавказца, ибо он считал себя лингвистом. Пришлось с самого начала прочитать ему маленькую лекцию о транскрипции и правах автора словаря в этом отношении.

Разделили рукопись на две части. Через некоторое время обменялись частями. То, что я получил от рецензента, имело страшный вид: совсем мало было слов, которые остались в неприкосновенности.

Вскоре собрались для согласования поправок. И опять пришлось прибегнуть к краткой лекции на ту же тему. А кончилось все тем, что мой напарник с таким же усердием убирал свои исправления, с каким прежде их делал. У издательских работников отлегло от сердца, однако внушал еще опасения политредактор.

— А вы с ним не разговаривайте, адресуйте ко мне, — посоветовал я им.

В отделе иностранной цензуры представителя издательства спросили:

<22>

— Кто редактор словаря?

— Михайлов, — последовал ответ.

— Пусть он подпишет листы, а мы поставим свою печать.

Вся процедура заняла минут двадцать или тридцать. Для издательства словарей такой оборот дела был большой и очень приятной неожиданностью, ибо они не знали истории с политредактором, проверявшим до этого издания на монгольском языке. А он зазнался, скомпрометировал себя рядом совершенно нелепых придинок к хорошим переводам и был снят с работы. Редакторам же Издательства литературы на иностранных языках в этом отделе доверяли.

Страну и язык Алексей Васильевич знал превосходно и все свои знания стремился передать другим. Он с готовностью отвечал на все наши вопросы и согласен был заниматься, не считаясь со временем. А. В. Бурдуков часто посещал заседания научно-студенческого кружка, был постоянным участником самых разнообразных мероприятий. Он никогда не отказывался прочесть какую-либо работу своих товарищей и высказать свое мнение. Отзывы его всегда были доброжелательными. Такие рецензенты в те годы встречались не так часто. Иногда его упрекали за либерализм.

— А что скажешь, если работа хорошая, — возражал обычно Алексей Васильевич на такого рода высказывания.

Всякой докуки у А. В. Бурдукова всегда было много, тем не менее он успевал еще и что-то писать, ездить в экспедиции (вспомним хотя бы его поездку к сарт-калмыкам¹²) и разрабатывать различные проекты. Так, однажды он собрал у себя дома большую группу лиц и стал излагать проект улучшения быта кочевников. Там он выдвинул идею о жилищах на колесах. Стали обсуждать предложение Алексея <23> Васильевича. Все шло хорошо, пока не выступил уже упоминавшийся П., типичный представитель той эпохи. Он упрекнул А. В. Бурдукова в желании повернуть «колесо истории вспять». Получилась такая околесица с этим колесом, что писатель Зазубрин¹³, автор первого советского романа, возмутился и дал резкую отповедь этому поборнику прогресса.

¹⁰ Разговорник монгольского языка с подробным оглавлением каждого урока, подстрочным и алфавитным словарями. Л., 1935; Русско-монгольский словарь разговорно-го языка. Л.: ЛВИ, 1935.

¹¹ Николай Яковлевич Марр (1865–1934) — востоковед, кавказовед, филолог, историк, этнограф и археолог. Академик РАН и АН СССР [Милицанд, 2008. Кн. 1. С. 878–879].

¹² Сарт-калмыки, калмаки — малочисленный народ Киргизии, ойратского происхождения, проживающий в основном на востоке Иссык-Кульской области.

¹³ Владимир Яковлевич Зазубрин (Зубцов) (1895–1938) — участник гражданской войны в Сибири; в 1921 г. написал книгу «Два мира». С 1923 по 1928 г. В. Я. Зазубрин работал в Новосибирске секретарем, а затем редактором журнала «Сибирские огни», с 1926 г.

А через несколько лет на советской земле появились вагончики для трактористов и других специалистов, вынужденных условиями работы жить далеко от дома.

Если бы меня спросили, когда Алексей Васильевич жил для себя, я бы не смог ответить на этот вопрос. Он постоянно о ком-то заботился, постоянно устраивал чьи-то дела, радушно встречал всех, кто к нему приезжал.

Как-то отправились мы небольшой компанией в Парк культуры и отдыха (знаменитые острова на Неве). На обратном пути наши дамы вдруг захотели пить.

— Заедем к Алексею Васильевичу, — предложил я, не думая долго.

— Не совсем удобно, — возразил кто-то.

— К Алексею Васильевичу-то? — удивился я.

Дверь нам открыл сам хозяин этого гостеприимного дома.

— Проходите, раздевайтесь. Кстати, жена напекла пирожков, — были первые слова Алексея Васильевича, сразу же рассеявшие чувство некоторого неудобства.

В этом «кстати» весь Алексей Васильевич. Если бы мы даже пришли не чай пить, а жить, это тоже было бы, по всей вероятности, кстати.

А многие приходили к Алексею Васильевичу и жить. Дома его всегда окружали какие-то родственники, племянники и просто люди, <24> нуждавшиеся в покровительстве. В квартире Алексея Васильевича была большая комната, служившая семье столовой. Однако для столовой в этой большой комнате оставалось совсем мало места, а пространство вдоль стен занимали боксы, в которых жили подопечные А. В. Бурдукова. В одном из таких боксов жил некоторое время и Л. С. Пучковский¹⁴.

В институте Алексей Васильевич был бессменным членом локального бюро Секции научных работников и все время занимался делами культурно-бытового сектора, заботясь о нуждах своих товарищей. Вероятно, не было в локальном бюро СНР [секция научных работников] другого такого человека, который отдавал бы столько сил профсоюзной работе. Он умел находить все новые и новые возможности для улучшения условий жизни своих коллег. Уже в 30-х гг. в Ленинграде ощущался жилищный кризис, многие преподаватели института жили плохо. Алексей Васильевич разыскал жилищно-строительный кооператив, установил с ним связь, приняв на себя еще одну обязанность — уполномоченного этого кооператива в нашем институте. Потом свои обязанности по кооперативу он передал мне, а через некоторое время и меня кто-то сменил.

председатель Сибирского союза писателей [Бурдуков, 1969. С. 389–390].

¹⁴ Леонид Сергеевич Пучковский (1899–1970) — специалист по истории Монголии и монгольским рукописям [Милибанд, 2008. Кн. 2. С. 243].

Кажется, никто из наших преподавателей все же квартиры не получил. Однако А. В. Бурдуков и его преемники тут ни в чем не виноваты. Просто руководители кооператива вели дело не очень умело, и кооператив пришлось распустить.

Короче говоря, Алексей Васильевич Бурдуков много сделал для науки и для людей. И вот у такого человека нашли какие-то преступления и подвергли репрессиям. Умер Алексей Васильевич, как передавал мне С. А. Козин, от голодного поноса. Уверен, у многих людей становится тепло на душе от одного упоминания имени этого замечательного человека.

18/XII-1967

Г. Михайлов

<25>

Сергей Андреевич Козин¹⁵

Когда я поступил в Ленинградский Восточный институт им. А. С. Енукидзе, встретил там много новых людей. Среди служащих института заметил двоих похожих внешне друг на друга людей. Казались они похожими и другим студентам. Иной раз мы видели их вместе. В таких случаях один поднимался по лестнице с пустыми руками, а другой нес портфель первого. Оба были кругленькими, невысокого роста, носили почти одинаковые курточки и различались только цветом волос и чертами лица. Прошло порядочно времени, пока мы усвоили разницу между ними. Выяснилось, что один из них работал в учебной части, а второй был гардеробщиком, старым служаккой. Позже я узнал, что работник учебной части, Сергей Андреевич Козин, мой коллега. Узнал и кое-что из его биографии. Правда, близко сталкиваться с ним мне не приходилось, по-настоящему мы познакомились, когда он расстался со своим кабинетом в учебной части и появился у нас в аудитории в качестве преподавателя практики монгольского письменного языка, помощника Б. Я. Владимирцова.

Потом мне довелось некоторое время работать с С. А. Козиным на одной кафедре. Там мы еще лучше узнали друг друга. В 1935 г. судьба нас разлучила, мне пришлось ехать на Халхин-Гол, но в 1945 г. наши связи восстановились. Я в то время был в Каунасе, лежал в госпитале, война уже кончилась, предстоял переход к мирной жизни. О Н. Н. Поппе до меня кой-какие слухи доходили, об остальных же монголистах никаких сведений не имел. Однажды из газет я узнал о юбилее Академии наук СССР и о награждении орденами академиков. Среди награжденных был и С. А. Козин. Тут же я написал, благо времени свободного было вполне достаточно, письмо и через несколько дней получил подробный ответ на

¹⁵ С. А. Козин (1879–1956) окончил восточный факультет Петербургского университета в 1903 г., с 1906 г. служил в Калмыкии, с 1913 по 1917 г. — советник по финансовым и экономическим вопросам при правительстве Автономной Монголии. В 1916 г. организовал экспедицию для исследования Монголии в экономическом отношении [Бурдуков, 1969. С. 412].

все интересовавшие меня вопросы. Личная же встреча состоялась примерно через год в Ленинграде.

В Ленинграде и на финской границе я часто проводил свой отпуск, ездил в Ленинград и по делам Военного института иностранных языков. Командование института охотно давало мне командировки для консультации с С. А. Козиным, бывшим в то время членом ученого совета института. Он даже состоял в штате кафедры скандинавских языков, хотя в институте ни разу не был и дороги туда не знал.

Одна из командировок предоставлена была мне для согласования программы монгольского языка с Сергеем Андреевичем. Не знаю, читал ли это мое произведение С. А. Козин, но, возвращая рукопись, <26> промолвил:

— Можете сказать в Москве, что я внес исправления, а можете сказать, что никаких замечаний не было. Предоставляю это на ваше усмотрение.

Результатами моей поездки в Ленинград командование института было удовлетворено, программа пошла в печать. В одном из верхних углов титульного листа значилось: «одобряю» и подпись С. А. Козина, а в другом: «утверждаю» и подпись начальника института, генерала.

Интересовался С. А. Козин и моими диссертационными делами. Во время одной из наших бесед он предложил мне писать о парных словах (биномах). Мне эта тема (я тогда преподавал монгольский язык) нравилась, принялся за работу. Через год предпринял попытку познакомить Сергея Андреевича с первыми результатами моих поисков. Однако разговор не состоялся.

— Обратитесь к лингвистам, эта тема — лингвистическая, лингвистам и карты в руки, — заявил Сергей Андреевич.

Такое заявление свидетельствует о том, что С. А. Козин считал себя не лингвистом, а литературоведом, хотя к лингвистике он иной раз обращался, давал, например, «путевку в жизнь» докторской диссертации Г. Д. Санжеева¹⁶.

С. А. Козин до революции был крупным царским чиновником. Одно время он выступал в качестве попечителя калмыцкого народа (так идилически называлась его должность). Позже поехал он в Ургу финансовым советником правительства Автономной Монголии. Попечителей калмыки себе не выбирали, а у монголов были кой-какие возможности и отказаться от советника. Сайн-ноен-хан¹⁷ не возражал получить заем, но не хотел иметь советника, однако успеха не имел, пришлось ему вместе с займом взять и советника.

О своей деятельности в Калмыкии Сергей Андреевич ничего не рассказывал, да я и не пытался расспрашивать ни его (вряд ли такие расспросы были бы ему приятны), ни других. В 1927 г. мне довелось побывать в Калмыкии. Некоторые из наиболее пожилых калмыков в то время еще помнили С. А. Козина по его деятельности в тех местах. Один из них (кажется, Бадмара Шонхоров¹⁸) поинтересовался, чем занимается их бывший попечитель.

— Работает в учебной части нашего института, — сообщил я ему.

— Он же плохо знает калмыцкий язык, как же может он работать в Восточном институте? — последовал другой вопрос.

Я объяснил, что С. А. Козин занят канцелярскими делами, калмыцкий язык ему не нужен. Однако это объяснение не удовлетворило моего <27> собеседника, полагавшего, что в Восточном институте должны работать лишь люди, владеющие восточными языками.

Другой раз Г. Натыров¹⁹ передал мне чей-то рассказ о романе С. А. Козина с одной знатной калмычкой, для которой этот роман был самым первым.

Возможно, были и другие разговоры о С. А. Козине, но память моя просто не сохранила их. Однако ничего плохого о его деятельности в Калмыкии мне слышать не приходилось. Означало ли это, что Сергей Андреевич не проявлял большого служебного рвения? Не думаю. Вероятно, он действовал так умело, что ни в чем его упрекнуть было нельзя.

О своей деятельности в Монголии Сергей Андреевич говорил мало. Из его воспоминаний, о которых речь будет ниже, известно, что он близко стоял или близко наблюдал Сайн-ноен-хана, когда монгольский премьер был в С.-Петербурге.

Запомнилось мне одно высказывание Сергея Андреевича о том, как ловко пользовались нецензурной русской словесностью некоторые дамы монгольского света. Сказано это было между прочим.

А память о С. А. Козине долго жила в Монголии. В 1935 или 1936 г. я занимался с одним монголом, которого мы собирались использовать для агентурной разведки. Нужно было записать его биографию. Он рассказал, как это было принято у монголов тогда, где он родился, чей сын и который по счету ребенок своего отца, сообщил и другие стандартные сведения. Заинтересовал меня рассказ о том, как его отец имел в старое время какие-то неприятности из-за «гоожин монго».

— Какие же это «гоожин монго»? — размышлял я. После недолгих размышлений понял, что речь шла

¹⁶ Гарма Данцаранович Санжеев (1902–1982) — филолог-монголовед, доктор филологических наук, профессор.

¹⁷ Сайн-нойон-хан Намнансүрэн (1896–1919) — политический и государственный деятель (1911–1919). Выходец из аристократической семьи владетелей Сайннойонхановского аймака.

¹⁸ Бадма-Ара Шонхоров в начале XX в. являлся представителем калмыцкого народа в Управлении калмыцким народом [Бакаева, Бакаев, 2012. С. 91].

¹⁹ Галзан Натыров — общественный, политический деятель, член первого центрального исполнительного комитета Калмыцкой автономной области [Максимов, Мацакова, 2016. С. 15].

о тех сборах, которые установил С. А. Козин, имея целью пополнение казны правительства Автономной Монголии.

Деятельность Сергея Андреевича в Монголии, таким образом, способствовала не только пополнению казны богд-хаана, но и появлению в монгольском языке неологизма. Говорят, некоторые монголы до сих пор поминают «гоожин монго» («козинские деньги»).

Сергей Андреевич обладал незаурядным умом. Он справлялся со своими обязанностями в Калмыкии, умело повел дело, когда приехал в Монголию, легко осуществил переход от административной деятельности к педагогической и научно-исследовательской, его суждения всегда были здравыми. Как-то мы с А. В. Бурдуковым стали подводить итоги социалистического соревнования. Нам казалось, что ряд пунктов договора мы не выполнили. Вмешался присутствовавший при этом С. А. Козин (разговор велся в домашнем кабинете А. В. Бурдукова), перечислил мероприятия, которые проводились у нас, оказалось, что обязательства <28> свои наша кафедра выполнила, при встрече с другой соревнующейся стороной сотрудникам ее краснеть не придется.

С. А. Козин представлялся мне интересным человеком, который немало поработал на своем веку, знал много такого, о чем другие и понятия никакого не имели. В 1933 или 1934 г. пришла мне в голову мысль о том, что хорошо бы получить от Сергея Андреевича мемуары о его работе в Автономной Монголии. Товарищи поддержали эту инициативу, не возражал и сам С. А. Козин. Вскоре он взялся за дело и представил первые странички. Мемуары обещали быть интересными, понравился мне и стиль автора.

— Надо дать С. А. Козину вопросник, — предложил В. Д. Якимов²⁰.

Через несколько дней он такой вопросник представил. Чего он только там не написал! Автор вопросника хотел, чтобы мемуарист описал состояние производительных сил автономного периода истории Монголии, производственные отношения, формы эксплуатации, классовую дифференциацию, классовую борьбу и многое другое в этом духе.

Мне эта затея не понравилась. Разделял мое отношение к вопроснику В. Д. Якимов и М. И. Амагаев²¹, бывший в то время ректором нашего института.

— Пойми, — говорил Матвей Иннокентьевич автору вопросника, — С. А. Козин стоит выше наших шпаргалок.

²⁰ Василий Дмитриевич Якимов (1904–1941) — выпускник Ленинградского Восточного института по монголо-тибетскому разряду, с 1937 г. по 1941 г. научный сотрудник Института Востоковедения [Ф. 83. Архив востоковедов ИВР РАН].

²¹ Матвей Иннокентьевич Амагаев (1897–1944) — государственный, политический деятель, с 1932 по 1937 г. ректор Ленинградского института живых восточных языков.

Так тогда с мемуарами Сергея Андреевича у нас ничего и не получилось.

Сразу же после Великой Отечественной войны при одной из наших встреч с С. А. Козиным я снова завел разговор о мемуарах. С. А. Козин сочувственно отнесся к моему предложению:

— Осуществить это не так трудно, можно написать, можно и продиктовать.

Однако ни того, ни другого он не сделал. Нужно было бы, видимо, вменить кому-нибудь из ленинградских коллег в обязанность время от времени напоминать Сергею Андреевичу о его обещании.

Уже в пятидесятых годах я поставил этот вопрос перед ученым секретарем Института востоковедения АН СССР.

— Сергей Андреевич мог бы нам сообщить много интересного. Если мы не зафиксируем все это сейчас, лишимся одного из ценных источников целого периода истории Монголии. Прикомандируйте к нему стенографистку, пусть она записывает его воспоминания ежедневно по часу или полчаса, — предложил я тогда.

Ученый секретарь согласился, что воспоминания таких людей представляют большую ценность, однако о реализации моего предложения не позаботился. А вскоре мне пришлось писать для журнала <29> «Советское востоковедение» некролог. Так непросто лишились мы многих интересных сведений, касающихся периода автономии Монголии.

В науке Сергей Андреевич занимал особое место, резко отличался от своих коллег по Ленинградскому Восточному институту и Институту востоковедения АН СССР.

— Ушкуйник²², — сказал про С. А. Козина (разговор имел место в 1936 г.) П. И. Воробьев²³, бывший до 1931 г. ректором Ленинградского восточного института.

Характеристика меткая, ни убавить, ни прибавить ничего нельзя к ней. Однако такое положение и такое отношение к нему не устраивало, по-видимому, Сергея Андреевича. Желая изменить отношение к себе, однажды он, как передавал мне А. П. Конаков²⁴, обратился за поддержкой к В. Л. Котвичу²⁵. И «наш мудрый Котвич», как называли его многие

²² Ушк у й н и к — В Древней Руси: вольный человек, совершавший набеги с вооруженной дружиной и промышленный на ушкуях на Волге и Каме. Термин происходит от слова «ушкуй» (ускуй, скул, вушкул), обозначающего вид гребного судна для плавания по большим рекам.

²³ Павел Иванович Воробьев (1892–1937) — ученый-востоковед, организатор науки, музеевед.

²⁴ Александр Павлович Конаков (1908–?) — востоковед, филолог, специалист в области сравнительного языкознания алтайских языков.

²⁵ Владислав Людвигович Котвич (1872–1944) — лингвист, монголовед, алтаист, чл.-кор. РАН (01.12.1923), действительный член Польской академии знаний (1923), председатель Польского востоковедческого общества (1922–1936).

коллеги, ответил письмом, в котором, не касаясь достоинств трудов Сергея Андреевича, отметил своеобразие этого ученого. Иными словами, В. Л. Котвич дал характеристику, совпадающую с приведенным выше отзывом П. И. Воробьева.

С такой характеристикой согласится всякий, кто хорошо знаком с трудами С. А. Козина. Действительно, он находился где-то в стороне от академической дороги, не имел предшественников, не оказалось у него и последователей.

С. А. Козин дружил А. В. Бурдуковым. Их связывало не в малой степени, как мне представлялось, одинаковое отношение к «пакостникам» (выражение А. В. Бурдукова). К числу «пакостников», между прочим, Алексей Васильевич относил и Н. Н. Поппе. Возможно, Сергей Андреевич встречался с А. В. Бурдуковым еще в Монголии. Во всяком случае, С. А. Козину хорошо были известны некоторые страницы биографии Алексея Васильевича. Как уже говорилось, Сергей Андреевич был частым гостем в доме Бурдуковых.

Дружил С. А. Козин и с В. М. Алексеевым²⁶. Они были однокурсниками. К их компании принадлежал и Г. Ф. Смыкалов²⁷, про которого В. М. Алексеев говорил:

— Он на год старше нас.

Сергей Андреевич, передав эти слова Василия Михайловича, пояснил:

— Когда мы с Василием Михайловичем пришли в университет, у нас были новенькие мундирчики, а Г. Ф. Смыкалов носил мундир, бывший в употреблении.

Сергей Андреевич своим продвижением многим обязан усилиям В. М. Алексеева, обладавшего большим весом в академических кругах²⁸.

²⁶ Василий Михайлович Алексеев (1881–1951) — китаевед, филолог, переводчик китайской классической прозы и поэзии. Чл.-кор. РАН (01.12.1923), доктор филол. наук (1929), акад. АН СССР (12.01.1929).

²⁷ Георгий Феофанович Смыкалов (1877–1955) — профессор (13.09.1947), преподаватель Практич. Вост. академии (1913–1921). ЛВИ (1920–1938), ЛГУ (1938–1955), зав. кафедрой кит. филол. Восточного факультета (1938–1950) и филологического факультета (1945–1955). Научный сотрудник ИВ АН СССР (1938–1950) [Милибанд, 2008. Кн. 2. С. 377–378].

²⁸ В архивном фонде А. В. и Т. А. Бурдуковых сохранилась копия письма профессора В. Л. Котвича к академику В. М. Алексееву от 3 мая 1941 г., большое внимание в ней уделено научной деятельности С. А. Козина и его работам. «Когда появились первые печатные работы С. А. Козина, стало очевидным, что в среду советских востоковедов вступает новая сила с ясным, вдумчивым, самостоятельным взглядом на вещи и богатым практическим и теоретическим опытом. Нужно было появление свежего человека, не пропитанного идеями старой школы монголоведов, а обладающего чутьем историко-литературного исследователя, чтобы понять и представить дело в надлежащем освещении». АВ ИВР РАН. Л.1.

<30> К Б. Я. Владимирцову у С. А. Козина было странное отношение. Мне казалось, что Сергей Андреевич многим обязан Борису Яковлевичу и должен был бы солидаризироваться в этом смысле со мной. Однако несколько моих попыток завести разговор о Б. Я. Владимирцове озадачили меня. Борис Яковлевич считал квадратную письменность международным алфавитом. Сергей Андреевич в беседе со мной опровергал это положение ссылкой на ареал распространения письменности Пагва-ламы²⁹, хотя характер письменности, ее общественная значимость не определяется какими-либо географическими обстоятельствами.

— Как хорошо преподавал Борис Яковлевич, — сказал я однажды Сергею Андреевичу.

— Да, но как он не любил преподавание, — тут же возразил мне мой собеседник.

Имел место и еще один очень любопытный с этой точки зрения разговор.

— Какую хорошую грамматику написал Борис Яковлевич, — заметил я как-то.

— Да, но какой это кирпич, — ответил С. А. Козин, хотя сам выпускал еще более увесистые кирпичи («Сокровенное сказание монголов», например).

Естественно, такого рода реплики С. А. Козина не располагали к разговорам о Б. Я. Владимирцове, и я больше не касался в наших разговорах этой темы.

Об отношении Сергея Андреевича к Н. Н. Поппе судить очень трудно. Если С. А. Козин солидаризировался с А. В. Бурдуковым, отношение это, надо полагать, было отрицательным. В разговорах Сергей Андреевич о Н. Н. Поппе отзывался сдержанно. Запомнился мне только такой короткий разговор при очередной нашей встрече:

— Заполучить бы Н. Н. Поппе сюда, — сказал я Сергею Андреевичу.

— А зачем? Он и так хорошо наказан, — возразил С. А. Козин.

Поразмыслив хорошенько, я согласился с Сергеем Андреевичем. Вспомнились при этом эмигранты времен революции и гражданской войны, очень тяжело переживавшие разлуку с родиной. Вероятно, и Н. Н. Поппе не раз сожалел о том, что так легко поверил в силу и непобедимость фашистской Германии.

До 1937 г. Сергею Андреевичу трудно жилось. Как уже говорилось, положение «ушкунника» доставляло ему порядочно неприятностей даже после того, как он стал академиком. Однако это обстоятельство не влекло за собой политических последствий. Хуже было с прошлым его. Если не изменяет мне память, Сергею Андреевичу в те суровые времена <31> приходилось добиваться избирательных

²⁹ Монгольское квадратное письмо Пагба-ламы — письменность, созданная на основе тибетского письма ламой Дрогоном Чогьял Пагпа для Хубилай-хана, монгольского правителя династии Юань в Китае.

прав. В 1937 г. избирательное право стало всеобщим, все бывшие «лишенцы»³⁰ стали полноправными гражданами. А во время Великой Отечественной войны Сергей Андреевич был избран в состав Академии наук СССР.

Тем не менее при любых обстоятельствах Сергей Андреевич соблюдал лояльность, никаких жалоб или проявлений недовольства я не наблюдал. В первые годы индустриализации нам жилось очень плохо, существовала карточная система, на каждом шагу ощущались нехватки. Однако никто в то время не роптал. Любопытно, что Сергей Андреевич раньше других подмечал самые малейшие улучшения в нашей жизни.

Он очень тепло отзывался также о тех людях (имен сейчас не помню), которые осуществили во время Великой Отечественной войны эвакуацию академиков из голодного Ленинграда в Куйбышев. Правда, и на новом месте их обеспечивали не бог весть как, но от голодной смерти наши академики были спасены. И это обстоятельство Сергей Андреевич подчеркивал.

А после войны он получил дачу на берегу Финского залива (ст. Комарово), которую с большим удовольствием показывал мне. Не посчитал для себя за труд Сергей Андреевич подняться со мной на второй этаж, откуда открывался вид на залив. Хвастался, что его дача построена на сухом месте. А когда его супруга заметила, что водопровод им провели, а воды нет, Сергей Андреевич добродушно пожурил ее:

— Ты не говори о том, чего у нас нет, надо показывать то, что мы имеем.

А дача действительно была замечательной. Смущало Сергея Андреевича лишь то, что построена она не по-русски: и подоконников нет, и отдельные части ее сделаны не так, как это принято у нас.

— Финну обязательно нужно показать себя, он все время напоминает о себе, — высказался однажды по этому поводу Сергей Андреевич. Была довольна своей дачей и супруга С. А. Козина.

— Эта дача — наша собственность, мы даже можем ее продать. Наши соседи продали свою дачу, получили 90 тысяч. «Но продавать можно только государству», — сообщила она мне.

Вообще Сергей Андреевич в послевоенные годы был доволен условиями своего существования. Как-то он заговорил о партийных и беспартийных.

— А Вы партийный, — спросил он меня.

Получив утвердительный ответ, Сергей Андреевич заметил с удовлетворением:

— Да сейчас между партийными и беспартийными большой разницы нет. <32> Не жаловал покойный академик только профсоюзную организацию. Однажды А. П. Канаков и Надеяев³¹ собрались идти к Сергею Андреевичу.

— Мне тоже нужно поговорить с ним, пойдемте вместе, — предложил я.

Услышав наш разговор, кто-то из сотрудников Института востоковедения попросил А. П. Канакова заодно получить у Сергея Андреевича профвзносы.

— Нет уж, — воспротивился А. П. Канаков, — получайте сами, меня в эти дела не путайте.

Я никак не мог понять причины столь категорического отказа, заявление А. П. Канакова не понравилось мне.

Пришли мы к Сергею Андреевичу, завязался оживленный разговор, говорили о самых разнообразных вещах, зашла речь и о профсоюзах. Сергей Андреевич с большой убежденностью заявил:

— Мы никогда не выиграли бы войну, если бы в армии были профсоюзы.

— Но в военных учреждениях есть профсоюзные организации, — попытался я возразить.

— Да, развешивать плакатики, — сказал Сергей Андреевич, протянув руку куда-то к стене своего кабинета.

Я ничего не знал об отношении С. А. Козина к профорганизации, а А. П. Канаков был вполне в курсе дела, поэтому-то так категорически отказался вести с Сергеем Андреевичем разговоры о профвзносах.

Сергей Андреевич почти до последнего своего дня посещал институт. Мне случалось встречаться с ним в особняке на Дворцовой набережной. Встречам он был всегда рад. Когда кто-нибудь из ленинградцев приезжал в Москву, я интересовался, как себя чувствует Сергей Андреевич.

— Ничего, — говорили мне, — ходит в институт. Накануне выдачи зарплаты расписывается в ведомости, а на другой день приходит за деньгами.

Тем не менее Сергей Андреевич чувствовал себя неважно, искал всяческих средств, способных облегчить его положение. Однажды он рассказал мне про какого-то чудотворца, живущего где-то в Средней Азии.

— Напишите этому старичку, и он пришлет Вам свои лекарства, — посоветовал я.

— А что толку-то, — возразил Сергей Андреевич, — вон эти лекарства стоят на шкафу.

Я посмотрел туда, куда показывал Сергей Андреевич и увидел <33> большую коробку. По-видимому, все эти снадобья мало помогали. Недейственность их Сергей Андреевич объяснял тем, что нет личного контакта между лечащим и лечимым.

³⁰ Лиш е н е ц — неофициальное название гражданина РСФСР и СССР, лишённого избирательных прав в 1918 — 1936 гг. согласно Конституции РСФСР 1918 и 1925 гг. Ограничение в правах было направлено на обеспечение ведущей роли рабочего класса в строящемся социалистическом обществе и устраняло экономически самостоятельных и авторитетных в дореволюционном обществе людей от участия в активной политической жизни..

³¹ Владимир Михайлович Надеяев (1912–1985) — Тюрколог и монголист, специалист по общему языкознанию и экспериментальной фонетике, выдающийся педагог, воспитавший более 150 лингвистов-сибиреведов.

Ехать же в Среднюю Азию Сергей Андреевич не отказывался. Сразу же после войны ему случалось бывать в Москве, а в последние годы жизни его вояжи ограничивались поездками в Комарово. Предложение слетать в Монголию Сергей Андреевич отверг со всей категоричностью. И правильно сделал, ибо столь далекое путешествие при его состоянии здоровья было сопряжено, конечно, с большим риском.

Сергей Андреевич, как видно из сказанного выше, избегал риска, соблюдал большую осторожность, обращался к медицине. Однако какие бы меры он ни принимал, а болезнь и годы делали свое дело. Особенно сильным было, вполне понятно, влияние возраста. От старости, как известно, лекарства нет, бессильны даже чудотворцы. Наступил тот день, когда жизнь Сергея Андреевича оборвалась.

Использованная литература и архивные материалы

Бакаева, Бакаев, 2012: Бакаева Э. П. Бакаев Н. Э. Герой отечественной войны 1812 г. Цаган Халга Лузангов и его потомки // Вестник КИГИ РАН. 2012. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/geroy-otechestvennoy-voyny-1812-g-tsagan-halga-luzangov-i-ego-potomki> (дата обращения: 10.02.2022).

Bakaeva E. P., Bakaev N. E. Geroi otechestvennoi voyny 1812 g. Tsagan Khalga Luzangov i ego potomki [Hero of the Patriotic War of 1812 Tsagan Khalga Luzanov and his descendants] // Bulletin of the KIH of the RAS. 2012. No. 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/geroy-otechestvennoy-voyny-1812-g-tsagan-halga-luzangov-i-ego-potomki> (accessed: 10.02.2022).

Бурдуков, 1969: Бурдуков А. В. В старой и новой Монголии. М.: Наука, 1969.

Burdukov A. V. V staroi i novoi Mongolii [In old and new Mongolia]. M.: Science, 1969.

Максимов, Мацакова, 2016: Максимов К. Н. Мацакова М. И. Конституирование национальной государственности Калмыкии в форме административной автономии // Вестник КИГИ РАН. 2016. № 3. URL: <https://kigiran.elpub.ru/jour/article/view> (дата обращения: 11.02.2022).

Maksimov K. N., Mazakova M. I. Konstituirovaniye natsional'noi gosudarstvennosti Kalmykii v forme administrativnoi avtonomii [The Establishment of the Constitution of the National State of Kalmykia in the Form of Administrative Autonomy] // Bulletin of the KIH of the RAS. 2016. No. 3. URL: <https://kigiran.elpub.ru/jour/article/view> (accessed: 11.02.2022).

<https://kigiran.elpub.ru/jour/article/view> (accessed: 11.02.2022).

Милибанд, 2008: Милибанд С. Д. Востоковеды России XX — начало XXI века. Библиографический словарь. Книга 1; 2. М.: Вост. лит., РАН, 2008.

Miliband S. D. Vostokovedy Rossii XX — nachalo XXI veka. Bibliograficheskii slovar' [Orientalists of Russia XX — the beginning of the XXI century. Bibliographic dictionary]. Volume one; two. Moscow: "Oriental Literature" of the Russian Academy of Sciences, 2008.

Сабрукова 2020: Сабрукова С. С. Российские монголоведы А. В. и Т. А. Бурдуковы (обзор фонда из Архива востоковедов ИВР РАН) // Письменные памятники Востока. 2020. Т. 17. № 1 (вып. 40).

Sabrukova S. S. Rossiiskie mongolovedy A. V. i T. A. Burdukovy (obzor fonda iz Arkhiva vostokovedov IVR RAN) [Russian Scholars in Mongolian Studies A. V. Burdukov and T. A. Burdukova (A Review of Their Collection at the Archives of the Orientalists, IOM RAS)] // Written Monuments of the Orient. 2020. Volume 17. No. 1 (issue 40).

АВ ИВР РАН: Архив востоковедов ИВР РАН, шифр: Фонд 165. Опись 2. Дело 278.

(Arkhiv vostokovedov IVR RAN). [Archive of Orientalists of the Institute of Oriental Manuscripts of the Russian Academy of Sciences] cipher: Fund 165. Inventory 2. Case 278.

A HISTORY OF MONGOLIAN STUDIES IN RUSSIA: FROM THE MEMOIRS OF G. I. MIKHAYLOV (1909–1986)

Svetlana S. SABRUKOVA

Institute of Oriental Manuscripts of the Russian Academy of Sciences

The article is dedicated to the recollections of G. I. Mikhaylov — a 20th c. prominent Russian researcher of Mongolia in which he remembers his teachers and colleagues — B. Ya. Vladimirtsov, G. E. Grum-Grshimailo, A. V. Burdukov, S. A. Kozin, N. N. Poppe and G. N. Romyantsev and which were discovered in the private collection of N. P. Shastina now kept in the Archives of Orientalists at the Institute of Oriental Manuscripts of the Russian Academy of Science. G. I. Mikhaylov called his memoirs 'notebooks about the distinguished Russian orientalists', in them he was also describing the details of his life at that time, his personal opinions and views on various events taking place in the life of his 'characters'. The memoirs cover the period of more than forty years — from 1926 till 1967. They are written in a vivid captivating language with the use of dialogue.

Key words: B. Ya. Vladimirtsov, G. E. Grum-Grshimailo, A. V. Burdukov, S. A. Kozin, N. N. Poppe, G. N. Romyantsev.

About the author:

Svetlana S. SABRUKOVA, Cand. Sc. (Philology), Junior Researcher, the Department of Manuscripts and Documents, Institute of the Oriental Manuscripts of the Russian Academy of Sciences (Dvortsovaya Emb. 18, St-Petersburg, 191186, Russia), ORCID 0000-0001-7983-4291 (ssabrukova@yandex.ru).

К. В. Орлова

Институт востоковедения Российской академии наук

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «100 ЛЕТ ДИПЛОМАТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ МЕЖДУ РОССИЕЙ И МОНГОЛИЕЙ: ОТ ДРУЖЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ К ВСЕОБЪЕМЛЮЩЕМУ СТРАТЕГИЧЕСКОМУ ПАРТНЕРСТВУ»

Об авторе: Орлова Кеема Владимировна, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник. Центр архивных исследований (Россия, 107031, Москва, ул. Рождественка, 12), ORCID 0000-0003-4951-0063 (orlovnk@mail.ru).

About the author:

Keemya V. ORLOVA, Dr. Sc. (History) Leading Researcher. Center of Archival Research, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences (Rozhdestvenka ul., 12, Moscow, 107031, Russia), ORCID 0000-0003-4951-0063 (orlovnk@mail.ru).

© ИВ РАН, 2022
© Орлова К. В., 2022

20–21 октября 2021 г. Центр архивных исследований и Отдел Кореи и Монголии провели международную научную конференцию «100 лет дипломатических отношений между Россией и Монголией: от дружественных отношений к всеобъемлющему стратегическому партнерству». Организаторами конференции выступили Институт востоковедения РАН, Институт истории и этнологии Монгольской академии наук при поддержке МИД РФ, МИД Монголии, Посольства Монголии в РФ, Российского общества монголоведов, Общества друзей Монголии.

Основные темы конференции:

- 100 лет дипломатических отношений между Россией и Монголией: история и современность;
- всеобъемлющее стратегическое партнерство: факторы развития, перспективы;
- торгово-экономические отношения: история, проблемы, новые проекты;
- сотрудничество в гуманитарной области (образование, наука, культура): достижения, проблемы, перспективы.

В начале конференции участники почтили память ведущего российского монголоведа мирового уровня, главного научного сотрудника — консультанта Института, Почетного члена Международной ассоциации монголоведения, Почетного доктора Института истории и этнологии Монгольской академии наук, доктора исторических наук Марка Исааковича Гольмана.

С приветствиями к участникам обратились директор ИВ РАН доктор исторических наук А. К. Аликберов, заместитель директора по науке кандидат исторических наук Н. Г. Романова. По решению дирекции и Ученого совета директор Института доктор исторических наук А. К. Аликберов вручил высшую научную награду Института — медаль И. Ю. Крачковского доктору исторических наук, главному научному сотруднику, заведующему сектором Монголии Отдела Кореи и Монголии В. В. Грайворонскому.

От имени чрезвычайного и полномочного посла Монголии в РФ Д. Даваа к ученым обратился советник — посланник Посольства Монголии в РФ Д. Унубилэгт, подчеркнувший значимость и важность ус-

тановления 5 ноября 1921 г. дипломатических отношений между правительствами Монголии и РСФСР. Представитель МИД РФ А. Ц. Доржиев в своем выступлении акцентировал внимание на юбилейных мероприятиях, проводимых в России и Монголии. Президент Общества друзей Монголии полковник ВВС в отставке В. А. Бабушкин кратко рассказал о деятельности Общества. На пленарном заседании были зачитаны приветственные адреса от директора Института истории и этнологии Академии наук Монголии, доктора Ц. Цэрэндоржа и директора Института международных исследований АН Монголии доктора Д. Золбоо.

Доктор исторических наук, главный научный сотрудник, зав. сектором Монголии Отдела Кореи и Монголии Владимир Викторович Грайворонский во время награждения медалью имени И. Ю. Крачковского 20 октября 2021 г.

В работе научного форума приняли участие исследователи из Монголии (Институт истории и этнологии Монгольской академии наук, Институт международных исследований МАН), Иркутска (ФГБОУ ВО Байкальский государственный университет), Улан-Удэ (Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, ФГБОУ ВО Бурятский государственный университет им. Д. Банзарова, ФГБОУ ВО Восточно-Сибирский государственный университет технологий и управления), Санкт-Петербурга (Институт восточных рукописей РАН, Институт истории материальной культуры РАН, Государственный Эрмитаж, НИУ ВШЭ (СПб.)), Элисты (ФГБОУ ВО Калмыцкий государственный университет им.

Б. Б. Городовикова), Москвы (РГАЭ, НИУ ВШЭ, ИСАА МГУ им. М. В. Ломоносова), Владивостока (Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН), Красноярска (Федеральный научно-исследовательский социологический центр РАН), Новосибирска (Сибирский университет потребительской кооперации).

На конференции был обсужден широкий круг вопросов, связанных с историей подписания Договора о дружественных отношениях между правительствами РСФСР и Монголии, с современным состоянием российско-монгольского стратегического партнерства, политических, торгово-экономических отношений, работы совместных экспедиций в Монголии, сотрудничества в гуманитарной области (наука, образование, культура).

В рамках конференции были проведены презентации новых публикаций.

ИВ РАН:

- Монгольская цивилизация в фокусе российско-востоковедения. Коллективная монография. М.: ИВ РАН, 2020. 236 с.;
- *Дылыков С. Д.* Страницы жизни. М.: Первая городская типография, 2021. 236 с., ил.;
- Победа на Халхин-Голе: в поисках исторической истины. Коллективная монография. М.: ИВ РАН, 2021. 348 с., ил.

ИВР РАН:

- Биография и научное наследие востоковеда О. М. Ковалевского (по материалам архивов и рукописных фондов) / *Р. М. Валеев, В. Ю. Жуков, И. В. Кульганек, Д. Е. Мартынов, О. Н. Полянская.* Санкт-Петербург – Казань: Петербургское Востоковедение, 2020. 440 с., ил.;
- Академик-востоковед В. П. Васильев: Казань – Пекин – Санкт-Петербург (очерки и материалы) / *Р. М. Валеев, В. Ю. Жуков, И. В. Кульганек, Лю Лицю, Д. Е. Мартынов, Д. И. Маяцкий, Т. А. Пан, В. Л. Успенский.* Санкт-Петербург – Казань: Петербургское Востоковедение, 2021. 320 с., ил.;
- Век независимости — век сотрудничества (исследования и публикации). Коллективная монография / отв. ред. И. В. Кульганек, Т. И. Юсупова. СПб.: Петрополис, 2021. 230 с.

ИМБТ СО РАН:

- Библиография монгольской революции 1921 года. Указатель / отв. ред. Л. В. Курас, Н. Хишигт. Иркутск: Оттиск, 2021. 320 с.

Вопросы истории подписания Договора о дружественных отношениях между правительствами РСФСР и Монголии, современное состояние российско-монгольского стратегического партнерства, политические и экономические аспекты российско-монгольского взаимодействия рассмотрены в ряде докладов. Доктор ист. наук В. В. Грайворонский осветил 100-лет-

нюю историю российско-монгольских отношений, особое внимание уделив значимым событиям — Халхин-Голу, Великой Отечественной войне, визитам должностных лиц на высоком и высшем уровнях. Проф. Института истории и этнологии МАН Норовсамбуу Хишигт на основе новых впервые вводимых в научный оборот документов из архивов Монголии осветила проблему дипломатической истории монгольской революции 1921 г. Канд. ист. на-

ук Колягийн Дэмбэрэл рассмотрел факторы влияния «монгольского мира» на российско-монгольские отношения. Канд. ист. наук Батунаев проанализировал широкий спектр российско-монгольских отношений от спада до всеобъемлющего стратегического партнерства, акцентировав внимание на эволюции политических отношений, сложившихся после распада социалистической системы и начала демократических преобразований в Монголии.

Слева направо: президент Общества друзей Монголии, полковник ВВС в отставке А. В. Бабушкин; зав. Отделом Монголии МИД РФ А. Ц. Доржиев; доктор ист. наук, главный научный сотрудник, зав. сектором Монголии Отдела Кореи и Монголии В. В. Грайворонский; зав. Отделом Кореи и Монголии ИВ РАН, канд. ист. наук А. В. Воронцов

Слева направо: доктор ист. наук проф. Л. В. Курас (ИМБТ СО РАН); зав. Отделом Кореи и Монголии канд. ист. наук А. В. Воронцов (ИВ РАН); зам. директора по научной работе канд. ист. наук Н. Г. Романова (ИВ РАН); доктор ист. наук, главный научный сотрудник, зав. сектором Монголии Отдела Кореи и Монголии В. В. Грайворонский (ИВ РАН); директор ИВ РАН доктор ист. наук А. К. Аликберов

Совместный доклад доктора ист. наук, проф., гл. науч. сотр. Л. В. Кураса и канд. ист. наук, ст. науч. сотр. Б. Д. Цыбенова был посвящен деятельности российского дипломата, уполномоченного НКВД РСФСР в Монголии О. И. Макстенека (1920–1921). На основе архивного источника «Отчета О. И. Макстенека с 1 июня 1920 г. по март 1921 г.» и материалов из российских и монгольских архивов исследователи установили, что О. И. Макстенека внес заметный вклад в осуществление монгольской революции 1921 г. Доктор ист. наук В. Г. Кокоулин рассказал об истории советско-монгольских отношений, которые, по его мнению, в значительной степени зависят от основных тенденций официальной политики в позднесоветской и постсоветской России. Уранчимэг Пурэвжав рассмотрела монголо-российские отношения с точки зрения этнологии. Доктор ист. наук С. Л. Кузьмин свое выступление посвятил дипломатическим отношениям России и Монголии до и после 1921 г. Доктор ист. наук, проф. В. Д. Дугаров совместно с канд. ист. наук А. О. Гомбоевым выступили с докладом о российско-монгольском научном сотрудничестве под углом историографии. Проф. Института международных исследований МАН Алтай Дулбаа осветила общее состояние монголо-российского сотрудничества, вопросы обновления развития науки и технологии с точки зрения правовой основы, а также подписания двусторонних документов о сотрудничестве Монгольской академии наук с РАН. Акад. МАН проф. Института истории и этнологии МАН Ц. Батбаяр проанализировал обстоятельства и особенности визита генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева в Монголию в 1966 г., увязав его с состоянием монголо-советских и советско-китайских отношений, внутренним положением МНР. Доктор полит. наук В. А. Родионов охарактеризовал политику «мягкой силы» России в отношении Монголии. Однако, по мнению докладчика, Россия, обладая сравнительно большим ресурсным потенциалом для использования «мягкой силы» в Монголии, в основном унаследованным из эпохи социализма, на данный момент соответствующую ему политику не проводит. Именно поэтому важнейшей задачей в рамках стратегии «мягкой силы» в Монголии является увеличение участия российских НПО, способных продвигать интересы России без формальной привязки к государственным структурам. Доктор ист. наук проф. В. Г. Дацышен посвятил свой доклад проблемам и противоречиям, вызванным одновременным созданием Монгольского и Тувинского государств в 1921 г., когда центральные и региональные власти Советской России разработали и пытались реализовать программу создания новой Автономной Монголии, включающей в себя Урянхайский край (Танну-Тува Урянхай). Канд. ист. наук А. А. Сизова осветила историю консульского присутствия России в Улясутае, увязав ее с цинской политикой в Монголии в начале XX в. Доктор ист. наук П. Н. Дудин по-

святил свой доклад международно-правовому статусу Внешней Монголии с точки зрения международных отношений, обратив особое внимание на произведенный В. В. Энгельфельдом анализ протоколов Первого Великого государственного хурала и внутреннеполитическую обстановку, а также остановился на заочной дискуссии В. А. Овчинникова с Б. Э. Нольде о статусе Халхи. Канд. юр. наук Р. Ю. Почекаев на основе записки (представления) министра иностранных дел Временного правительства М. И. Терещенко на имя министра-председателя А. Ф. Керенского, поданной в августе 1917 г., а также прилагаемых к ней материалов (отчета о совещании по «монгольскому вопросу») и телеграммы дипломатического агента в Урге А. А. Орлова (РГИА, СПб.) охарактеризовал «монгольскую» политику Временного правительства. Роль монгольского революционного союза молодежи Монголии в политике Советской России и Коминтерна в 1921–1925 гг. рассмотрел в своем докладе магистрант МГИМО (У) Б. Х. Кушхов. Зам. директора РГАЭ, канд. ист. наук Е. Р. Курапова на основе российских и монгольских архивных источников проанализировала алгоритм и номенклатурное наполнение торговых связей двух стран в разрезе «импорт / экспорт», позиции сторон по тем или иным вопросам сотрудничества. Канд. ист. наук А. Д. Гомбожапов на основе полевых материалов выявил, что современные номады испытывают давление со стороны горнодобывающего сектора (по мере разработок новых месторождений) и фермерских хозяйств, занимающихся растениеводством. Научный сотрудник А. В. Владимирова проанализировала основные результаты развития внешнеторговых отношений России и Монголии на протяжении последних 30 лет. В качестве основного набора данных была выбрана база «Комтрейд ООН» как один из наиболее авторитетных и полных источников торговой статистики. Ряд докладов были посвящены совместным российско-монгольским исследованиям и экспедициям. Чл.-кор. РАН, доктор ист. наук, проф. Н. Н. Крадин рассказал о совместных исследованиях российских и монгольских ученых о городах и поселениях на территории Монголии начиная с середины XX в. и особое внимание уделил новейшим открытиям в области изучения урбанизационных процессов в кочевых империях хунну, киданей и монголов. Канд. ист. наук Ю. И. Дробышев акцентировал внимание на работе совместной советско-монгольской комплексной биологической экспедиции, которая положила начало широкомасштабному научному сотрудничеству в сфере естественных наук (1969) и продолжается до наших дней. По результатам совместных работ получены ценные данные о природе Монголии и сопредельных регионов, проведена инвентаризация флоры и фауны страны (списки продолжают пополняться), осуществлено экологическое картирование, итогом которого явилось создание уникального «Атласа экосистем Монголии» (2019). Канд. ист.

наук Ю. И. Елихина в своем докладе остановилась на экспедиционных материалах П. К. Козлова (1923–1926), Н. М. Ядринцева (1886 и 1891), В. Л. Котвича (1912), ученого-мелиоратора П. А. Витте (1915–1916), хранящихся в Государственном Эрмитаже. Доктор филол. наук И. В. Кульганек (СПб.) посвятила свой доклад репрезентативным коллекциям фотографий российских ученых, собранным в начале XX в. и хранящимся в архивном фонде ИВР РАН: А. М. Позднеева, П. К. Козлова, С. Ф. Ольденбурга, Д. А. Клеменца, А. В. Бурдукова, Н. Н. Поппе. Канд. ист. наук Н. Ю. Смирнов на основе полевых дневников археологов С. А. Теплоухова и Г. И. Боровки, долгое время считавшихся утраченными и выявленных недавно в Российском этнографическом музее, осветил их деятельность в рамках монголо-тибетской экспедиции под руководством П. К. Козлова в 1924 г.

Сотрудничество в гуманитарной области (наука, образование, культура) рассмотрено в следующих докладах. Доктор ист. наук Л. Л. Абаева рассмотрела проблему стратегического партнерства буддийского духовенства Монголии с буддийскими центрами России в векторе их традиционных контактов, имеющих политические, экономические и социальные корни взаимодействия. Канд. ист. наук Р. Т. Сабиров показал, что история буддизма в Монголии не прервалась в конце 1930-х гг., практика буддизма существовала и на неофициальном уровне. Помимо существования бывших лам, в стране были тайно признаны хубилганы, которые сыграли важную роль в сохранении и передаче буддийского наследия. Доктор ист. наук Ю. В. Кузьмин рассказал о подготовленном к изданию энциклопедическом словаре российских монголоведов, объективная необходимость которого назрела. По его мнению, опубликованные материалы о монголооведах носят неполный характер, ограничены временными рамками: либо дореволюционный период, либо только XX век, более того, полностью

исключены исследователи, не работающие в научной сфере, но занимающиеся изучением Монголии и имеющие уникальные результаты в этой области. Канд. филол. наук Д. А. Носов в своем докладе рассказал о студентах, командированных в Монголию летом 1923 г., уделив особое внимание монголоведам-практикантам из ЛВИ в 1920-е гг., которым пришлось решать как научные, так и прикладные задачи по всестороннему описанию страны, в частности В. А. Казакевичу (1896–1937), находившемуся в Монголии с 1923 по 1925 г., одновременно являвшемуся сотрудником Ученого комитета страны и Полпредства СССР в Монголии, и первому доктору филологических наук Калмыкии Ц.-Д. Номинханову (1898–1967), который был и переводчиком в Министерстве финансов МНР, и сотрудником Ученого комитета, и дипломатическим курьером Полпредства СССР. Канд. филол. наук С. Н. Цеденова осветила тему Великой Отечественной войны в творчестве монгольских писателей и поэтов: Ц. Дамдинсурэна, Ч. Лодойдамбы, Д. Цэвэгмида, С. Удвал, Ч. Лхамсурэна, Д. Сэнгээ и др. Совместный доклад доктора филол. наук Г. Ц. Пюрбеева и канд. филол. наук Е. В. Голубевой посвящен созданию прямого переводного ассоциативного словаря сравнений, что обусловлено сложившейся языковой ситуацией с калмыцким языком. Доктор ист. наук К. В. Орлова рассказала о письменных монгольских источниках, сосредоточенных в российских хранилищах. Канд. филол. наук Ч. С. Цыбенова проанализировала языковые установки молодежи Монголии по отношению к иностранным языкам, в частности к русскому языку, который учащиеся средних школ Монголии признали самым сложным. Аспирантка ИСАА МГУ им. М. В. Ломоносова К. И. Бикмаева рассказала о сотрудничестве России и Монголии в области образования, отметив достижения и перспективы дальнейшего взаимодействия.

И. В. КУЛЬГАНЕК

Институт восточных рукописей Российской академии наук

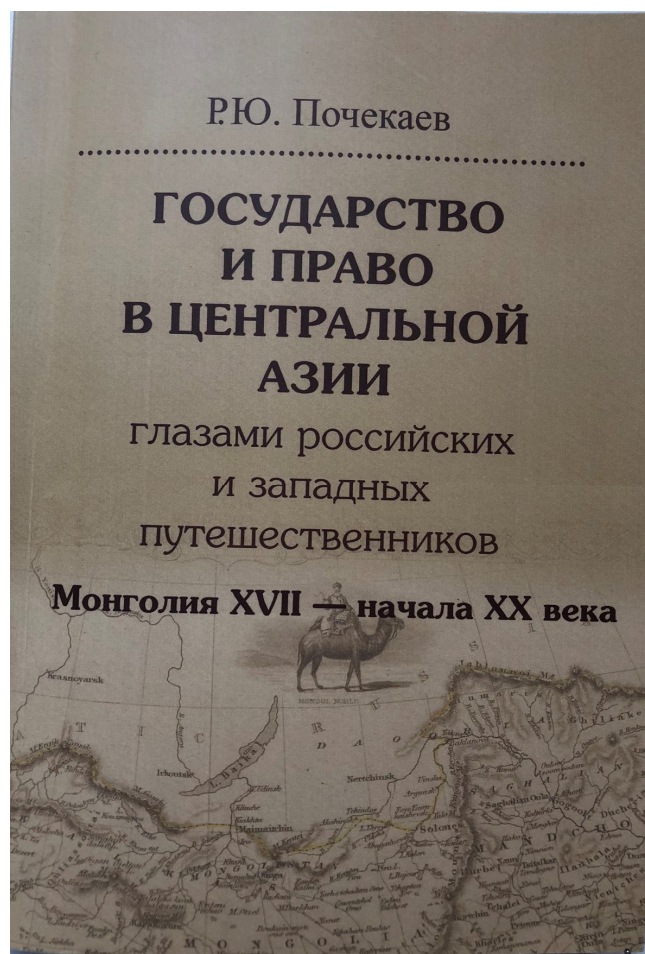
НОВЫЕ КНИГИ ПО МОНГОЛОВЕДЕНИЮ

Об авторе: КУЛЬГАНЕК Ирина Владимировна, доктор филологических наук, зав. сектором Центральной Азии отдела Центральной и Южной Азии Института восточных рукописей РАН (Россия, 101186, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18). ORCID 0000-0003-1417-3167 (kulgan@inbox.ru).

About the author:

Irina V. KULGANEK, Dr. Sc. (Philology) Head of the Section Central Asia of the Department of Central Asian and South Asian Studies, Institute of Oriental Manuscripts of the Russian Academy of Sciences (Dvortsovaya Emb., 18, St. Petersburg, 191186, Russia). ORCID 0000-0003-1417-3167 (kulgan@inbox.ru).

1. **Почекаев Р. Ю. «Государство и право в Центральной Азии глазами российских и западных путешественников. Часть II: Монголия XVII — начала XX в.». М.: ИД ВШЭ, 2021. 335 с.**

Монография Р. Ю. Почекаева «Государство и право в Центральной Азии глазами российских и западных путешественников. Часть II: Монголия XVII — начала XX в.» относится к работам чрезвычайно интересной и малоизученной тематики, касающейся одной из наиболее жизненно важных областей существования человеческого сообщества — традиционной государственности и права. Обозначенные в монографии проблемы до настоящего времени не стали предметом исследования востоковедов. Не уделялось должного внимания этому аспекту и историками, политологами широкого профиля. Исследование Р. Ю. Почекаева представляется актуальным в научном и практическом отношении. Междисциплинарный подход (на стыке монголоведения, источниковедения и истории государства и права) подчеркивает его актуальность и новизну. Для подобного исследования огромную источниковую базу представляют материалы, документы, отчеты о поездках в монгольские земли иностранных ученых, дипломатов, торговцев, военных, чьи сведения о монгольской истории, языке, культуре, быте содержат бесценные сведения о прошлом и настоящем этой страны.

Автор выбрал для изучения материалы путешественников, посетивших Монголию в XVII — начале XX в., рассмотрев около 200 текстов. Подавляющее большинство путешественников, чьи сочинения легли в основу монографии, были российскими подданными или иностранцами на российской службе, значительно меньше собственно западных путешествен-

ников (англичан, американцев, французов, немцев, голландцев, шведов). В книге впервые в отечественной науке исследуются отчеты, записки, дневники и мемуары российских и западных путешественников, побывавших в Монголии в XVII — начале XX в., как источники сведений о традиционной государственности и праве монголов. Среди авторов записок — дипломаты и разведчики, ученые и торговцы, миссионеры и даже «экстремальные туристы», что дало возможность сформировать представление о самых различных сторонах государственно-властных и правовых отношений в Монголии. Различные цели поездок обусловили визиты иностранных современников в разные регионы Монголии на разных этапах их развития. Анализ этих источников позволяет сформировать «правовую карту» Монголии в период независимых ханств и пребывания под властью маньчжурской династии Цин, включая особенности правового статуса различных регионов — Северной Монголии (Халхи), Южной (Внутренней) Монголии и существовавшего до середины XVIII в. самостоятельного Джунгарского ханства. Автором были также изучены дополнительные материалы о путешествиях иностранцев по Монголии и о личностях самих путешественников, что позволило автору сформировать объективное отношение к запискам и критически проанализировать их.

Монография состоит из введения, пяти глав, заключения, списка использованной литературы, трех приложений (включающих хронологию путешествий по Монголии, биобиблиографический справочник, глоссарий). Список источников и литературы включает около 400 публикаций на русском и иностранных (в основном на английском и французском) языках — труды XVII в. — начала 20-х гг. XXI в. Основное содержание книги представляет собой анализ и систематизацию сведений о монгольской государственности и праве. Автор придерживается хронологического принципа, в каждой главе он последовательно рассматривает информацию путешественников о системе власти и управления, правовом статусе буддийской церкви, налогах и повинностях, правовом регулировании экономических отношений, о семейных и наследственных отношениях (включая статус монгольских женщин), преступлениях и наказаниях, о судебной сфере.

Особый интерес представляет вторая глава, посвященная государству и праву ханств Северной Монголии (Халхи) в XVII в., когда возобновились русские и западные путешествия в Монголию, а монгольские государства сохраняли независимость. Как справедливо замечает автор, именно в этот период властные и правовые отношения носили наиболее самобытный характер. В третьей главе анализируются сведения путешественников о государственности и праве Джунгарского ханства, подчеркивается значимость этих источников для характеристики

государства как «последней степной империи», правители которой были заинтересованы в эффективном управлении не только ойратами, но и многочисленными вассальными владениями. Р. Ю. Почекаев справедливо полагает, что джунгарские монархи в первой половине XVIII в. взяли курс на модернизацию власти, права, экономических отношений, всячески старались развивать отношения с развитыми зарубежными странами, и только завоевание Джунгарского ханства империей Цин прервало этот процесс.

Оправданно самой объемной стала четвертая глава монографии, посвященная государственности и праву Северной Монголии под властью династии Цин. Это был весьма длительный период: конец XVII — начало XX в.; в течение его в Монголии побывало наибольшее число российских и иностранных путешественников, существенно расширился их круг. В главу вводятся самостоятельные параграфы, содержание которых насыщено обширной информацией.

В пятой главе Р. Ю. Почекаев совершенно обоснованно сосредоточивает внимание на особенностях отдельных аспектов государственности и права Южной Монголии, поскольку там они сохранили свою самобытность в отличие от Халхи, которая попала под власть маньчжурских императоров.

В заключении автор убедительно пишет о ценности и значении записок путешественников как источников сведений о государственности, праве монголов рассматриваемого периода и высказывает предположение, что эти материалы можно считать примерами зарождающейся антропологии права. Тут же он обозначает ряд перспективных направлений, которые могли бы стать продолжением и развитием результатов, полученных в рамках проведенного исследования.

Автор порой ссылается не на оригиналы и переводы записок самих путешественников, а на материалы других исследователей. Возможно, это стоило бы специально оговорить. Р. Ю. Почекаев ограничивается характеристикой специфики довольно крупных регионов: Северной Монголии (Халхи), Западной (Джунгарии), Южной (Внутренней). В каждом из этих регионов есть своя специфика, связанная с особенностями жизни отдельных монгольских родов и племен, изучение которой может быть развито в дальнейшем. В списке источников и литературы логичнее выделить источники в качестве самостоятельного раздела.

Книга Р. Ю. Почекаева представляет собой самостоятельное исследование междисциплинарного характера, содержит эвристические находки и, несомненно, представляет интерес для специалистов различных сфер знания — востоковедов, историков, правоведов, политологов, может быть полезна политикам и дипломатам.

Монография написана на высоком научно-теоретическом уровне, хорошим русским языком. Содержит новые для отечественной науки знания.

Учитывая историческое многостороннее взаимодействие, растущее сотрудничество и перспективы взаимоотношений России и Монголии, монография Р. Ю. Почекаева востребована учеными-теоретиками и практиками-политиками, прежде всего правоведа-

ми — специалистами в области истории государства и права, сравнительного правоведения, юридической и политической антропологии. Книга представляет также интерес для историков, монголоведов, источниковедов, политологов, этнографов и может служить дополнительным материалом для студентов, обучающихся данным специальностям.

2. Почекаев Р. Ю. Төр булаагчид ба хуурамч хаад. Монгол угсааны улс гүрнүүдийн түүхэн дэх төрийн эргэлт, үймээн самуун, хуйвалдаан, бослого, тэмцэл / Орч. А. Алимаа. Улаанбаатар: NEPKO Publishing, 2020. 365 х.

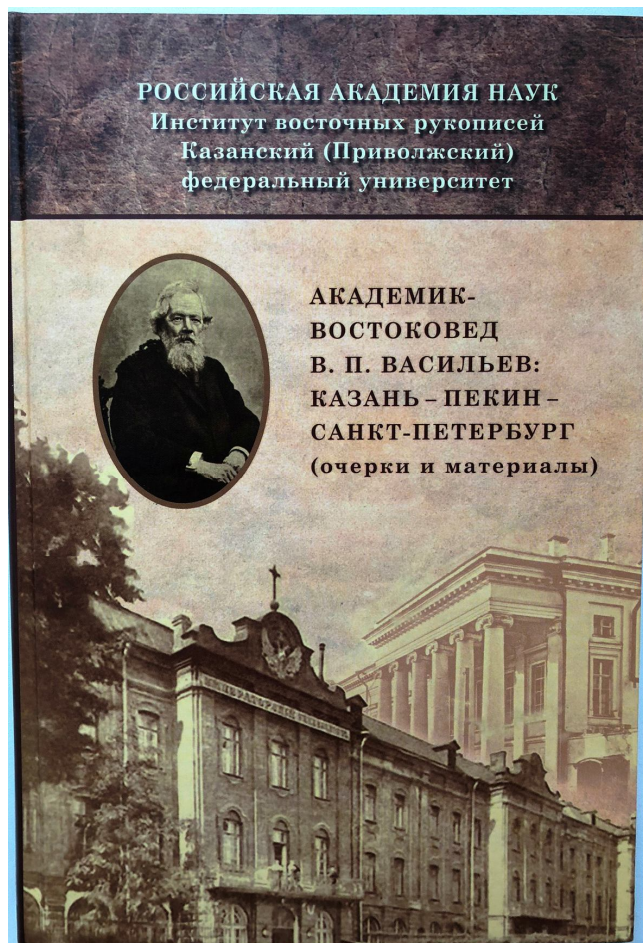

Книга, вышедшая в Монголии, представляет собой монгольский перевод книги «Узурпаторы и самозванцы „степных империй“». История тюрко-монгольских государств в переворотах, мятежах и иностранных завоеваниях». СПб.: Евразия, 2016. 378 с. Монография посвящена борьбе за власть в тюрко-монгольских государствах, начиная с империи Чингис-хана в первой половине XIII в. и заканчивая последними попытками создания независимых ханств в Центральной Азии уже в XX в. Исследуются обстоятельства борьбы за власть в Монголии, Центральной Азии, Иране, Золотой Орде и государствах, возникших после ее распада. Автор приходит к выводу, что в разные времена и в разных странах претенденты на трон, имевшие не слишком законные права на него, зачастую использовали сходные обоснования своих претензий и выступлений против конкурентов. Книга предназначена для историков, востоковедов, правоведов, политологов, студентов, обучающихся этим специальностям, а также для всех интересующихся проблемами истории Евразии и традиционной государственности.

3. Академик-востоковед В. П. Васильев: Казань — Пекин — Санкт-Петербург (очерки и материалы) / Р. М. Валеев, Х. Валравенс, В. Г. Дацышен, О. П. Еланцева, В. Ю. Жуков, И. В. Кульганек, Лю Лицю, Д. Е. Мартынов, Д. И. Маяцкий, Т. А. Пан, В. Л. Успенский; сост. Т. А. Пан; отв. ред. Р. М. Валеев и И. В. Кульганек. СПб.; Казань, 2021. 320 с.: ил. ISBN 978-5-85803-547-3 DOI 10.25882/texy-fl118

В монографии обобщаются результаты труда российских востоковедов из Казани, Санкт-Петербурга, Красноярска, Владивостока, Харбина; представлены также исследования немецких и китайских специалистов. Вниманию читателя предлагаются очерки о жизненном пути и научном творчестве российского

ученого-синолога, буддолога, санскритолога, ординарного академика Императорской Санкт-Петербургской Академии наук, декана Восточного факультета Императорского Санкт-Петербургского университета Василия Павловича Васильева, рассматриваются основные вехи его биографии в контексте

научной и общественной мысли России того времени. В творчестве В. П. Васильева выделяются три этапа — казанский, пекинский и петербургский.

Дается анализ его научных трудов, в которых впервые в отечественной науке была предпринята попытка систематического изложения истории развития буддийской мысли, поставлен вопрос о разработке адекватного языка описания буддийского духовного опыта и о терминологических критериях для перевода категорий буддийского учения на европейские языки.

Монография ориентирована на профессиональных востоковедов, историков, литературоведов, буддологов, культурологов, историков науки, аспирантов, студентов и всех интересующихся культурой Востока, полезна также для занимающихся деловым и профессиональным общением в области проведения научных и научно-просветительских мероприятий в условиях интенсивного международного диалога Востока и Запада.

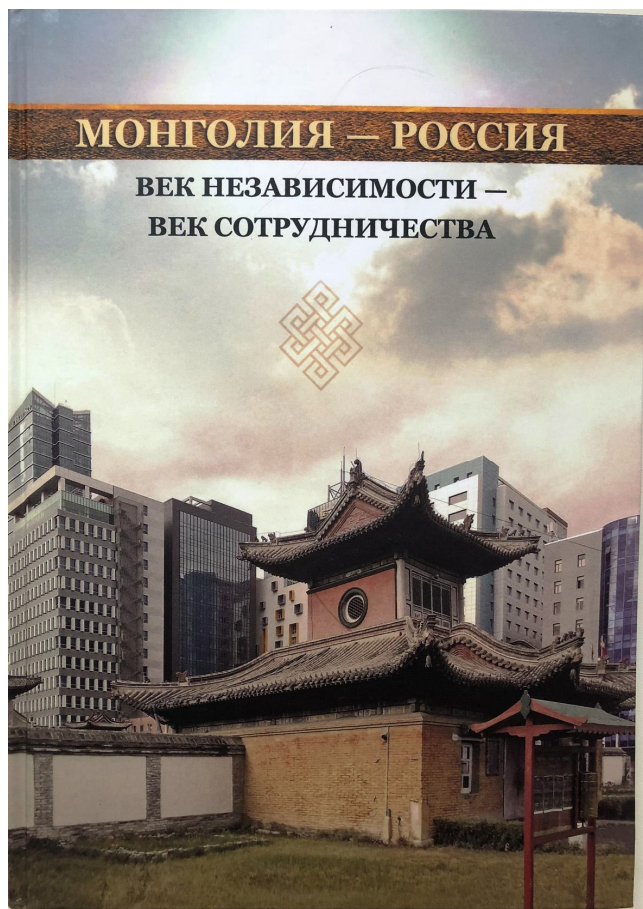
4. Монголия — Россия: век независимости — век сотрудничества / сост. и отв. ред. И. В. Кульганек, Т. И. Юсупова. СПб.: ООО ИД «Петрополис», 2021. 230 с.

Авторы: А. И. Андреев, Ю. И. Дробышев, Л. Б. Жабаева, В. Ю. Жуков, Ю. В. Кузьмин, И. В. Кульганек, Л. В. Курас, Д. А. Носов, К. В. Орлова, М. П. Петрова, И. Ф. Попова, Р. Ю. Почекаев, В. З. Церенов, Б. Д. Цыбенков, Т. И. Юсупова, Н. С. Яхонтова

ISBN 978-5-9676-1344-9 DOI 10.25882/086r-y106

Коллективная монография посвящена 100-летию установления дипломатических отношений между Россией и Монголией и 100-летию учреждения Ученого комитета Монголии, первого научного учреждения страны. В представленных в книге исследованиях, основанных на широком круге архивных источников, многие из которых впервые вводятся в научный оборот, анализируются предпосылки тесных двусторонних контактов России и Монголии, становление монгольской государственности в период между двумя революциями (1911 и 1921 гг.) и советско-монгольские переговоры в Москве в 1921 г. В фокусе рассматриваемых проблем также развитие научных контактов России и Монголии, их разнообразие, особенности, персоналии, которые внесли важный вклад в этот процесс. Уделяется внимание современной интерпретации ряда вопросов истории,

юриспруденции, историографии и литературы Монголии. Авторы коллективной монографии рассматривают свой труд как вклад российских монголоведов в развитие научного взаимодействия наших стран, как подарок монгольским коллегам к юбилейным датам. Во вступительном слове к монографии директор ИВР РАН И. Ф. Попова отметила, что «в представленных исследованиях авторы анализируют переломные моменты истории Монголии, проблемы и перспективы научного сотрудничества России и Монголии, ряд вопросов современного монголоведения» и выразила уверенность, что книга «продолжит заложенную 100 лет назад традицию научного партнерства России и Монголии». Эта мысль была развита в обширном предисловии, в котором авторы подчеркнули, что книга отражает взгляд российских исследователей на юбилейные события монгольской

истории, актуальные вопросы истории и культуры Монголии и выразили надежду, что труд авторского коллектива отечественных ученых станет импульсом для дальнейшего совместного изучения рассмотренных и других актуальных проблем. Книга имеет три главы: «Монголия на пути к независимости», «Научное сотрудничество России и Монголии» и «Вопросы современного российского монголоведения». В первой главе основное внимание уделяется деятельности генерального консула России в Монголии Я. П. Шишмарева (1833–1915), первого Уполномоченного Наркоминдел в Монголии О. И. Макстенека, тибето-монгольскому проекту Агвана Доржиева, истокам калмыцко-монгольских связей. Во второй главе рассматривается российско-монгольское научное взаимодействие в 1920–1960-е гг.; обмен студентами и аспирантами между Россией и Монголией в 30-е гг. XX в.; публикуются воспоминания Г. И. Михайлова о Б. Я. Владимирове. Третья глава посвящена вопросам, привлекающим внимание современной научной общественности: идеологии монгольской империи в освещении дореволюционных историков, представлениям о монгольской экспансии в понятии европейцев, запискам русских путешественников о монгольском праве, строительству буддийского храма в Санкт-Петербурге и буддийским мотивам в монгольском романе начала XX в.

5. Россия — Монголия. Век добрососедства и сотрудничества. К 100-летию установления дипломатических отношений. М.: Фонд «Связь Эпох», 2021. 168 с.

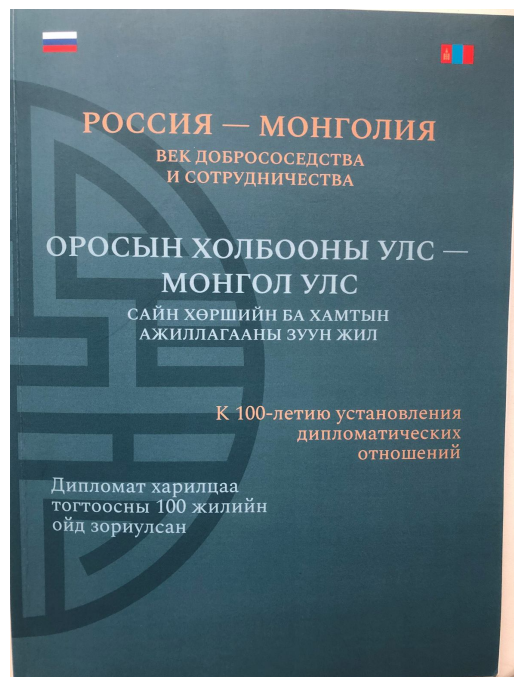
Предлагаемая книга представляет собой двуязычный богато иллюстрированный Каталог, приуроченный к открытию историко-документальной выставки «Россия — Монголия: век добрососедства и сотрудничества. К 100-летию установления дипломатических отношений», которое состоялось 2 сентября 2021 г. во Владивостоке в Дальневосточном федеральном университете в рамках Восточного экономического форума.

Выставка организована Федеральным архивным агентством, Российским историческим обществом, фондом «История Отечества» и Главным архивным управлением Монголии. Участниками проекта стали Государственный архив РФ, Российский государственный архив в г. Самаре, Российский государственный архив кинофотодокументов, Российский государственный архив научно-технической документации, Российский государственный архив социально-политической истории, Российский государственный архив новейшей истории, Российский государственный архив экономики, Российский государственный военный архив, Историко-документальный департамент МИД России, Архив внешней

политики РФ, Архив президента РФ, Национальный архив Монголии, Государственный музей Востока. Партнеры и спонсоры проекта — Газпромбанк и ОАО «РЖД».

2021 год в истории Монголии и российско-монгольских отношений ознаменован рядом юбилейных дат: 100-летием образования Монгольской народной партии; 100-летием национально-демократической революции; 100-летием создания Монгольской народно-революционной армии; 100-летием основания Ученого комитета, прообраза Академии наук Монголии; 60-летием принятия МНР в члены ООН; 40-летием совместного полета в космос российско-монгольского космического экипажа. Все эти даты тесно связаны со знаковым событием в истории двух стран, заложившим правовые основы двусторонних отношений — подписанием Соглашения между правительством РСФСР и Народным правительством Монголии об установлении дружественных отношений.

Руководителем проекта выступил А. В. Юрасов, автором концепции — К. В. Орлова, составителем каталога — М. О. Болотина.

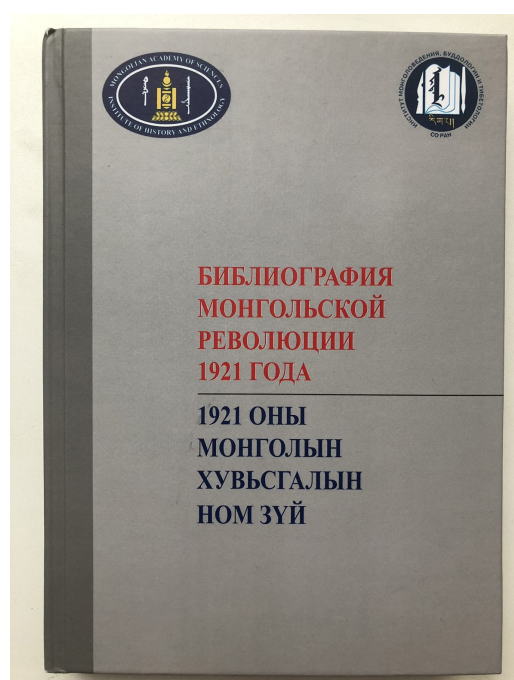

Каталог полностью отражает экспозицию выставки, которая была представлена документами из федеральных и ведомственных архивов России и Национального архива Монголии, а также экспонатами из фондов Государственного музея Востока. В документах были воспроизведены основные вехи российско-монгольских взаимоотношений: установление дип-

ломатических отношений в 1921 г., поддержка советским государством Монгольской народной республики, совместное отражение японской агрессии на Халхин-Голе, что способствовало сохранению независимости Монголии, взаимопомощь в годы Великой Отечественной войны и в первые послевоенные годы, строительство Улан-Баторской железной дороги, экономическое, политическое и культурное сотрудничество двух государств во второй половине XX в., продолжением которого стало стратегическое партнерство в начале XXI в.

Автор предисловия Каталога К. В. Орлова проследила историю взаимоотношений Монголии и России на протяжении последнего столетия, остановившись на всех значительных событиях века, и отметила, что, несмотря на драматизм истории прошедшего века, в которой были и революционные потрясения, и Вторая мировая война, и распад Советского Союза, в них всегда превалировало понимание того, что Россия и Монголия связаны особыми отношениями, обусловленными историческими, геополитическими и культурно-цивилизационными факторами. Автор считает, что «основные принципы российско-монгольских отношений, заложенные Соглашением 1921 г. выдержали испытание временем» и сегодня «Россия и Монголия вступили на качественно новую ступень взаимоотношений, базирующуюся на общей заинтересованности развивать всеобъемлющее стратегическое партнерство» (с. 11).

6. Библиография монгольской революции 1921 г. / отв. ред Л. В. Курас, Н. Хишигт / науч. ред. С. В. Васильева; сост. Л. В. Курас, Н. Хишигт, Ч. Батдорж, Б. Д. Цыбенков, Ц. С. Очиров, Н. Наранжаргал. Улан-Удэ; Улан-Батор, 2021. 320 с.

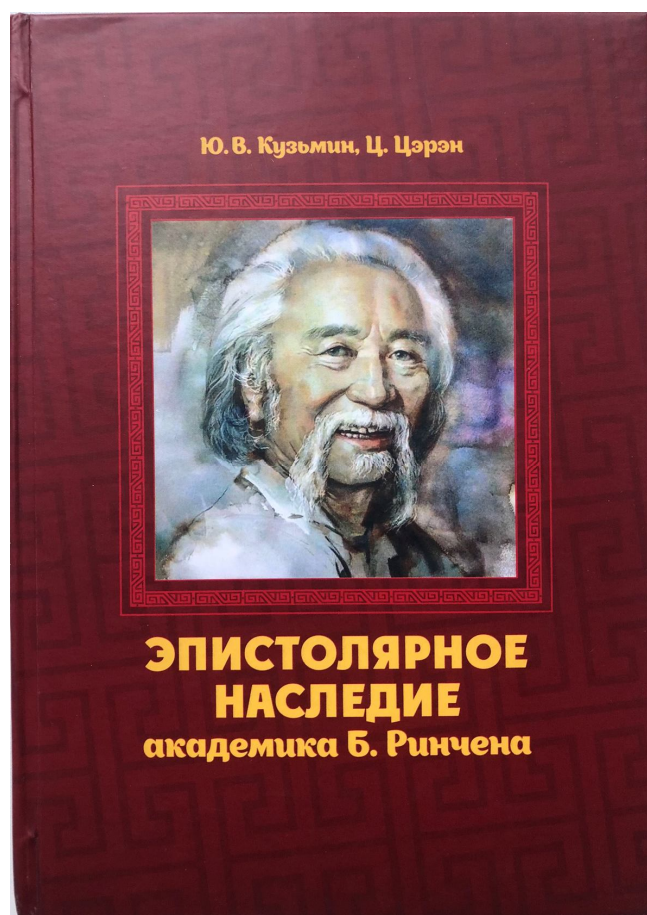
Издание выполнено силами сотрудников Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН и Института истории и этнологии Монгольской академии наук

Составители отмечают, что российское монголоведение является одним из старейших отраслей отечественного востоковедения, что обусловлено длительными разносторонними российско-монгольскими связями и территориальной близостью двух стран. Представленная библиография является основой и информативной базой для выяснения современного состояния и уровня исследований по проблемам монгольской революции 1921 г. Это первый тематический указатель, в котором присутствует библиография, включающая кроме первых научных работ по монгольской революции труды, написанные после 1970 г. Авторы справочника рассматривают революцию 1921 г. в Монголии как органичное продолжение национальной революции 1911 г., поэтому в книгу вошли произведения о событиях, про-

изошедших в десятилетие между этими двумя революциями. В библиографии представлены труды российских и монгольских специалистов-историков: библиографические указатели, монографии, статьи, опубликованные в тематических сборниках, материалы научных конференций, периодические и серийные издания, материалы энциклопедий, словарей и справочных изданий, диссертации и авторефераты. Материал разделен на две части: издания на русском

и на монгольском языке. Библиография включает всего 1862 названия. Есть именной указатель к российской и отдельно — к монгольской библиографии. Первая попытка составления тематического указателя по библиографии монгольской революции 1921 г. на монгольском и русском языках вполне может быть признана успешной и полезной для научного сообщества монголоведов.

7. Кузьмин В. Ю., Цэрэн Ц. Эпистолярное наследие академика Б. Ринчена. Улан-Батор; Иркутск. Изд-во «Оттиск», 2021. 180 с.

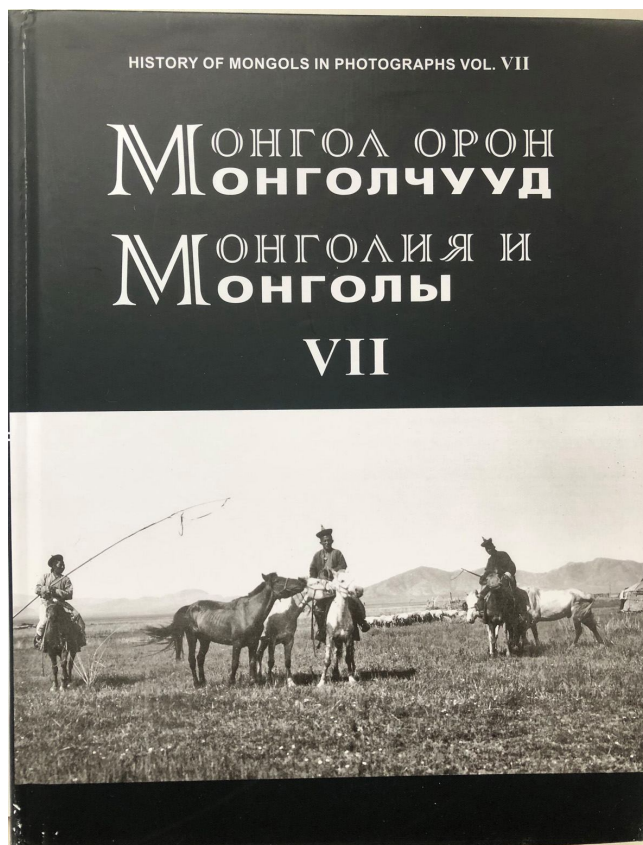

Данная книга посвящена научной и личной переписке выдающегося монгольского ученого, писателя, этнографа, историка культуры, журналиста, переводчика — академика Юншебу Ринчена (1905–1977), который состоялся в каждой из этих сфер как крупный знаток и выдающийся исследователь. Его яркая

и трудная жизнь, с репрессиями, критикой и гонениями, полна неустанныго труда и богата высокими научными достижениями. Труды Б. Ринчена изданы на многих языках, получили национальное и мировое признание. Ученый стал академиком и лауреатом Государственной премии Монголии, почетным членом многих иностранных научных обществ. Эпистолярное наследие Б. Ринчена чрезвычайно обширно. В предисловии авторы отмечают, что «научная переписка Б. Ринчена свидетельствует о глубине и широте научных поисков ученого, оригинальности его научных идей и творчества, научной честности и бескомпромиссности ученого, а также широте научных связей исследователя с российскими и зарубежными монголоведами и писателями. В книге представлены письма российских ученых и писателей, среди них: А. Бальбуров, А. П. Костицын, А. Гатов, Н. Н. Поппе, А. Сандерс, С. А. Кондратьев, Е. М. Даревская, Н. Ц. Мункуев, В. Д. Виноградов, С. П. Балдаев, Л. Н. Гумилев, Б. Ф. Поршнев, М. Ф. Несрух, К. Седлачек (Чехия), Э. Триярский, Р. Ямна, В. Плавински (Польша). В книгу вошли письма ученого политическим деятелям, главам государств — Ю. Цеденбалу, Н. С. Хрущеву, Л. И. Брежневу. Перед текстами писем помещена автобиография Б. Ринчена, написанная им в 1956 г. Письма снабжены комментарием, в котором даются краткие сведения о корреспондентах. Интерес представляет также Приложение, в него вошли переводы Б. Ринчена на русский язык пяти образцов народного юмора, среди которых миниатюры «Чудные времена», «А князь — Болван из Болванов», «Осталось только одно место», «Из монголов только я Манибадар», сюда же включен рассказ Х. Мэргэна о Б. Ринчене, изданный в сборнике «Степные были и небылицы» в Улан-Удэ в 2010 г.

8. Монголия и монголы. VII «Северная Монголия в объективе экспедиции Д. Э. Ухтомского». Каталог коллекции Российского этнографического музея / гл. ред. С. Чулуун; сост. М. В. Федорова, К. Ю. Соловьева, С. Чулуун. Улан-Батор. Изд-во «Соёмбо принтинг», 2020. 296 с. ISBN 978-9919-9646-2-7

(на монгольском языке: Монгол орон монголчууд. VII «Д. Э. Ухтомский 1913 оны экспедицийн дуранд тодорсон умард Монгол. Оросын угсатны зүйн музейн гэрэл зургийн цуглуулга» / Еронхин ред. С. Чулуун. Эмхэтгэсэн: М. В. Федорова, К. Ю. Соловьева, С. Чулуун. Улаанбаатар, Хэвлэлийн газар «Соёмбо принтинг», 2020).

Альбом является частью научного и культурного проекта, осуществляемого Институтом истории и этнологии Монгольской академии наук и Международной ассоциацией монголоведения с 2015 г. В рамках этого проекта издается серия фотоальбомов «Монголия и монголы». Изданию предшествует большая работа по поиску, совместному исследованию, копированию снимков, сделанных исследова-

телями и путешественниками, посетившими в разное время Монголию. Фотографии, являясь бесценными документами, хранящими знания об этнографии, истории, быте, культуре, религии монгольского народа со времен использования первых фотографических снимков, находятся в разных архивах мира. Большинство их публикуется впервые. Предыдущие альбомы включали фотографии из архивов Монголии, в один альбом вошли фотографии российского ученого археолога Г. И. Боровки во время археологических раскопок курганов Ноин-Ула, представляющих собой тюркские захоронения I в. до н. э. — I в., есть также издание фотографий, находящихся в Музее антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамере) Российской академии наук. Настоящий Альбом содержит фотографии, выполненные этнографом, сотрудником Российского этнографического музея (в то время: Русский музей императора Александра III) во время экспедиции в Северную Монголию в 1913 г. Как указывают составители Альбома: «Эта коллекция признана жемчужиной фотографического собрания РЭМ» (с. 20). В настоящее время сохранились 263 оригинальных снимка. Всего в Альбом вошло 212 фотографий. Несомненно, эти фотографии, содержащие богатые сведения о многих сторонах жизни монголов того времени, стали ценнейшими научными источниками, свидетельствующими об огромной роли экспедиции Д. Э. Ухтомского. Альбом имеет глоссарий, список материалов архива РЭМ, относящихся к экспедиции Д. Э. Ухтомского в Монголию в 1913 г. и ее участникам, каталог фотографий. Выполнен на высоком научном и полиграфическом уровне. Представляет большой интерес для исследователей и всех интересующихся Монголией.

ПАМЯТИ ЕЛЕНЫ ЮРЬЕВНЫ ХАРЬКОВОЙ (1955–2021)

О Елене Юрьевне Харьковой уже сказано много хороших слов, написаны воспоминания-некрологи¹. Воспоминания трогают своей искренностью, болью за безвременную потерю прекрасного человека, освещают воспитание, талант и творческие достижения Елены Юрьевны. Хотелось бы добавить к сказанному несколько слов о ней как об университетском преподавателе и ученом-тибетологе.

Елена Юрьевна Харькова
(1955–2021)

Е. Ю. Харькова по образованию филолог, она окончила английское отделение Ленинградского государственного университета. С 1988 по 1991 г. работала научным сотрудником в Государственном музее-заповеднике «Ораниенбаум». Возможно, в эти годы Лена, будучи крещеной, увлеклась буддийской философией, занималась тибетским языком, выучила японский и испанский языки. С 1991 по 2002 г. Е. Ю. Харькова руководила издательским отделом дацана Гунзэчойнэй в Санкт-Петербурге. Дацан издавал буддийские книги, брошюры, календари, учебную и духовную литературу. Так, например, Елена Юрьевна и её сотрудник буддийский монах Александр Морозов активно содействовали переводу, доработке и публикации в 1997 г. уникальной на тот период книги С. Ходжа «Введение в классический тибетский язык». Учебник в определенной мере за-

полнил пробел с учебными пособиями по тибетскому классическому языку в России, использовался при обучении студентов-тибетологов на Восточном факультете СПбГУ, быстро стал библиографической редкостью. В 1997–1998 гг., получив благословение настоятеля дацана ламы Данзан-Хайбзуна (Ф. С. Самаева), Е. Ю. Харькова обучалась тибетскому языку и буддийской философии в Библиотеке тибетских трудов и архивов в г. Дхармасала, Индия.

По независящим от неё причинам Е. Ю. Харьковой пришлось уйти из дацана, но она продолжила активные тибетологические и буддологические исследования. Елена Юрьевна поступила в аспирантуру Санкт-Петербургского филиала Института востоковедения, в 2006 г. защитила диссертацию на соискание ученой степени кандидата исторических наук на тему «Сочинения Муге Самтэн Гьяцо (1914–1993) как источник изучения истории тибетобуддийской культуры». Муге Самтэн Гьяцо широко известен в Тибете, КНР и тибетской диаспоре в Индии как знаток традиционной культуры, просветитель, религиозный и общественный деятель. В диссертации впервые в истории отечественной науки рассматривается письменное наследие Муге Самтэн Гьяцо. Е. Ю. Харькова опубликовала ряд ценных научных работ, среди них монографию «Введение в источниковедение буддизма: Индия, Тибет, Монголия» и работала над её продолжением. В опубликованной книге дан подробнейший обзор буддийских источников — как переводов канонических текстов, так и оригинальных сочинений. Одновременно Елена Юрьевна преподавала тибетский язык при дацане, работала переводчиком у доктора тибетской медицины Церинга. В 2014 г. Е. Ю. Харькова в течение двух месяцев читала лекционный курс студентам Агинской буддийской академии. Она была также инициатором научного проекта Фонда бурятской культуры «Ая-Ганга» — научной конференции «Доржиевские чтения», которая впервые была организована в 2004 г. и с тех пор регулярно проводится один раз в два года.

В начале 2000-х гг. Е. Ю. Харькова преподавала тибетский разговорный язык на Восточном факультете СПбГУ, в то время как первым преподавателем разговорного тибетского языка в Санкт-Петербургском университете была в 1996–2000 гг. Р. Н. Крапивина. Ранее на кафедре монгольской филологии Восточного факультета преподавался практически только классический тибетский язык (язык тибетских

¹ URL: <https://ayaganga.ru/2021/08/17/ушла-из-жизни-харькова-елена-юрьевна/> (дата обращения: 12.11.2021).

буддийских текстов). Благодаря Елене Юрьевне студенты получили возможность улучшить своё знание как разговорного, так и современного литературного тибетского языка, что поднимало обучение будущих востоковедов на более высокий уровень. Студенты отмечали прекрасное владение тибетским языком и преподавательский талант Елены Юрьевны, которая могла доступно и понятно излагать материал.

Знания, обаяние и доброта Лены были таковы, что она очаровывала людей с первого взгляда, с первых слов. Во второй половине 1990-х гг. мы со студентами-первокурсниками отделения тибетской филологии кафедры монгольской филологии Восточного факультета Ленинградского государственного университета пришли на экскурсию в Петербургский дацан. В дацане группу приняла и провела экскурсию Елена Юрьевна, в дальнейшем ставшая их университетским преподавателем. Широкий кругозор, увлеченность, глубокое знание буддизма и тибетско-

го языка, искреннее желание поделиться ими со студентами «зажигали» учеников.

Думаю, главными чертами Елены Юрьевны были ответственность и доброжелательность. Любое дело она доводила до совершенства, все делала безупречно. Книги, журналы, сборники статей, над которыми она работала, в том числе как редактор, поражали своим высоким научным уровнем. При огромной загруженности она находила время помогать другим своими советами, участием. При этом — бессребреничество, честность и благородство поражали тех, кто знал Елену Юрьевну. Неожиданным и горьким для всех было известие о её скоростной смерти. Мы потеряли одного из лучших людей и специалистов, но благодарная память о Елене Юрьевне и плоды её добрых дел будут с людьми навсегда!

Б. М. Нармаев

Е. Ю. Харьковская писала также рассказы. Ниже мы публикуем один из ее неопубликованных рассказов,

который она планировала издать в журнале Байкал, однако не успела.

СИБИРСКАЯ ИСТОРИЯ

Ранней весной позвонила моя сибирская подруга Лара и, как всегда, обрушила на меня поток новостей: её муж получил предложение поработать в Швеции и они должны были пробыть там все лето. Она пригласила меня пожить «на природе», у них на даче (все перипетии строительства этой дачи обсуждались нами последние полтора года). Чувствуя в моем голосе некоторую нерешительность, Лара продолжала настаивать. Ее натиску было совершенно невозможно противостоять, и я сдалась.

В условленный день она встретила меня на маленькой железнодорожной станции Таксимо, где поезда стоят не дольше двух минут. До Нэйхы, цели нашего путешествия, было километров триста — такие пустяки по сибирским представлениям, и мы немедленно отправились в путь, чтобы приехать засветло. Подставив лицо теплему ветру, я не отрываясь смотрела в окно машины: после привычных равнин и плоского серого неба глаз радовали поросшие соснами сопки, обилие солнца и ясная голубизна, в которой причудливо клубились белые облака.

Когда мы подъезжали к дому, Лара вдруг немного смущенно сказала: «Извини, забыла предупредить тебя. Примерно за неделю до твоего приезда забрел в наши края один дедушка — якут, кажется... Попросил, чтобы разрешили ему месяца три пожить во времянке позади дома. Времянкой этой мы сейчас не пользуемся, вот и разрешили. Он не будет тебе докучать. Целыми днями со своей собакой пропадает в тайге — всё травки какие-то собирает... Да ты и видеть-то его не будешь: уходит до восхода солнца и возвращается только к вечеру».

— Ладно, Лара, не беспокойся. Такое соседство может оказаться даже полезным: вдруг старик знает местные традиции, легенды. Это же так интересно!

— О, да ты, оказывается, безнадежный романтик! — в ее устах это была весьма нелестная характеристика. — Не понимаю, что может быть интересного в этой примитивной культуре? Сплошные суеверия и дикие обряды.

Возражать ей было бессмысленно, ибо она была человеком от «современности».

Мы прибыли на место во второй половине дня. Дача стояла на вершине холма среди сосен, почти на краю поселка. Приблизительно в полукилометре от нее начиналась настоящая тайга, которой, казалось, не было конца и края. У самого подножия холма исток змейкой вилась речка. На западе череда невысоких поросших лесом гор утопала в золотистых лучах заходящего солнца.

После ужина мы совершили экскурсию по дому, который был действительно великолепен. Солнце зашло, в небе неподвижно висели длинные, словно стрелы, облака. Сгустившийся в низинах легкий туман делал вершины сопки похожими на острова в молочно-белом океане. Становилось довольно прохладно. Лара наконец закончила свои сборы и сказала: «Все-таки надо представить тебя нашему „постояльцу“. Он, наверное, уже вернулся. Пойдем, пока не стемнело».

Мы прошли на задний двор. Дверь во времянку была полуоткрыта, на небольшом крыльце лежал пес светлой масти, похожий на помесь хаски. При нашем

приближении он встал, вглядываясь в нас своими голубыми глазами.

— Не бойся, он добродушный, — подбодрила меня подруга, проходя мимо собаки.

Пес дружелюбно завилял хвостом и снова улегся на крыльце, видимо, не заметив в нас ничего угрожающего.

— Эй, дедушка, вы дома? — спросила Лара и вошла, не дожидаясь ответа.

Я в нерешительности остановилась на пороге, но она тут же окликнула меня: «Входи скорее, он здесь». Мы оказались в сумраке времянки, которую через небольшое оконце освещал только свет уходящего дня. Навстречу нам хлынули запахи трав и недавно оструганного дерева. У большого, сколоченного из досок стола стоял невысокий худощавый человек. Его длинные седые волосы были заплетены в косу, лица было не разглядеть: он склонился над столом, где лежали какие-то растения и аккуратная стопа мешочков, сделанных, как мне показалось, из тонкой кожи.

— Здравствуйте, дедушка, — приветствовала своего постояльца Лара. В ответ он только кивнул головой.

— Я на некоторое время уеду. В доме будет жить моя подруга Света, — она слегка подтолкнула меня вперед. — В случае чего, обращайтесь к ней. — Лара говорила голосом чуть громче обычного, словно с человеком, который слабо слышит, или с иностранцем.

— Я понял, — ответил старик. Он окинул меня быстрым взглядом и, больше не обращая на нас никакого внимания, продолжал заниматься своим делом. Ненадолго все замолчали.

— Можно узнать ваше имя? — решила спросить я.

— Можно. Эллей мое имя, — отвечал он, перебирая свои травы.

Было уже совсем темно. Мы попрощались и вышли. Дружелюбный пес, дремавший на пороге времянки, даже не пошевелился. Мне было немного не по себе: каково же жить в этом домишке, куда так легко проникает ночной холод, без электричества и воды!

— Лара, не пригласишь ли ты старика на чашку чая? — спросила я.

— Ты с ума сошла! Я хочу провести остаток вечера с тобой... Не заставляй меня жалеть о том, что я разрешила ему остаться.

— Да полно тебе. Я ведь просто спросила.

— И, пожалуйста, не пускай его в дом. Кто знает, где он шатается целыми днями!

Мне всегда было трудно уснуть на новом месте, к тому же лавина новых впечатлений, волнение от встречи с подругой и усталость, которая странным образом превратилась в свою противоположность, не давали мне сомкнуть глаз. Я вышла на крыльцо,

чтобы подышать свежим ночным воздухом. Полная луна хорошо освещала необъятные пространства окрестных лесов. В безоблачном серебристом небе, плавно кружа над соседними холмами, скользила какая-то могучая птица. Вдруг умолк беспорядочный шёпот моих мыслей — всё затмила сияющая, словно новый стальной клинок, грозная красота. Я не возвращалась в дом до тех пор, пока силуэт огромной птицы не пропал в вышине.

Утром мне были даны последние инструкции, мы наскоро позавтракали и стали укладывать в багажник машины Ларины чемоданы. Настало время прощаться, и она, пообещав звонить, отправилась в долгожданную поездку «на Запад».

Располагавшиеся в центре поселка почта, банк и аптека выходили на маленькую площадь, посередине которой стоял пустой пьедестал. Поблизости был рынок, где довольно бойко торговали молочными продуктами, овощами, кедровыми орехами и «серой» — веществом из древесных смол, успешно конкурировавшим у местного населения с жевательной резинкой. Обойдя центр поселка минут за пятнадцать и не найдя там для себя ничего интересного, я направилась к Лариной даче, которая теперь надолго должна была стать моим домом.

Постепенно осваиваясь на новом месте и привыкая к необычному для себя образу жизни, я не заметила, как пролетела целая неделя. Мне казалось, что здесь, «на краю света», среди покоряющей душу красоты ко мне вот-вот вернутся прежние силы, придет желанная ясность мысли и уверенность в правильности каждого шага. Увы, пока это были лишь надежды, на самом же деле меня словно подтачивал какой-то глубоко затаившийся недуг.

Каждый вечер из окна кухни, выходявшего на задний двор, я видела, как Эллей со своей собакой возвращается домой. Он заходил во времянку, оставлял там свой рюкзак, шел на реку освежиться и вновь скрывался за дверью своего пристанища. Мне было как-то неловко оттого, что рядом в столь трудных условиях живет этот человек, по неведомым причинам внушавший мне чувство глубокого уважения. Однако его суровость и явное нежелание общаться наводили на мысль о том, что моя попытка вмешаться в его дела может быть ему неприятна.

Однажды вечером, сидя на кухне за вечерним чаем, я почувствовала какое-то смутное беспокойство. Скоро мне стала ясна его причина: солнце стояло уже совсем низко, а старик все не возвращался. Я взяла книгу, вышла из дома и расположилась на ступеньках крыльца, чтобы лучше видеть дорогу, терпящуюся в глубинах тайги. Мне, конечно, было не до чтения.

Примерно через полчаса напряженного ожидания я наконец увидела Эллея, поднимавшегося по склону холма совсем не с той стороны, с какой я ожидала. У меня отлегло от сердца. Пес проскользнул в при-

открытую калитку, за ним во двор вошел его хозяин и вдруг, поравнявшись с крыльцом, слегка замедлил шаг. Это был мой шанс поздороваться с ним.

— Здравствуй, — ответил он, остановился и скинул с плеч свой, по-видимому, очень тяжелый рюкзак. — Откуда приехала? Надолго?

Мне ничего не оставалось, как подняться со ступенек крыльца и сделать шаг ему навстречу.

— Я приехала с северо-запада, из Петербурга. Останусь здесь на все лето.

Наконец я осмелилась взглянуть на него. Его лицо излучало какую-то непонятную силу; смуглая кожа совсем потемнела от солнца, и это немного смягчало его резкие черты. В чуть раскосых карих глазах светился живой ум. Эллей смотрел на меня спокойно и доброжелательно.

— Давно ты болеешь? — вдруг спросил он.

Этот неожиданный и прямой вопрос ошеломил меня. Он продолжал внимательно смотреть на меня.

— Да вот, неважно чувствую себя около года, — ответила я. — Наши доктора у меня ничего не находят, а мне становится все хуже. Моя подруга сказала, что вы хорошо разбираетесь в травах. Может быть, вы сможете помочь мне?

Он задумался.

— Я мог бы попытаться... Но мне необходимо твое доверие. Ты сможешь довериться мне?

— Да, — сказала я без малейших колебаний.

— Хорошо. Утром посмотрим, что можно сделать. Сейчас ложись спать, встанешь с рассветом. Я приду.

Поблагодарив его, я вошла в дом, не чувствуя под собой ног от навалившейся вдруг усталости.

Когда утром Эллей появился около дома, я уже ждала его. Мы прошли в гостиную. В руках у него был небольшой мешочек, из которого он достал сухие ветки можжевельника. Он усадил меня на стул, зажег ветки и окурил комнату, что-то едва слышно напевая в такт своим движениям. Внимательно осмотрев мои глаза, язык, ногти и волосы, он заставил меня пройти, наблюдая за моей походкой. Потом долго держал центр ладони у моего межбровья, над темением и у сердца, словно к чему-то прислушиваясь. Наконец, подробно расспросив обо всем, что беспокоило меня, сказал:

— Когда вернусь, приготовлю тебе лекарства. Будешь принимать их, не пропуская ни одного дня.

— Но в чем причина моей болезни? Можно ли вылечить меня?

— У болезни может быть много причин. Одни коренятся в нашем прошлом, другие — в наших мыслях и чувствах. Мир смотрит на нас тысячами глаз, и далеко не все они добры... Ты понимаешь меня?

— Стараюсь понять.

— Ты будешь здорова, если сама того захочешь. А сейчас тебе нужно поспать, трудно ведь так рано вставать с непривычки! — Он уже повернулся, что-

бы идти к себе, но я успела заметить тень улыбки, скользнувшую по его лицу.

Часа через три, когда солнце стояло уже высоко, меня разбудили звуки проснувшегося поселка. Автоматически сделав все, что наметила на утро, я подошла к большому зеркалу в Лариной спальне. Меня вовсе не порадовало то, что отражалось в нем: какой-то взъерошенный больной воробей — вот кого напоминала я больше всего. Мои светлые волосы, тусклые и жесткие, смешно торчали в разные стороны, прежде веселые серые глаза погасли, тонкие руки были беспомощно опущены вдоль тела. «А ведь мне нет еще тридцати! Так не должно быть, да так больше и не будет. Я наконец-то стану сама собой, ведь теперь у меня появился помощник. Вот только кто он, этот удивительный человек?» — размышляла я, стоя перед зеркалом.

Когда вечером Эллей вернулся, он снова застал меня сидящей на ступеньках крыльца.

— Зайди ко мне через час за своими лекарствами, — сказал он, проходя мимо.

— Спасибо... Может быть, вы голодны или хотите горячего чая?

Он засмеялся.

— Если буду так поздно есть, ленивым стану, долго ходить по тайге не смогу!

С каждым днем я все явственнее осознавала, что, словно фальшиво звучащий инструмент, Эллей настраивает меня на правильный лад своими травами. Он заставлял меня много двигаться, иногда поручая сходить в противоположный конец поселка за какой-нибудь якобы нужной ему мелочью, и краем глаза наблюдал за тем, как мы с его псом по кличке Волк возимся и бегаем во дворе. Я научилась вставать с восходом солнца и обнаружила, что ранние утренние часы полны особого очарования и дарят силы радостно прожить день.

Теперь мне удавалось совершать довольно долгие путешествия вдоль речки, огибавшей поселок и впадавшей в озеро, где с утра до ночи купалась местная детвора. Во время одной из таких прогулок я заметила, что за лист осоки, росшей у самой воды, зацепилось большое бурое перо с черным кончиком. Мне вспомнилась птица в ночном небе, полетом которой я долго любовалась. Стараясь не уронить свою находку в реку, я осторожно извлекла перо из травы, положила между страниц альбома для карандашных зарисовок и направилась к дому, от которого ушла на порядочное расстояние. После нескольких часов странствий по окрестностям я задремала прямо на ступеньках крыльца. Меня разбудил тихий смех Элрея.

— Эй, проснись, я принес тебе немного ягод, — сказал он, протягивая мне маленький берестяной тесок, полный земляники.

— Какие красивые! Чудный аромат. Спасибо...

Он кивнул и собрался идти к себе. И тут, совершенно неожиданно для себя, я спросила:

— Скажите, орлы охотятся ночью?

— Нет... обычно нет. Почему ты спросила? — в его голосе звучало неподдельное удивление.

— В мою первую ночь здесь мне не спалось. Я вышла во двор и увидела в небе какую-то огромную птицу. Мне показалось, что это был орел.

— Кто знает... Может быть, — сказал он, задумчиво глядя на меня.

Однажды вечером Эллей вернулся раньше обычного и объявил, что в течение ближайших трех дней никуда не пойдет, потому что все это время будут проливные дожди. Он принялся осматривать крышу временки, чтобы залатать прорехи, через которые внутрь могла проникнуть влага. Тогда пропал бы весь его труд — травы, собранные и высушенные для приготовления лекарств.

— Не лучше ли перенести все в дом? Там достаточно места, и кровля надежная, — предложила я.

Он, к моей радости, согласился, и мы до заката перенесли в дом все его драгоценные запасы. Волк, вероятно чувствуя перемену погоды, заметно нервничал и звонко лаял, пока мы ходили между домом и временкой.

— Завтра осматрю тебя, — сказал Эллей. — Будь готова часам к семи утра.

— Вы позволите мне готовить еду для вас и Волка в эти дни? У меня полный холодильник продуктов, а в ливень вы вряд ли пойдете в поселок.

— О, ты очень добра к нам... Да, приятель? — сказал он и потрепал пса по голове. — Посмотрим, каков он будет, завтрашний дождь...

Я благодарила судьбу за надвигающуюся непогоду, надеясь, что наконец получу долгожданную возможность поговорить с Эллеем и хоть что-нибудь узнаю о нем. Солнце садилось в рваные лиловые тучи, вода в речке казалась свинцовой, ветер совсем стих — все это явно предвещало непогоду. Далеко на западе сверкали зарницы, на нас медленно шел грозовой фронт. «Странно, — подумала я, — ни в каких прогнозах о грозе в этом районе не упоминалось. Лара говорила, что в это время дожди здесь большая редкость». Однако ранним утром, как и предсказывал Эллей, на поселок обрушился настоящий ливень.

Он успел прийти перед самым дождем. Повторился ритуал моего осмотра. Я действительно стала чувствовать себя намного лучше, о чем и сообщила своему необыкновенному доктору. Он лишь покачал головой, заметив, что мне придется еще многое понять и многое изменить в своей жизни, чтобы стать по-настоящему здоровой.

Над нами бушевала одна из тех страшных гроз, когда молнии сверкают одна за другой и кажется, что небо вот-вот расколется на части от ударов грома.

— Вам нельзя оставаться в этой старой временке в такую непогоду. В доме есть свободная комната, просторная и светлая, вам будет там удобно!

— Ты что же, погостить меня приглашаешь? — спросил Эллей. Голос его прозвучал неожиданно мягко, в нем даже не было обычной насмешливой нотки. Мне показалось, что он был рад.

— Конечно! Нужно же вам где-то укрыться от дождя.

В тот день мы завтракали вместе в первый раз. Он почти ничего не ел и, заметив, что меня это огорчает, сказал: «Сейчас особое время: я запасаюсь травами на целый год. Для этого нужны чистота, легкость и сила, поэтому приходится воздерживаться от обычной еды». Я приняла это объяснение, не задавая никаких вопросов, хотя оно немного озадачило меня.

Постепенно в наших отношениях исчезла всякая принужденность. Пользуясь неожиданным затворничеством, Эллей посвящал много времени сортировке и обработке всего найденного им в тайге, я же с удовольствием выполняла обязанности «хозяйки дома». Но в эти ненастные дни у нас, как я и надеялась, было достаточно времени для разговоров. Эллей оказался великолепным собеседником: он обладал чувством юмора, тактом и даром рассказчика. Позже выяснилось, что он действительно прекрасно знал историю здешних мест, эпос, охотничьи истории, сказки. Его можно было слушать бесконечно.

Поскольку дождь не унимался, в доме стало прохладно, и я спросила, не хочет ли он выпить немного красного вина. Он покачал головой и сказал: «Думаю, свою долю вина я уже выпил...» С минуту он молчал, а потом коротко поведал мне историю своей жизни: «Я рос в маленьком селе, затерянном в тайге. В тех краях мой отец прослыл гордецом. Он был потомком известного якутского рода, но утратил с ним всякую связь, и это не могло не сказаться на его характере. Он презирал односельчан, а они втайне посмеивались над ним и сторонились его. Только моя мать прощала ему все — замкнутость, внезапные вспышки гнева, даже побои. От одиночества и безысходности отец стал много пить. Мальчишкой я тоже был совершенно несносен: мог вспылить, полезть в драку, схватиться за нож. Моя несчастная мать не знала, как удержать меня от беды. Однажды сверстники страшно избили меня. Отец, увидев мой позор, пришел в ярость, схватил кнут и нанес мне несколько беспощадных ударов, приговаривая: „Ах ты, трусливый щенок! Научись стоять за себя. Если я еще раз увижу тебя побитым, знай, я убью тебя“. Спиртное придавало мне храбрости, я дрался отчаянно, и многие предпочитали со мной не связываться. Однажды мои недруги подкараулили меня на окраине села. У них были ножи... Я чудом выжил. Когда отец умирал, он подозвал меня к себе и прошептал свое последнее напутствие: „Сын, береги себя, никогда больше не дерись!“

Прошло несколько лет. Я женился на девушке, которую сильно полюбил. Она была необыкновенно хороша собой и к тому же обладала голосом редкой красоты. Она знала много наших якутских песен, и

люди иногда приходили издалека специально, чтобы послушать ее. У нас родилась дочь. Три года мы были совершенно счастливы. Однажды, когда я уехал на заработки в Иркутск, в наш дом вломились бежавшие из лагеря уголовники. Уходя они убили всех, не пожалев и мою маленькую дочку. На какое-то время я словно лишился рассудка. Решил, что мне больше незачем жить, и ушел в тайгу, чтобы там сгинуть. Сколько времени я в полном безумии бродил без воды и пищи, не знаю... Очнулся в доме одного человека, уединенно жившего на краю тайги. Он спас меня — подобрал, вылечил и научил всему, что я знаю. В родное село я так и не вернулся, остался с ним. С тех пор как он умер, я один живу в его доме».

— И у вас совсем никого нет?

— Никого... Но, знаешь, вокруг так много страдающих, больных, отчаявшихся людей. Они каким-то образом находят меня. Уж, видно, Творцу было угодно, чтобы я научился помогать им...

Когда через три дня погода стала налаживаться, Эллей решил перебраться в свою временку. Мне пришлось остановить его:

— По-моему, в этом нет никакого смысла. Поймите, и мне спокойнее, если я буду не одна в этом доме, и вас больше не застанет врасплох непогода.

— Твоя подруга может рассердиться, да и зачем тебе лишние хлопоты?

— Подруга не рассердится. А для меня... какие там хлопоты... Позвольте же хоть что-нибудь сделать для вас! — пыталась убедить его я.

Он ничего не ответил и стал собирать свои мешочки с травами. Вдруг Волк подошел ко мне и слегка подкинул вверх мою ладонь своим широким лбом, как он часто делал, приглашая меня поиграть. Увидев это, Эллей усмехнулся и сказал: «Хорошо. Мы останемся».

Он уходил в тайгу на целый день, но вечером у меня были драгоценные пятнадцать-двадцать минут, чтобы побеседовать с ним, и он охотно отвечал на мои вопросы, особенно если я не понимала его указаний. Иногда он рассказывал что-то из своих дневных впечатлений, но чаще шел работать на веранду дома, куда мы перенесли его «аптеку», а потом, выпив горячего отвара из каких-то трав, ложился спать.

Время летело очень быстро, и мне было страшно подумать о том, что три месяца, которые Эллей собирался провести в Нэйхы, однажды истекнут. После мучительных раздумий, я все-таки попросила его: «Возьмите меня, пожалуйста, с собой в тайгу, хотя бы один раз!»

Он, казалось, удивился.

— Ты же знаешь, я быстро пойду. Дорога будет очень трудная. Не понимаю, зачем тебе это нужно? — Он усмехнулся и, чуть понизив голос, добавил: — Еще меньше я понимаю, зачем это нужно мне...

— Я постараюсь не быть вам в тягость. Не буду успевать за вами — вернусь.

К моей радости он пообещал взять меня с собой на следующей неделе, если к подобному путешествию не будет никаких препятствий.

Наконец долгожданный день наступил. Эллей строго-настрого запретил мне брать с собой любые продукты, позволил взять лишь немного воды. Перед тем как мы вышли из дома, он дал мне небольшую склянку с какой-то мазью, пахнувшей смолой и ванилью, и велел натереть все тело, чтобы не донимали комары и мошка. Убедившись, что мой рюкзак почти невесом, он осмотрел мою походную обувь, кивнул головой и сказал, что можно выходить.

Мне действительно было очень трудно идти в нужном темпе, да это было бы просто невозможно, не научи он меня правильно дышать во время движения, — и кое-как я успевала за ним. Если я сильно отставала, меня находил Волк и указывал мне путь. К счастью, в этом районе почти не было болот, тайга была чистая, хорошо проходима, и скоро я почти перестала замечать тяготы нашего путешествия.

Эллей безошибочно определял места, где могли быть нужные ему травы. Прежде чем коснуться любой былинки, он закрывал глаза и на несколько мгновений погружался в размышление. Тогда его лицо становилось спокойным, ясным, и мне казалось, что он молится, хотя губы его были неподвижны. Он говорил о растениях с удивительной теплотой, словно о своих близких.

Спустя несколько часов Эллей решил, что пришло время для отдыха. Он выбрал место изумительной красоты близ ручья, ниспадавшего по камням маленьким хрустальным водопадом, набрал воды и принялся готовить еду. Я, наконец, поняла, чем он питался: это был суп из вяленого мяса с найденными им кореньями, грибами и травами. После нашей стремительной прогулки я тоже ела с превеликим удовольствием, чувствуя, что это экзотическое блюдо прибавит мне сил. Досталось кое-что и Волку, впрочем, он-то отлично знал, чем еще можно поживиться в тайге.

Домой мы возвращались в обычное для Эллея время, и втайне я ликовала: он не был вынужден сократить из-за меня свой маршрут. Уже на краю поселка нам встретились две немолодые якутки, одна из них — в ярком платке — шла не очень твердым шагом, распевая какую-то песню. Издали увидев нас, она запела нарочито громко и, как мне показалось, даже с вызовом.

— О чем эта песня? — спросила я Эллея.

— Я ее не знаю. Похоже, эта песня не из тех, что стоит слушать. Оставь, пойдем, скоро начнет смеркаться.

Когда мы поравнялись с женщинами, я все же не удержалась и сказала:

— Наверное, очень веселую песню вы поете!

— Хочешь знать? Я скажу! — якутка в ярком платке засмеялась. — Вот что я пою:

Она осыпала меня упреками,
Но я легко заполучил ее...
Посмотрите, какие безумные у нее глаза!

— Правду говорят, что у каждого свои песни, — заметил Эллей.

Удаляясь от нас, женщина продолжала громко петь, и ее голос еще долго звучал в прозрачном вечернем воздухе.

Все чаще я сопровождала Эллея и словно заново училась ходить, бегать, дышать. Он никогда не упрекал меня за неловкость и медлительность, но сама я тяжело переживала каждый свой промах. Когда в очередной раз ему пришлось помогать мне — на нашем пути оказался широкий ручей, — не в силах сдерживать досаду, я сказала:

— Простите... от меня одни только лишние заботы!

— Ну, не только... — отвечал он, искоса глядя на меня, — ты готовишь мне сносную еду, стираешь мою одежду, латаешь на ней дыры и пришиваешь пуговицы. К тому же ты любишь мою собаку.

Шла первая декада июля. Как-то вечером Эллей сказал: «У тебя немного усталый вид. Сегодня я сам приготовлю чай». И мы выпили по чашке терпкого, горьковатого, но не столь уж неприятного на вкус напитка. Не успела моя голова коснуться подушки, как я тут же уснула, погрузившись в какую-то мягкую бархатную пустоту. Мне стал сниться сон, который был так ярок, что я запомнила каждую деталь. Я стояла на краю скалы, и передо мной открывался вид на незнакомые, лишенные растительности горы. Небо пылало синевой. Послышался шум крыльев большой птицы, и я увидела орла, который опустился на выступ скалы рядом со мной. Он смотрел янтарным оком прямо на меня, но мне почему-то не было страшно. Я знала, что мы должны лететь вместе, и, когда орел взмахнул крыльями, шагнула с края скалы. Ощущение скольжения в воздухе и свист ветра в ушах были на удивление правдоподобными. Реальность этого переживания вытолкнула меня из сновидения. «Что за странный сон?» — спрашивала я себя. Больше заснуть я не могла. Утром я вышла проводить Эллея. Его, наверное, удивил мой вид, потому что он вдруг пробежал кончиками пальцев по моей щеке и участливо спросил: «Что, снился плохой сон?»

— Нет, просто это был очень необычный сон — его невозможно забыть.

Он не сказал больше ни слова и не оглядываясь устремился в сторону тайги.

Эллей щедро делился со мной воспоминаниями о своей жизни, рассказывал мне какие-то отрывки из олонхо, легенды о животных, охотничьи предания, обо всем необычном, что мы видели. Как-то он показал мне один с виду невзрачный камень, который оказался очень мягким. Вскрыв его ножом, он высы-

пал на ладонь светло-серый порошок, который находился внутри: «Этот порошок — очень ценное сырье для лекарств, но добыть его можно только в это время. Если найдешь камень осенью, его нельзя будет даже поцарапать, настолько он будет тверд».

Однажды, когда мы присели отдохнуть в тени невысокого кедра, он на минуту задумался, а потом вдруг улыбнулся и стал рассказывать: «Вот история о том, как якут обманул злого духа. Темным зимним вечером возвращался домой один охотник. Злой дух решил напугать его до смерти и душу забрать. Было совсем темно: луну скрыли облака. Слышит охотник — кто-то идет вслед за ним. Обернулся — никого. Идет дальше. Остановился прислушиваясь — и позади шаги тут же смолкли. Охотник прибавил шагу, и позади кто-то заторопился. Охотник кашлянул, и позади кто-то кашлянул. Охотник хлопнул в ладоши, и тут же позади раздался хлопок ладоней. „Ладно, — подумал охотник, — видно, ты повторяешь всё, что делаю я. Сейчас испытаю тебя“. Остановился — позади тут же стало тихо. Пошел быстрее, и позади кто-то ускорил шаг. Кашлянул, и позади кто-то кашлянул. Тут охотник сделал вид, что собирается хлопнуть в ладоши, и... злой дух хлопнул в ладоши. Так он был опозорен и ни с чем вернулся в свой нижний мир».

Хорошо изучив окрестные леса, Эллей обнаружил маленькое озеро с песчаными берегами, спокойная поверхность которого изумила меня своим серебристо-зеленым цветом. Он сказал, что это озеро питают множество целебных источников, и мы непременно должны купаться здесь каждый раз, когда идем мимо. Он плавал и резвился в воде, словно какой-то диковинный зверь. Впервые подойдя к озеру, я долго в нерешительности стояла на кромке песка, а он от всей души смеялся над моим страхом и в конце концов просто толкнул меня в освежающую прохладу воды. Когда, вдоволь накупавшись, мы грелись на берегу, я заметила у него на плече маленькую татуировку в виде распахнутого птичьего крыла.

Я не узнавала себя. Благодаря нашим подчас нелегким путешествиям я стала внимательней, собранней. Мое тело обрело быстроту и гибкость, бесследно исчезли прежние скованность и апатия. Мне было трудно понять, как Эллей этого добился и почему он сделал это для меня. Иногда я ловила себя на мысли, что он и был моим главным лекарством, этот человек, показывающий мне пример силы духа, заботы о других, бесконечной любви ко всему живому.

Приближалась осень. Эллей ничего не говорил о времени своего отъезда. Все шло своим чередом: наши незабываемые походы в тайгу, долгие беседы в дни отдыха, те немногие дни, которые я проводила дома одна.

Однажды мы расположились отдохнуть в холмистой части тайги, откуда были видны невысокие зеленые горы. Удобно устроившись на мягком барха-

тистом мхе, я прислонилась к стволу огромной лиственницы и принялась перебирать ягоды, которые мы собрали по дороге. Вскоре пришел Эллей, осматривавший окрестности. Опустившись на корточки, он стал наводить порядок в своем рюкзаке. Вдруг он сказал:

— Я устал, отдохнуть хочу немного.

Он прилег неподалеку от меня и закрыл глаза. Неожиданно смолкли все обычные таежные голоса, и воцарилась полная тишина. Удивительная тишина. Дыхание Эллея было ровным, почти неслышным, казалось, он задремал. Мне показалось, что его черты смягчились, морщины разгладились. Лишь тонкая морщинка между бровей выдавала какое-то тайное напряжение.

— Скоро мне нужно возвращаться на свою зимовку, — едва слышно сказал он.

— Как я останусь без тебя?

— Ты должна вернуться в свой город, к друзьям, к привычным делам и жить своей жизнью. Теперь у тебя достаточно сил.

— Своей жизнью?! Я умру от тоски в этом городе, задохнусь в его каменных стенах, мне хочется свежего ветра, свободы...

— Дитя, я понимаю, о чем ты. Иногда мы переживали одно и то же в наших снах.

— Кем бы ты ни был, не оставляй меня. Разрешите мне последовать за тобой!

— Ты не выдержишь такой жизни — в уединении, среди тайги. Тебе она скоро наскучит, и ты будешь рваться прочь от меня, проклиная тот день, когда мы встретились.

— Ведь ты мог бы многому научить меня. Ты мне не доверяешь?

— Я просто хочу, чтобы ты была счастлива. — Он поднялся и сел рядом со мной.

— Сейчас больше ни слова! Нам пора в обратный путь, — сказал он строго, но его голос дрогнул. Мы тут же собрались и пошли. У меня из глаз сплошным потоком лились слезы. Я плакала молча, чтобы он не услышал. Мы шли очень быстро. Над тайгой сгустились довольно плотные дождевые об-

лака. Эллей, то и дело поглядывая на небо, торопил меня, опасаясь, что мы не успеем домой до начала ливня. Я пошла быстрее и, догнав его, не удержалась от шутливого вопроса: «Это опять твоих рук дело?» Он улыбнулся мне, как он умел, одними глазами и сказал: «На этот раз это воля Сугэ Тойона. Нам нужно спешить».

Все время, оставшееся до отъезда Эллея, мы провели вместе. Я втайне надеялась, что обязательно сумею найти его пристанище, в какой бы глуши оно ни было, и постараюсь убедить его в том, что смогу быть ему полезной, что должна остаться с ним навсегда. В предпоследний день он сказал:

— Сегодня ты не можешь пойти со мной. Очень, очень скверный день. У меня плохое предчувствие. Может произойти все что угодно.

— Но ты все-таки идешь, — пробовала возразить я.

— Обещаю тебе, что скоро вернусь.

— Прошу тебя, ведь это в последний раз. Каково мне будет ждать тебя, зная, что с тобой может что-то случиться!

Эллей долго смотрел на меня из-под полуприкрытых век и наконец сказал:

— Что ж, иди. Только не отставай от меня ни на шаг.

Откуда взялись эти охотники на их пути? Никто уже не узнает. Это был случайный выстрел — выстрел ниоткуда. Светлана почувствовала мгновенную боль в груди — пуля, словно ведомая божествами судьбы, смертельно ранила ее. Эллей, еще живую, принес ее на руках в поселок. Пока силы не оставили ее, она лепетала: «Обмани *его*, обмани, не отдавай меня *ему*...» Он отвечал: «Не бойся, дитя, я не отдам тебя, я закрою путь в Бездну Смерти». И он успел сделать все, что было нужно. Теперь она была его духом-хранителем. Навсегда покидая эти места, Эллей уносил с собой ее изображение-*эмгэт* — маленькую женскую фигурку, вырезанную из дерева. Когда он брал ее в руки и что-то шептал, их души, как прежде, соединялись и парили в светлом мире Творца-Айы.

Е. Ю. Харьковская